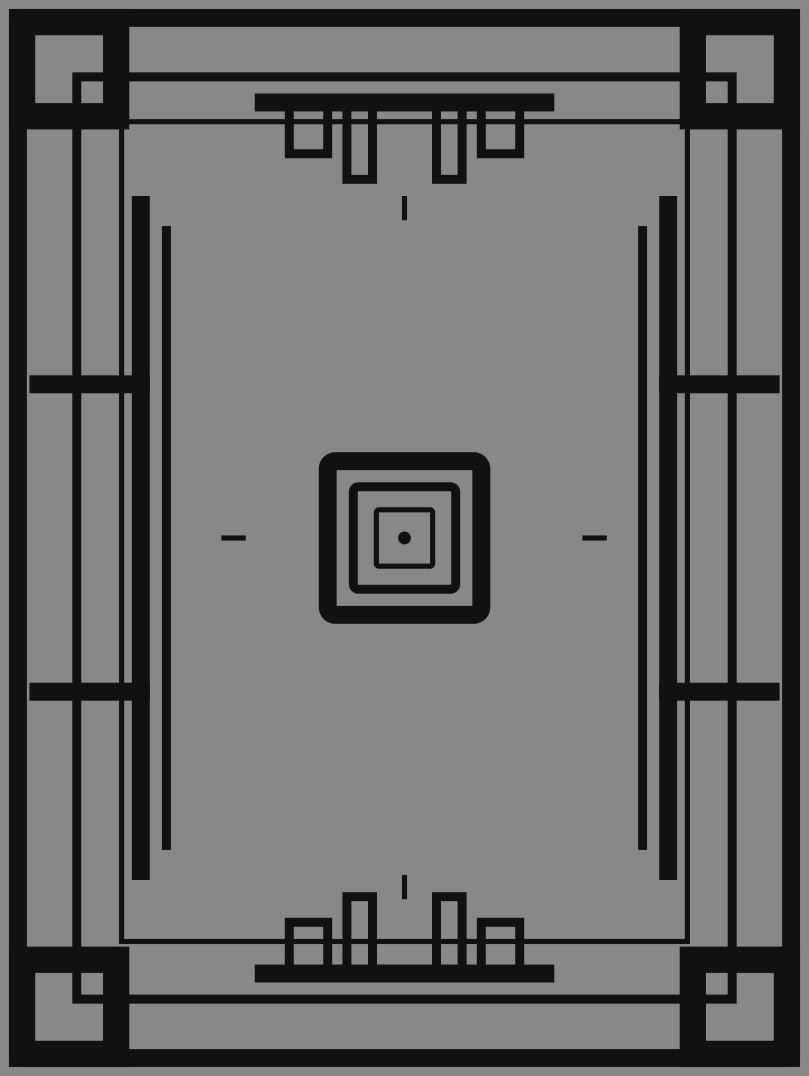

Установление
Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Установление — 1

Аннотация

Действие первой части трилогии разворачивается в далеком будущем, когда заселены планеты миллионов звездных систем Галактики. Математик и психоисторик Хари Сэлдон предсказывает крах и возрождение через много лет несокрушимой Галактической Империи. Чтобы смягчить последствия катастрофы он разрабатывает проект создания Основания, которое должно стать центром зарождения новой Империи…

Айзек Азимов
Установление — 1

Памяти моей матери (1895–1973)

Перевод с английского и комментарии Т.Ю. Магакяна

Часть I. П С И Х О И С Т О Р И К И

1.

ХАРИ СЕЛДОН — …родился в 11988 г. Галактической Эры; умер в 12069 г. Чаще эти даты приводятся в нынешней Эре Установления: 79 г. до Э.У. — 1 г. Э.У. Родившись на Геликоне, в Арктурианском секторе, в семье, принадлежавшей к среднему классу (его отец, согласно легенде сомнительной аутентичности, занимался выращиванием табака на гидропонных фабриках планеты), он рано проявил изумительные математические способности. Об этих его способностях повествуют бесчисленные анекдоты, частью, однако, противоречивые. Как говорят, в возрасте двух лет он…

…Без сомнения, величайшие его достижения относятся к области психоистории. До Селдона эта отрасль науки едва ли представляла собой нечто большее, чем набор расплывчатых аксиом; он превратил ее в глубокую статистическую

науку…

…Лучшим из имеющихся источников подробностей его жизни является биография, написанная Гаалом Дорником, который еще молодым человеком встретился с Селдоном за два года до кончины великого математика. История их встречи…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA*)

---

*) Все выдержки из ENCYCLOPEDIA GALACTICA приводятся здесь по 116-ому изданию, опубликованному в 1020 г. Э.У. издательством ENCYCLOPEDIA GALACTICA, Терминус, с разрешения издателей.

Его звали Гаал Дорник, и он был простым деревенским парнем, никогда до того не видевшим Трантора. То есть не видевшим наяву. Много раз он видел его по гипер-видео, а иногда и в грандиозных объемных выпусках новостей, посвященных Имперской коронации или открытию Галактического Совета. Так что, как видите, даже прожив всю жизнь на планете Синнакс, обращающейся вокруг звезды у края Голубого Потока, он не был отрезан от цивилизации. Впрочем, в те времена это относилось к любому месту

в Галактике.

Тогда в Галактике насчитывалось почти двадцать пять миллионов обитаемых планет, и все до одной они были верны Империи, трон которой находился на Транторе. То были последние полвека, когда это утверждение еще соответствовало истине.

Для Гаала это путешествие, без сомнения, было венцом его пока недолгой, занятой научной работой жизни. В космосе он бывал и до того, поэтому с чисто познавательной точки зрения оно для него не имело особого значения. Правда, раньше он отправлялся не дальше единственного спутника Синнакса, где собирал для своей диссертации необходимые данные о метеорном дрейфе. Но ведь космический полет выглядит одинаково, пересекаешь ли ты всего полмиллиона миль или многие световые годы.

Гаал немного подтянулся в ожидании Прыжка через гиперпространство — явления, которое не доводится испытывать в обычных межпланетных перелетах. Прыжок оставался и, вероятно, останется и впредь единственным практическим методом для путешествий от звезды к звезде. Полет в обычном пространстве не может происходить быстрее скорости света (эта крупица

научного знания относилась к вещам, известным еще со времен позабытой зари человеческой истории), что означало годы пути для перелета даже между ближайшими населенными системами. Но сквозь гиперпространство, это невообразимое нечто, которое не является ни пространством, ни временем, ни веществом, ни энергией, ни чем-то, ни ничем, можно было пересечь всю Галактику поистине за один миг.

Гаал ожидал первого из этих Прыжков с некоторым страхом, уютно устроившимся где-то внутри его живота, но Прыжок завершился не более чем пустячной дурнотой, небольшой внутренней встряской, прекратившейся раньше, чем он уверился, что вообще ощутил ее. Это было все.

И вот он, новоиспеченный доктор математики, получив приглашение от великого Хари Селдона прибыть на Трантор и присоединиться к его всеобъемлющему и немного загадочному Проекту, летит туда на огромном и сверкающем корабле, являющим собой великолепный итог двенадцати тысяч лет имперского прогресса.

Разочарованный Прыжком, Гаал нетерпеливо ожидал момента, когда впервые увидит Трантор. Он периодически возвращался к смотровой рубке. Когда в предписанное время откатывались сталь-

ные шторы, он обычно уже ждал там, наблюдая жесткий блеск звезд, восхищаясь невероятным туманным роем звездного скопления, подобным огромной куче светлячков, пойманных в полете и навек застывших. Один раз показалась холодная, бело-голубая дымка газовой туманности где-то в пяти световых годах от корабля: она молочно растянулась по всему иллюминатору, заполнив рубку ледяными бликами — и исчезла из виду двумя часами позже, после очередного Прыжка.

Здесь, близ галактического центра, звезды сгущались, и солнце Трантора вначале выглядело как резкая белая искра, терявшаяся в мириадах себе подобных и выделенная лишь благодаря системе наведения корабля. Но с каждым Прыжком оно сияло все ярче, подавляя прочие звезды, заставляя их тускнеть и меркнуть.

Вошел офицер и предупредил:

— Смотровая рубка закрывается до конца полета. Приготовьтесь к посадке корабля.

Гаал последовал за ним. Тронув рукав белой формы с имперским знаком Звездолета-и-Солнца, он сказал:

— Нельзя ли разрешить мне остаться? Я хотел бы увидеть Трантор.

Офицер улыбнулся, и Гаал немного покраснел,

сообразив, что говорит с провинциальным акцентом.

— К утру мы совершим посадку на Трантор, — сказал офицер.

— Я имел в виду, что хотел бы увидеть его из космоса.

— О! Сожалею, мой мальчик. Будь это космическая яхта, мы смогли бы это устроить. Но мы идем круто вниз с солнечной стороны. Тебе же не хочется сразу ослепнуть, обгореть и облучиться?

Гаал зашагал было прочь. Офицер крикнул ему вслед:

— Трантор все равно будет выглядеть лишь серым пятном. Паренек, почему бы, попав на Трантор, тебе не заказать космическую экскурсию? Они недороги.

Гаал оглянулся.

— Большое спасибо.

Ребячество столь же естественно находит на мужчин, как и на детей, и комок подступил к горлу Гаала. Он никогда не видел Трантора, распростершегося во всей своей невероятности, огромного как сама жизнь, и он не хотел больше ждать.

2.

Корабль садился, погруженный в мешанину

звуков. Издали доносился свист атмосферного воздуха, рассекаемого и отбрасываемого назад стремительно мчавшимся звездолетом. Непрерывно гудели кондиционеры, борясь с жаром трения; неторопливо громыхали двигатели, усиливающие торможение. Собравшись в посадочном отсеке, галдели мужчины и женщины; скрежетали подъемники, доставляя багаж, почту и грузы к продольной оси корабля, откуда их потом переместят к разгрузочной платформе.

Гаал почувствовал слабый рывок, указывающий, что корабль больше не движется сам по себе. Уже немалое время гравитационное поле корабля постепенно сменялось тяготением планеты, а тысячи пассажиров терпеливо ждали, сидя в посадочных отсеках. Те свободно поворачивались, приспосабливая свою ориентацию к изменяющемуся направлению силы тяжести. Наконец толпа по крутым пандусам двинулась вниз к широким зияющим люкам.

Багаж Гаала был невелик. Он ждал у стойки, пока его поклажу быстро и умело досмотрели и уложили снова, проверили визу и приложили печать. Он едва замечал происходящее.

Это был Трантор! Воздух казался здесь чуть плотнее, гравитация — несколько больше, чем

на Синнаксе, его родной планете. Но к этому он привыкнет. Сможет ли он привыкнуть к необъятности?

Космопорт был огромен. Крыша почти терялась в вышине. Гаал был готов поверить, что под ней могут образовываться облака. Дальней стены не было видно: лишь люди, стойки и пол, уходящий в дымку.

Человек у стойки заговорил озабоченным тоном. Он сказал:

— Проходите, Дорник.

Ему пришлось открыть визу и заглянуть в нее, чтобы вспомнить имя.

— Куда… куда… — начал Гаал.

Человек за стойкой ткнул пальцем.

— Такси — направо, третий выход налево.

Гаал направился в указанном направлении и увидел сияющие извивы воздуха, подвешенные высоко в пустоте и гласящие: "ТАКСИ ВО ВСЕ ПУНКТЫ".

Когда Гаал отошел, от безымянной толпы отделилась фигура и придвинулась к стойке. Человек у стойки посмотрел вверх и кратко кивнул. Фигура кивнула в ответ и последовала за молодым иммигрантом, успев как раз вовремя, чтобы услышать, куда тот отправился.

Гаал уперся в поручни ограждения.

Небольшая табличка гласила: "Диспетчер". Человек, к которому она относилась, спросил, не поднимая глаз:

— Куда?

Гаал растерялся, и даже в течение этих нескольких секунд нерешительного раздумья за ним успела образоваться очередь. Диспетчер посмотрел вверх:

— Куда?

Финансы Гаала были скудными, но требовалось переночевать лишь одну ночь: потом он устроится на работу. Он попытался принять беззаботный вид.

— Хороший отель, пожалуйста.

Диспетчер оставался невозмутимым.

— Они все хорошие. Назовите, который.

Гаал сказал в отчаянии:

— Ближайший, пожалуйста.

Диспетчер нажал кнопку. На полу появилась тонкая световая черта, которая извивалась среди других ей подобных, вспыхивая всеми цветами и оттенками. В руки Гаалу сунули слабо светящийся билет.

— Один и двенадцать, — сказал диспетчер.

Гаал порылся в горсти монет.

— Куда мне идти? — спросил он.

— Следуйте за светом. Пока вы идете в правильном направлении, билет будет светиться.

Гаал осмотрелся и зашагал. По просторному полу, вдоль своих указательных линий брели сотни людей, рассеиваясь в точках пересечений, чтобы добраться до соответствующих мест назначения.

Его собственная дорожка закончилась. Человек в ослепительной желто-голубой униформе, сияющей незапятнанной новизной пластоткани, потянулся к двум его сумкам.

— Прямая линия до "Луксора", — сказал он.

Тот, кто наблюдал за Гаалом, расслышал это. Он также услышал, как Гаал ответил: "Прекрасно", и проследил, как тот входит в тупоносый аппарат.

Такси отвесно взмыло вверх. Гаал глядел по сторонам сквозь изогнутые прозрачные окна, дивясь ощущению полета внутри закрытого помещения и бессознательно вцепившись в спинку водительского сиденья. Пространство как бы сжалось, и люди превратились в беспорядочно раскиданных муравьев. Затем, уменьшившись еще, картина эта заскользила назад.

Впереди была стена. Она начиналась прямо в воздухе и уходила вверх насколько можно было охватить взглядом. Ее изрешечивали дыры,

оказавшиеся входами в туннели. Такси Гаала приблизилось к одному из них и нырнуло внутрь. Гаал даже подивился: как это водитель выбрал нужный туннель из столь многих.

Теперь осталась только чернота. Мрак рассеивался лишь пролетавшими мимо цветными сигнальными огнями. Воздух гудел от напора.

Затем торможение подтолкнуло Гаала вперед, такси выскочило из туннеля и снова опустилось на нижний уровень.

— Отель "Луксор", — сказал водитель, хотя это было понятно и так.

Он помог Гаалу вынести багаж, с деловым видом принял десять кредитов чаевых, подобрал ожидавшего пассажира и снова поднялся в воздух.

За все это время, начиная с момента высадки, не было видно ни кусочка неба.

3.

ТРАНТОР — ...К началу тринадцатого тысячелетия эта тенденция стала очевидной. Будучи центром имперского правительства в течение сотен сменявших друг друга поколений и находясь в центральной области Галактики, среди наиболее тесно заселенных и промышленно развитых миров, он не мог не стать самым плотным

и богатым сгустком человечества, когда-либо создававшимся этим родом.

Урбанизация планеты, постоянно развиваясь, достигла наконец предела. Вся суша Трантора, протяженностью в 75 000 000 кв. миль, стала единым городом. Максимальная численность населения превышала сорок миллиардов. Это огромное население занималось почти исключительно административными нуждами Империи, но его все равно недоставало, если учесть сложность задачи. (Вспомним, что именно невозможность нормального администрирования при вялом руководстве последних Императоров сыграла заметную роль в Упадке Галактической Империи). Ежедневно флот в десятки тысяч кораблей доставлял продукцию двадцати аграрных миров к обеденным столам Трантора…

Его зависимость от внешних миров в том, что касалось пищи и, в сущности, всего необходимого для жизни, делала Трантор все более уязвимым для осады. В последнее тысячелетие Империи непрерывно растущее число мятежей довело это обстоятельство до сознания каждого из Императоров, и имперская политика превратилась в нечто вроде защиты нежной сонной артерии Трантора…

Гаал не был уверен в том, светит ли солнце или, точнее, день ли теперь или ночь. Спрашивать он стеснялся. Казалось, вся планета живет под металлом. Правда, прием пищи, в котором он только что принял участие, именовался вторым завтраком, но существовало много планет, которые жили по стандартному времени, не учитывая смену дня и ночи (возможно, неудобную для них). Скорость вращения планет различалась, и он не знал, какова эта скорость для Трантора.

Для начала он, руководствуясь указателями, поспешил в "Солнечную комнату" и обнаружил, что это всего-навсего зал для принятия ванн искусственного освещения. Он помедлил секунду или две, затем вернулся в главный вестибюль "Луксора".

— Где я могу купить билет на экскурсию по планете? — спросил он у портье за стойкой.

— Прямо здесь.

— И когда она начнется?

— Вы как раз пропустили ее. Следующая — завтра. Купите билет сейчас, и мы забронируем для вас место.

— Ээ…

Завтра слишком поздно. Завтра ему надо быть

в университете. Он спросил:

— Разве тут нет башни для обозрения — или чего-нибудь в этом роде? Я хочу сказать — на открытом воздухе.

— Конечно! Вот вам билет туда, если желаете. Лучше подождите, я проверю, не идет ли дождь.

Портье коснулся контакта за плечом и вместе с Гаалом прочел поплывшие по экрану слова. Он сказал:

— Погода хорошая. Теперь я припоминаю, что стоит сухой сезон, — и словоохотливо добавил: — Лично я не интересуюсь внешним миром. Последний раз я был снаружи три года назад. Увидеть все это один раз, узнать, что к чему — и хватит. Вот ваш билет. Специальный лифт позади вас. Он помечен "К башне". Просто воспользуйтесь им.

Лифт был нового типа и работал на гравитационном отталкивании. Гаал вошел внутрь; за ним втянулись остальные. Оператор нажал кнопку. Когда гравитация упала до нуля, Гаал на миг ощутил себя подвешенным в пространстве. Потом, когда лифт ускоренно пошел вверх, он снова приобрел небольшой вес. Последовало замедление, и его ноги оторвались от пола. Он непроизвольно взвизгнул.

— Затолкни ноги под перила, — рявкнул оператор. — Ты что, читать не умеешь?

Прочие поступили именно так. Они улыбались, пока Гаал отчаянно и безуспешно пытался сползти вниз, цепляясь за стену. Их обувь была зажата хромированными перильцами, которые располагались на полу через каждые два фута параллельными рядами. Входя, он заметил эти скобы, но не обратил на них внимания.

Наконец, чья-то рука стащила его вниз. Он пробормотал слова благодарности. Лифт встал. Гаал ступил на открытую террасу, купавшуюся в ослепительном белом сиянии. Человек, чью руку помощи он только что принял, стоял прямо за ним. Он дружелюбно сказал:

— Полно свободных кресел.

Гаал закрыл разинутый в изумлении рот и произнес:

— Да-да, кажется, именно так.

Он машинально направился к креслам, потом остановился и сказал:

— Если вы не возражаете, я немного постою у ограды. Я… я хочу немного поглядеть.

Человек добродушно помахал рукой. Гаал оперся о перила, доходившие ему до плеча, и погрузился в панораму.

Он не видел земли. Она терялась во всевозрастающей сложности рукотворных сооружений. Он не различал линии горизонта — кругом лишь металл на фоне неба, простирающийся вдаль, становясь почти однородной серой полосой; и Гаал знал, что суша этой планеты повсюду являет одну и ту же картину. Не было видно почти никакого движения — только несколько прогулочных кораблей находилось в небе. Вся деловая суета миллиардов людей происходила, как он знал, под металлической кожей этого мира.

Не было зелени, доступной взору: ни растительности, ни почвы, ни жизни, не считая людей. Где-то на планете, как он смутно припоминал, располагался дворец Императора, воздвигнутый среди ста квадратных миль естественной почвы, в зелени деревьев, в радугах цветов. То был крошечный остров в океане стали, и отсюда его не было видно. Может быть, дворец находился в десяти тысячах миль отсюда. Он не имел представления об этом.

Ему надо будет побыстрее совершить экскурсию!

Гаал шумно вздохнул и осознал наконец, что он на Транторе — на планете, являющейся центром всей Галактики и ядром рода человеческого. Он

не видел ее слабостей. Он не видел садящихся кораблей с продовольствием. Он не ведал об артериях, связавших сорок миллиардов населения Трантора с прочей Галактикой. Он сознавал только самое могучее из деяний человека: полное и почти презрительное покорение мира.

Он отошел от перил слегка ослепленный. Его знакомый по лифту, улыбаясь, указал на соседнее кресло, и Гаал уселся рядом.

— Меня зовут Джеррил. Впервые на Транторе?

— Да, господин Джеррил.

— Я так и думал. Джеррил — это мое имя. Трантор захватывает, если ты настроен поэтически. Транторианцы, однако, никогда не поднимаются сюда. Они этого не любят. Это их нервирует.

— Нервирует?.. Кстати, меня зовут Гаал. А почему это их нервирует? Это так величественно.

— Это мнение субъективно, Гаал. Если ты родился в нише, вырос в коридоре, работаешь в комнатушке, а отпуск проводишь в битком набитом "солнечном зале", то попадая наружу, где над тобой нет ничего, кроме неба, ты действительно можешь испытать нервное потрясение. Детей заставляют ходить сюда каждый год, как только им исполнится пять. Не знаю, есть ли от этого польза. В сущности этого для них недостаточно, и

вначале они визжат как припадочные. Следовало бы начинать, как только их отнимут от груди, и устраивать такие выходы раз в неделю.

Он продолжал:

— Конечно, на самом деле это неважно. Ну и что, если они вообще не будут выходить наружу? Они счастливы там, внизу, и они руководят Империей. Как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

— Полмили? — сказал Гаал и подумал, не наивно ли это звучит.

Видимо, это было так, поскольку Джеррил хмыкнул и произнес:

— Нет. Каких-нибудь сто пятьдесят метров.

— Как? Но лифт поднимался…

— Да, конечно. Но большую часть времени он просто выбирался к уровню поверхности. Глубина туннелей, которыми прорыт Трантор, превышает милю. Он подобен айсбергу: девять десятых его скрыто от глаз. Он даже продвинулся на несколько миль в грунт под океаном у береговой линии. В действительности мы находимся столь глубоко, что можем использовать перепад температур между поверхностью и парой миль глубже, дабы обеспечить себя всей необходимой энергией. Знали ли вы об этом?

— Нет, я думал, что вы используете атомные генераторы.

— Было дело когда-то. Но так дешевле.

— Наверное.

— И что вы обо всем этом думаете?

Добродушие его собеседника вмиг испарилось, обнажив проницательный взор. Он выглядел почти лукаво. Гаал смешался.

— Величественно, — повторил он еще раз.

— Прибыли в отпуск? Путешествуете? Гуляете?

— Не совсем. Собственно, я всегда хотел посетить Трантор, но прибыл сюда главным образом для работы.

— Ого!

— Участвовать в Проекте доктора Селдона из Транторианского Университета, — Гаал счел себя обязанным пояснить далее.

— Ворона Селдона?

— Да нет. Я говорю о Хари Селдоне — психоисторике Селдоне. Я не знаю никакого Ворона Селдона.

— Я и имею в виду Хари. Его прозвали Вороном. Кличка, понимаете. Он все время предрекает катастрофу.

— Он предрекает? — Гаал был неподдельно изумлен.

— Конечно, вы же должны знать, — Джеррил не улыбался. — Вы же приехали работать у него, не так ли?

— Ну да, я математик. Но почему он предсказывает катастрофу? Какую именно катастрофу?

— И какую же, вы полагаете?

— Боюсь, что не имею ни малейшего представления. Я читал статьи, опубликованные доктором Селдоном и его группой. Они касаются математической теории.

— Да, те, что они публикуют.

Гаал почувствовал беспокойство. Он сказал:

— Думаю, мне пора возвращаться в свой номер. Был очень рад познакомиться с вами.

Джеррил безразлично помахал рукой на прощание.

В своем номере Гаал обнаружил дожидавшегося его человека. На секунду он так опешил, что даже не смог выговорить неизбежно просящегося в такой ситуации: "Что вы здесь делаете?"

Человек поднялся. Он был стар, почти полностью лыс и двигался прихрамывая, но глаза его блестели голубизной.

— Я Хари Селдон, — сказал он на миг раньше, чем потрясенное сознание Гаала смогло поместить это лицо бок о бок с памятью о столько раз

виденных портретах.

4.

ПСИХОИСТОРИЯ — …используя нематематические концепции, Гаал Дорник определил психоисторию как ту область математики, которая имеет дело с реакциями людских совокупностей на определенные социальные и экономические стимулы…

…Во всех этих определениях неявно принимается, что рассматриваемая совокупность людей достаточно велика для обоснованного статистического анализа. Необходимый размер такой совокупности может быть выведен из Первой Теоремы Селдона, которая… Дальнейшее обязательное допущение заключается в том, что людская совокупность не должна подозревать о проводимом психоисторическом анализе, чтобы ее реакции были действительно случайны…

Вся подлинная психоистория основывается на разработке функций Селдона, которые проявляют свойства, конгруэнтные таковым для социальных и экономических зависимостей, таких как…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

— Добрый день, сударь, — сказал Гаал. — Я… я…

— Вы не думали, что мы встретимся раньше чем

завтра. В обычных обстоятельствах так бы и случилось. Просто если мы собираемся использовать вашу помощь, надо действовать быстро. Становится все более сложно принимать новичков.

— Я не понимаю, сударь.

— Вы разговаривали с человеком на наблюдательной башне, не так ли?

— Да. Его звали Джеррил. Больше я о нем ничего не знаю.

— Как его звали, неважно. Он — агент Комиссии Общественной Безопасности. Он следил за вами от самого космопорта.

— Но почему? Боюсь, я совсем запутался.

— Не заговаривал ли человек на башне обо мне?

Гаал поколебался.

— Он назвал вас Вороном Селдоном.

— Сказал ли он, почему?

— Он говорил, что вы предсказываете катастрофу.

— Да, я это делаю. Что значит для вас Трантор?

Казалось, всех интересует его мнение о Транторе. Гаал был в состоянии лишь плоско ответить:

— Это величественно.

— Вы сказали не подумав. Как насчет психоистории?

— Я не предполагал прилагать ее к подобной проблеме.

— Прежде чем вы отделаетесь от меня, молодой человек, вы научитесь применять психоисторию, как нечто само собой разумеющееся, ко всем проблемам. Следите.

Селдон извлек свой калькулятор из поясного кармана. Говорили, что еще один такой же он держит под подушкой, чтобы пользоваться им в минуты бессонницы. Серая блестящая поверхность калькулятора была слегка истерта от постоянного употребления. Изящные пальцы Селдона, несущие на себе печать возраста, заплясали на рядах и строках кнопок. Вверху засветились красные символы. Селдон сказал:

— Вот представление текущих условий в Империи.

Он выждал. Наконец Гаал заявил:

— Это явно неполное представление.

— Да, неполное, — ответил Селдон. — Я доволен, что вы не принимаете сказанное мною вслепую. Однако это приближение послужит нам для демонстрации предсказаний. С этим вы согласитесь?

— Только после проверки уклонения функции моим новым методом, — Гаал осторожно избегал

возможной ловушки.

— Хорошо. Добавим к этому известную вероятность убийства Императора, восстания вице-королей, современную периодичность экономических спадов, снижение уровня планетных исследований… — он продолжал перечислять.

При упоминании каждой темы его прикосновения к клавишам вызывали к жизни все новые символы, которые вливались в расширяющуюся и меняющуюся основную функцию. Гаал остановил его лишь раз.

— Я не усматриваю законности вот этого преобразования.

Селдон повторил то же помедленнее. Гаал сказал:

— Но это делается с помощью запрещенной социооперации.

— Хорошо. Вы соображаете быстро, но еще недостаточно быстро. В этом уравнении она не является запрещенной. Я сделаю это в более развернутом виде.

Теперь процедура длилась куда дольше, и по ее завершении Гаал пробормотал:

— Да, теперь я вижу.

Наконец Селдон остановился.

— Вот Трантор спустя три века. Как вы это ин-

терпретируете? А? — ожидая, он склонил голову набок.

Не веря своим глазам, Гаал выговорил:

— Полный распад! Но… но это невозможно. Трантор никогда не был…

Селдон был преисполнен оживления. В этом человеке состарилось лишь тело.

— Ну, ну. Вы же видели, как мы пришли к этому результату. Облеките его в слова. Забудьте на миг символику.

Гаал сказал:

— Становясь все более специализированным, Трантор становится и все более уязвимым, менее способным к самозащите. Далее, продолжая развиваться как административный центр Галактики, он становится все более лакомым куском. По мере того, как порядок наследования в Империи утрачивает определенность, а вражда между высшими семействами становится все более явной, социальная ответственность пропадает.

— Достаточно. А как насчет численной вероятности полного разрушения за три века?

— Я не могу этого сказать.

— Но вы же умеете делать полевое дифференцирование?

Гаал чувствовал себя под откровенным натис-

ком. Калькулятора ему не предложили. Селдон держал его в футе от глаз Гаала. Он яростно вычислял, ощущая, как его лоб взмок от пота. Он произнес:

— Около 85 %?

— Неплохо, — заметил Селдон, выпятив нижнюю губу, — но и не блестяще. Действительное значение — 92.5 %.

— И вот из-за этого вас называют Вороном Селдоном? — спросил Гаал. — В журналах я не видел ничего подобного.

— Конечно. Такое нельзя печатать. Не полагаете ли вы, что имперское правительство может так открыто проявить свою слабость? Это очень простая демонстрация психоистории. Но некоторые наши результаты дошли до аристократии.

— Плохо.

— Вовсе нет. Все учтено.

— И потому-то за мной следят?

— Да. Следят за всем, что касается моего проекта.

— Вы в опасности, сударь?

— О, да. Существует вероятность в 1.7 %, что я буду казнен, но, конечно, это не остановит проекта. Мы учли также и это. Впрочем, неважно. Завтра, я полагаю, мы встретимся в университете?

— Я приду, — сказал Гаал.

5.

КОМИССИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — …Власть аристократического окружения возросла после убийства Клеона I, последнего из Энтунов. В целом она внесла элементы законности на протяжении длившегося веками периода нестабильности и неуверенности императорской власти. Обычно находясь под контролем знатных семейств Ченов и Дивартов, она выродилась наконец в слепой инструмент поддержания статус кво… Полного отстранения Комиссии от государственной власти добился лишь последний сильный Император — Клеон II. Первый Главный Комиссионер…

…Некоторым образом начало упадка Комиссии может быть увязано с судом над Хари Селдоном, состоявшимся за два года до начала Эры Установления. Этот суд описан Гаалом Дорником в биографии Хари Селдона…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Гаал не выполнил своего обещания. На следующее утро его пробудил приглушенный звонок. Гаал ответил, и голос портье, приглушенный, вежливый и непреклонный, информировал его, что он находится под арестом согласно приказу

Комиссии Общественной безопасности.

Гаал кинулся к двери и обнаружил, что та больше не открывается. Ему оставалось только одеться и ждать.

За ним пришли и отвели куда-то в другое место, но это все равно был арест. Вопросы ему задавали очень вежливо. Все было исключительно цивилизованно. Гаал объяснил, что он провинциал с Синнакса; что он посещал такие-то учебные заведения и получил степень доктора математических наук тогда-то; что он обращался по поводу зачисления в штат доктора Селдона и был принят. Снова и снова он сообщал эти подробности; снова и снова они возвращались к вопросу его присоединения к Проекту Селдона. Откуда он услышал о нем; каковы должны были быть его обязанности; какие секретные инструкции он получил; ради чего все это затевается?

Он отвечал, что не знает. Он не имел секретных инструкций. Он ученый-математик. Он не интересуется политикой.

И наконец вежливый инквизитор спросил:

— Когда Трантор будет разрушен?

Гаал запнулся.

— Сам я этого не знаю.

— Тогда знает ли кто-нибудь другой?

— Как я могу говорить за других?

Он чувствовал себя разгоряченным, даже слишком разгоряченным. Инквизитор поинтересовался:

— Говорил ли кто-нибудь вам о таком разрушении, называл ли дату? — и видя, что молодой человек колеблется, он продолжал: — За вами следили, доктор. Мы были в космопорту, когда вы прибыли; на наблюдательной башне, когда вы дожидались встречи; и, конечно, мы были в состоянии подслушать вашу беседу с доктором Селдоном.

— Тогда вы знаете его взгляды на это дело, — сказал Гаал.

— Возможно. Но мы хотели бы услышать о них от вас.

— Он считает, что Трантор будет уничтожен в течение трех веков.

— Он доказал это… э… математически?

— Да, он это сделал, — с отчаянием бросил Гаал.

— Вы утверждаете, что… э… математика заслуживает доверия, я полагаю.

— Если за нее ручается доктор Селдон, она заслуживает доверия.

— Тогда мы вернемся.

— Подождите. Я имею право на адвоката. Я требую соблюдения моих прав гражданина Империи.

— Вы его получите.

И действительно, адвокат вскоре появился.

Это был высокий человек, лицо которого, казалось, состояло из одних вертикальных линий и было так узко, что оставалось лишь гадать, хватит ли на нем места для улыбки.

Гаал поднял глаза. Он выглядел взлохмаченным и поникшим. Он пробыл на Транторе не более тридцати часов, а произошло уже столько такого…

Человек сказал:

— Я Лорс Аваким. Доктор Селдон поручил мне защищать вас.

— В самом деле? Тогда слушайте. Я требую немедленного обращения к Императору. Я задержан без предъявления обвинений. Я ни в чем не виновен. Ни в чем, — он резко выбросил руки вперед, ладонями книзу. — Немедленно организуйте слушание у Императора.

Аваким тщательно выкладывал на пол содержимое плоской папки. Будь Гаал в более подходящем состоянии, он мог бы признать деловые бланки из целлометa, узкие как ленты и

подходящие для вкладывания в персональную капсулу. Он мог бы также заметить карманный диктофон.

Аваким наконец посмотрел вверх, не обращая внимания на вспышку Гаала, и сказал:

— Комиссия, конечно, подслушает наш разговор направленным лучом. Это противозаконно, но они, тем не менее, будут его использовать.

Гаал заскрежетал зубами.

— Однако, — Аваким уселся поудобнее, — диктофон, который стоит на столе — и который с виду выглядит как совершенно обычный диктофон, хорошо выполняющий свои функции — имеет дополнительную способность подавлять подслушивающие лучи. Сразу они этого не распознают.

— Тогда я могу говорить.

— Конечно.

— Тогда я требую слушания дела в присутствии Императора.

Аваким холодно улыбнулся, и выяснилось, что на его узком лице места все же хватает. Его щеки сморщились, чтобы освободить пространство.

— Вы из провинции, — сказал он.

— Тем не менее я гражданин Империи. Не хуже вас или любого из этой Комиссии Общественной Безопасности.

— Без сомнения, без сомнения. Просто вы, будучи провинциалом, не представляете реальной жизни на Транторе. Никаких слушаний в присутствии Императора давно нет.

— Тогда к кому следует апеллировать против этой Комиссии? Есть какая-либо иная процедура?

— Никакой. Выхода практически нет. По закону вы можете апеллировать к Императору, но слушания дела вы не добьетесь. Нынешние Императоры — это не Энтунская династия, видите ли. Трантор, я боюсь, находится в руках аристократических семейств, представители которых и составляют Комиссию Общественной Безопасности. Такое развитие дел хорошо предсказывается психоисторией.

— В самом деле? — сказал Гаал. — В таком случае, если доктор Селдон может предсказать историю Трантора на триста лет в будущее…

— Он может предсказать ее на пятнадцать тысяч лет в будущее.

— Ну хорошо, пусть на пятнадцать тысяч. Почему же он не смог вчера предсказать события сегодняшнего утра и предупредить меня? Хотя нет, простите, — Гаал сел и подпер голову взмокшей ладонью. — Я хорошо понимаю, что

психоистория — наука статистическая и не может хоть сколько-нибудь точно предсказывать будущее одного человека. Вы понимаете, что я не в себе.

— Но вы ошибаетесь. Доктор Селдон действительно полагал, что вас сегодня утром арестуют.

— Что?!

— К несчастью, это так. Комиссия становится все более и более враждебной по отношению к его деятельности. Новым сотрудникам, присоединяющимся к группе, чинят все больше препятствий. Графики показывают, что для успеха наших планов события именно сейчас должны достигнуть критической точки. Комиссия сама по себе немного запаздывала, так что доктор Селдон посетил вас вчера, имея целью форсировать их реакцию. Причина лишь в этом.

Гаал перевел дух.

— Я преисполнен негодования…

— Пожалуйста, успокойтесь. Это было необходимо. Вы были выбраны не по каким-то личным причинам. Вы должны понять, что планы доктора Селдона основаны на изощренных математических расчетах, проводившихся восемнадцать лет, и включают в себя все возможные варианты со сколько-нибудь значительной вероятностью.

Этот — один из них. Меня прислали сюда с единственной целью: убедить вас, что вы не должны бояться. Все кончится хорошо: о проекте это можно сказать почти с уверенностью, а о вас — со значительной вероятностью.

— И каковы цифры? — потребовал Гаал.

— Для проекта — более 99.9 %.

— А для меня?

— Мне сообщили, что вероятность — 77.2 %.

— Значит, более одного шанса из пяти, что меня приговорят к тюрьме или к смерти.

— Вероятность последнего менее процента.

— Ну прямо. Расчеты в применении к конкретному человеку ничего не значат. Пришлите ко мне доктора Селдона.

— К несчастью, не могу. Доктор Селдон сам арестован.

Прежде, чем Гаал, собиравшийся то ли заплакать, то ли закричать, успел издать какой-то невнятный звук, дверь распахнулась настежь. Вошедший охранник подошел к столу, взял диктофон, оглядел его со всех сторон и сунул к себе в карман.

— Мне необходим этот прибор, — спокойно сказал Аваким.

— Мы снабдим вас таковым, советник, причем

не создающим помех.

— В таком случае мой разговор окончен.

Гаал проводил его взглядом и остался в одиночестве.

6.

Суд (Гаал предполагал, что это суд, хотя с точки зрения законности он мало походил на изощренную судебную процедуру, знакомую Гаалу по книгам) продлился недолго. Он происходил на третий день после его прибытия. Но Гаал, даже напрягая память, уже плохо припоминал, как именно все началось.

Впрочем, его самого едва удостоили внимания. Главный калибр был наведен на самого доктора Селдона. Хари Селдон, однако, сидел вполне невозмутимо. Гаалу он казался единственным островком устойчивости в этом мире.

Небольшая аудитория состояла исключительно из баронов Империи. Ни пресса, ни публика не были допущены. Казалось сомнительным, что кто-либо из посторонних вообще знает о суде над Селдоном. По отношению к обвиняемым царила нескрываемая враждебность.

Пятеро членов Комиссии Общественной Безопасности сидели за приподнятым столом. На них были алые с золотом одежды и блестящие

пластиковые шапочки, служившие знаком их судебной власти. В центре восседал Главный Комиссионер Линдж Чен. Гаал никогда раньше не встречал столь важного сановника и разглядывал его с благоговением. По ходу процесса Чен вымолвил лишь несколько слов. Он явно давал понять, что длинные речи унизили бы его достоинство.

Адвокат Комиссии справился со своими заметками, и допрос по-прежнему стоявшего на трибуне Селдона продолжился:

Вопрос. Давайте разберемся, доктор Селдон. Сколько человек сейчас занято в возглавляемом вами проекте?

Ответ. Пятьдесят математиков.

В. Включая доктора Гаала Дорника?

О. Доктор Дорник — пятьдесят первый.

В. А, так значит, мы имеем пятьдесят одного? Поройтесь в памяти, доктор Селдон. Может, их пятьдесят два или пятьдесят три? Или еще больше?

О. Доктор Дорник формально еще не вступил в мою организацию. Когда он это сделает, число членов станет равным пятидесяти одному. Сейчас же оно составляет пятьдесят, как я уже сказал.

В. А случайно не около ста тысяч?

О. Математиков? Нет.

В. Я не сказал — математиков. Ста тысяч человек всех профессий.

О. Если брать все профессии, то ваше число может быть верным.

В. Может быть? Оно правильно. Я утверждаю, что количество человек, занятых в вашем проекте, составляет девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два.

О. Полагаю, вы учитываете также жен и детей.

В.(повысив голос). Я подчеркиваю смысл моего утверждения — девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два отдельных человека. И нечего играть словами.

О. Я принимаю названное число.

В.(справляясь с заметками). Оставим тогда это на время и займемся другим вопросом, который мы уже отчасти обсудили. Не повторите ли вы, доктор Селдон, ваши мысли касательно будущего, ожидающего Трантор?

О. Я говорил и говорю снова: спустя три века Трантор будет лежать в руинах.

В. Не находите ли вы это утверждение нелояльным?

О. Нет, сударь. Научная истина превыше лояль-

ности или нелояльности.

В. А вы уверены, что ваше утверждение представляет собой научную истину?

О. Уверен.

В. На каком основании?

О. На основании математической психоистории.

В. Можете ли вы доказать справедливость этой математики?

О. Только другому математику.

В.(с усмешкой). Вы утверждаете, что ваша истина имеет столь скрытую природу, что находится превыше понимания простого человека. Мне же представляется, что истина должна быть ясной, менее таинственной, более открытой уму.

О. Некоторым умам она не кажется такой уж трудной. Физика переноса энергии, известная нам под названием термодинамики, является ясной и понятной на продолжении всей истории человечества еще с мифических времен, и тем не менее здесь могут присутствовать люди, неспособные спроектировать энергогенератор. И при этом люди большого ума. Я сомневаюсь, что высокоученые Комиссионеры…

Тут один из Комиссионеров наклонился к адвокату. Слов не было слышно, но он прошипел явно

какую-то грубость. Адвокат вспыхнул и прервал Селдона.

В. Мы здесь не для того, чтобы выслушивать речи, доктор Селдон. Допустим, что вы высказались по существу. Могу ли я предположить, что ваши катастрофические прогнозы могут быть направлены в ваших же личных целях на подрыв доверия общественности к имперскому правительству?

О. Это не так.

В. Могу ли я предположить, что вы имеете намерение утверждать, будто период времени, предшествующий так называемому падению Трантора, будет заполнен разного рода беспорядками?

О. А это правильно.

В. И что благодаря одному только предсказанию вы надеетесь реализовать их на деле и обзавестись к этому времени стотысячной армией.

О. Во-первых, это не так. Да и в противном случае расследование показало бы вам, что лишь десять тысяч человек способны носить оружие и ни один из них не имеет военной подготовки.

В. Являетесь ли вы чьим-либо агентом?

О. Я не состою на службе у кого бы то ни было, господин адвокат.

В. Значит, вы абсолютно незаинтересованны? Вы служите науке?

О. Именно.

В. Посмотрим. Возможно ли изменить будущее, доктор Селдон?

О. Очевидно. Этот зал суда может в ближайшие часы либо взорваться, либо нет. Если он взорвется, будущее, без сомнения, изменится незначительным образом.

В. Вы играете словами, доктор Селдон. Возможно ли изменить всю историю рода человеческого?

О. Да.

В. С легкостью?

О. Нет. С огромным трудом.

В. Почему?

О. Психоисторическая тенденция планеты, полной людей, несет в себе колоссальную инерцию. Чтобы измениться, она должна встретиться с чем-то, обладающим подобной же инерцией. Либо в этом акте должно участвовать столько же людей, либо, если число их будет относительно малым, для осуществления перемен понадобится выделить громадное время. Понятно ли вам?

В. Думаю, что да. Трантор не обязательно рухнет, если множество людей решит помешать

этому.

О. Да, это так.

В. Сто тысяч человек?

О. Нет, сударь. Этого слишком мало.

В. Вы уверены?

О. Учтите, что Трантор населяют более сорока миллиардов. Учтите далее, что гибельные тенденции присущи не одному только Трантору, а Империи в целом, Империя же включает в себя почти квинтиллион человек.

В. Понимаю. Тогда, быть может, сто тысяч человек смогут изменить тенденцию, если они и их потомки будут трудиться триста лет?

О. Боюсь, что не смогут. Триста лет — слишком краткое время.

В. Ага! В таком случае, доктор Селдон, мы приходим к следующему выводу, сделанному на основе ваших же утверждений. Вы собрали сто тысяч человек в рамках вашего проекта. Этого недостаточно, чтобы изменить историю Транторa за триста лет. Другими словами, они не смогут предотвратить гибель Трантора, что бы они ни делали.

О. К несчастью, вы правы.

В. И, с другой стороны, ваши сто тысяч не предназначаются для незаконных целей.

О. Несомненно.

В.(медленно, с удовлетворением). В таком случае, доктор Селдон… Слушайте очень внимательно, сударь, ибо мы хотим получить взвешенный ответ. Каково же предназначение ваших ста тысяч?

Голос Адвоката стал резким. Он захлопнул ловушку; загнал Селдона в угол; хитроумно лишил его всех возможностей для ответа.

Послышался шум. охвативший шеренги пэров в аудитории и затронувший даже Комиссионеров, которые, склонясь друг к другу, что-то шептали, сидя в своем пурпуре и золоте, и только Главный Комиссионер оставался невозмутим.

Хари Селдон равнодушно ждал, пока говор стихнет.

О. Чтобы минимизировать воздействие этого падения.

В. И что именно вы подразумеваете под этим?

О. Объяснение очень простое. Приближающееся падение Трантора в плане развития человечества не есть само по себе изолированное событие. Оно явится кульминацией в сложной драме, начавшейся много веков назад и постоянно ускоряющей свой ход. Я имею в виду, господа, усиливающийся упадок и разрушение Галакти-

ческой Империи.

Шум перешел в глухой рев. Адвокат, не слушая, возопил: "Вы открыто провозглашаете, что..." и осекся, потому что крики "Измена!" в аудитории показывали, что весь смысл ясен и без того.

Главный Комиссионер медленно поднял свой молоточек и дал ему упасть. Раздался мягкий звук гонга. Когда его отголоски утихли, смолкло и оживление в аудитории. Адвокат глубоко вздохнул.

В.(театрально). Понимаете ли вы, доктор Селдон, что вы говорите об Империи, простоявшей уже двенадцать тысяч лет, на протяжении бесчисленных сменяющих друг друга поколений, благословляемой и любимой квадриллионами людей?

О. Я в курсе и нынешнего состояния, и прошлой истории Империи. Без всякого неуважения я заявляю, что знаю все эти проблемы намного лучше, чем кто-либо в этом помещении.

В. И вы предрекаете ее падение?

О. Это предсказание сделано математически. Я не выношу моральных оценок. Лично я сожалею об этой перспективе. Даже если допустить, что Империя плоха (а этого допущения я не делаю), то состояние анархии, которое последует за ее

падением, будет хуже. Именно с этим состоянием анархии и призван бороться мой проект. Однако падение Империи, господа, это дело серьезное, и с ним бороться непросто. Оно диктуется ростом бюрократизма, упадком инициативы, кастовостью, препонами для любознательности — и сотнями других факторов. Оно длится, как я уже говорил, веками, и являет собой слишком величественное и массивное движение, чтобы его задерживать.

В. Разве для всех не очевидно, что Империя сильна так же, как всегда?

О. На вас отовсюду давит видимость силы. Она кажется вечной. Однако, господин адвокат, прогнивший ствол дерева выглядит столь же могучим, как и целый, до того самого момента, когда ураган не обломит его. Уже сейчас в ветвях Империи свистят вихри. Прислушайтесь ушами психоистории, и вы расслышите треск.

В.(неуверенно). Мы здесь не для того, доктор Селдон, чтобы слу…

О.(твердо). Империя исчезнет, а с ней все, что было в ней хорошего. Распадутся накопленные ею познания, исчезнет вносимый ею порядок. Начнутся бесконечные межзвездные войны; межзвездная торговля придет в упадок; население уменьшится; миры потеряют связь с основной

частью Галактики. И так все и останется.

В.(слабый голос в наступившем глубоком молчании). Навсегда?

О. Психоистория, которая может предсказать падение, может сделать выводы и насчет последующих темных веков. Империя, господа, как только что было сказано, стоит двенадцать тысяч лет. Темные века же, которые наступят, продлятся не двенадцать, а тридцать тысяч лет. Да, поднимется Вторая Империя, но между ней и нашей цивилизацией будут лежать тысячи поколений страждущего человечества. Мы должны с этим бороться.

В.(немного оправившись). Вы противоречите себе. Раньше вы говорили, что не сможете предотвратить разрушения Трантора, то есть, предположительно, и падения — так называемого падения Империи.

О. Я и не утверждаю сейчас, что мы можем предотвратить падение. Но еще не слишком поздно сократить последующее безвластие. Возможно, господа, сократить продолжительность периода анархии до одной тысячи лет, если позволить моей группе действовать сейчас. Нынешний исторический момент — переломный. Гигантский, наваливающийся поток событий

надо отклонить лишь немного — лишь чуть-чуть. И это небольшое отклонение может оказаться достаточным, чтобы удалить двадцать девять тысяч лет несчастий из человеческой истории.

В. Как же вы предлагаете сделать это?

О. Спасая познания всего нашего народа. Сумма человеческих знаний превосходит возможности одного человека и даже тысячи людей. С разрушением нашей социальной структуры наука рассыплется на миллионы обломков. Отдельные личности будут знать многое лишь о невероятно крошечных гранях того, что надлежит знать. Они будут беспомощны и бесполезны сами по себе. Бессмысленные клочки познаний не будут передаваться дальше. Со сменой поколений они будут утеряны. Но если мы сейчас подготовим огромный свод всех знаний, он никогда не будет утерян. Грядущие поколения будут творить на его основе, им не понадобится переоткрывать все самим. Одно тысячелетие заменит дело тридцати тысяч лет.

В. И все это…

О. И есть мой проект: мои тридцать тысяч человек, с женами и детьми, посвящают себя подготовке "Галактической Энциклопедии". Они не кончат ее при жизни. Я лично не проживу да-

же столько, чтобы увидеть ее начатой должным образом. Но ко времени падения Трантора она будет завершена, и экземпляры ее будут иметься в каждой крупной библиотеке Галактики.

Молоточек Главного Комиссионера поднялся и упал. Хари Селдон покинул трибуну и спокойно занял свое место рядом с Гаалом. Он улыбнулся и сказал:

— Как вам понравилось представление?

— Вы переиграли их. Но что произойдет теперь? — спросил Гаал.

— Они отсрочат суд и попытаются придти к личному соглашению со мной.

— Откуда вы знаете?

Селдон сказал:

— Буду честен. Я не знаю. Это зависит от Главного Комиссионера. Я изучал его годами. Я старался анализировать его деяния, но вы же знаете, как рискованно вносить причуды отдельного человека в психоисторические уравнения. И все же я надеюсь.

7.

Подошел Аваким, кивнул Гаалу, склонился, что-то шепча, к Селдону. Грянуло возвещение о переносе суда, и стража разъединила их. Гаала увели.

На следующий день слушание протекало совершенно по-иному. Хари Селдон и Гаал Дорник остались наедине с Комиссией. Они вместе уселись за стол, и вряд ли можно было отличить пятерых судей от двоих обвиняемых. Им даже предложили ящичек с сигарами, сделанный из переливчатого пластика, походившего на беспрерывно текущую воду. Но это движение было лишь обманом зрения: на ощупь ящичек был твердым и сухим. Селдон взял сигару; Гаал отказался.

— Мой адвокат отсутствует, — заметил Селдон.

Один из Комиссионеров возразил:

— Это более не процесс, доктор Селдон. Мы собрались обсудить здесь безопасность государства.

— Говорить буду я, — произнес Линдж Чен, а прочие Комиссионеры откинулись в креслах, приготовившись слушать.

Воцарилась тишина, в которой Чен мог ронять свои слова без помех. Гаал затаил дыхание. Тощий, сухой Чен, выглядевший старше своих лет, являлся подлинным Императором всей Галактики. Ребенок, носивший этот титул, был лишь символом, созданным Ченом, и к тому же отнюдь не первым. Чен сказал:

— Доктор Селдон, вы возмущаете покой нашей державы. Спустя уже сто лет в живых не останется ни одного из тех квадриллионов людей, что обитают сейчас среди звезд Галактики. Зачем же нам беспокоить себя событиями, которые отстоят на три века?

— Я не проживу и пяти лет, — произнес Селдон, — и все же для меня это имеет принципиальное значение. Можете называть это идеализмом. Можете называть это самоотождествлением с той мистической общностью, которую мы именуем термином "человечество".

— Я не желаю утруждать себя углублением в основы мистицизма. Можете ли вы пояснить, почему я не могу избавить себя и от вас, и от неприятного и необязательного трехсотлетнего будущего, которого к тому же я никогда не увижу, казнив вас сегодня же ночью?

— Неделю назад, — небрежно сказал Селдон, — вы могли бы поступить таким образом и при этом, возможно, еще сохранить один шанс из десяти дожить до конца года. Сегодня же эта вероятность упадет не менее чем до одной десятитысячной.

Послышались приглушенные вздохи; собравшиеся заерзали. Гаал почувствовал, как мурашки пошли у него по спине. Веки Чена слегка при-

спустились.

— Почему так? — спросил он.

— Падение Трантора, — сказал Селдон, — нельзя остановить какими-либо доступными пониманию усилиями. Однако его легко ускорить. Рассказы о прерванном суде надо мной распространятся по Галактике. Расстройство моих планов по смягчению катастрофы убедит людей, что в будущем их ничего хорошего не ждет. Уже сейчас они с завистью вспоминают жизнь своих дедов. Они заметят, что растет число политических переворотов, усиливается застой торговли. Галактикой овладеет представление, что имеет какой-то смысл лишь то, что человек в данную секунду сможет ухватить сам для себя. Люди с амбициями не станут ждать, а неразборчивых ничто не остановит. Каждым из своих поступков они будут ускорять распад. Убейте меня — и Трантор падет не за три века, а за пятьдесят лет, а вы, вы сами — за год.

Чен промолвил:

— Подобными словами пугают детей. И все же ваша смерть не является единственно удовлетворяющим нас ответом.

Он приподнял свою изящную ладонь с бумаг, на которых она покоилась, так что лишь два пальца

слегка касались верхних листков.

— Скажите мне, — произнес он, — будет ли ваша деятельность заключаться только в подготовке этой энциклопедии, о которой вы упоминали?

— Только.

— А необходимо ли заниматься этим на Транторе?

— Трантор, ваша светлость, обладает Имперской библиотекой, равно как и научным потенциалом Транторианского Университета.

— Ну а все же, если б вы находились где-нибудь в другом месте; скажем, на такой планете, где суета и развлечения метрополии не будут мешать ученым размышлениям; где ваши люди смогут посвятить себя только и единственно своей работе — не явится ли это определенным преимуществом?

— Небольшим — возможно.

— Что ж, такой мир выбран. Вы сможете работать там, доктор, как вам заблагорассудится, в окружении своих ста тысяч человек. Галактике будет известно, что вы трудитесь, ведя борьбу против Упадка. Скажут даже, что вы его предотвратите, — он усмехнулся. — Поскольку я не верю очень многому, мне нетрудно будет не поверить и в Упадок, так что я совершенно убежден, что

сказанное мной народу будет правдой. И в то же время, доктор, вы не будете беспокоить Трантор и смущать покой Императора. Альтернативой явится смерть — ваша и стольких из ваших последователей, сколько это покажется необходимым. Вашими угрозами я пренебрегаю. Возможность выбора между смертью и изгнанием предоставляется вам на период времени начиная с данного момента и кончая пятью минутами позже.

— И какой же мир избран, ваша светлость? — спросил Селдон.

— Он называется, как кажется, Терминус, — сказал Чен, небрежно повернув кончиками пальцев бумаги на столе так, что они оказались обращенными к Селдону. — Он незаселен, но вполне обитаем и может быть подготовлен, чтобы служить запросам ученых. Он несколько уединен…

— Он на краю Галактики, ваша светлость, — перебил Селдон.

— Как я уже сказал, он несколько уединен. Он подойдет для необходимой вам концентрации усилий. У вас осталось две минуты.

— Нам понадобится время, чтобы организовать такое путешествие, затрагивающее двадцать тысяч семей.

— Вы получите это время.

Селдон задумался. Близилась к концу последняя минута. Он сказал:

— Я принимаю изгнание.

Сердце Гаала на миг замерло при этих словах. Душа его была полна ликованием человека, избежавшего смерти. Но несмотря на все огромное облегчение, в ней оставалось место для легкого сожаления, что Селдон потерпел поражение.

8.

Пока такси с воем пробивалось к университету сквозь сотни километров туннелей-червоточин, они продолжительное время сидели в молчании. Наконец Гаал пошевелился и спросил:

— Было ли сказанное вами Комиссионеру правдой? Действительно ли ваша казнь ускорила бы Падение?

— Я никогда не лгу относительно психоисторических изысканий. Да это и не помогло бы мне в данном случае. Чен знал, что я говорю правду. Он очень умный политик, а политики по самой сути своей деятельности должны инстинктивно чувствовать истины психоистории, — сказал Селдон.

— Тогда следовало ли вам соглашаться на ссылку?.. — задумался Гаал, но Селдон не ответил.

Когда они наконец вырвались на территорию

университета, мускулы Гаала пришли в действие — или, точнее, в бездействие, против его собственной воли. Его практически пришлось выносить из такси.

Весь университет пылал светом. Гаал почти забыл о существовании солнца. Но университет тоже находился не под открытым небом. Его здания были прикрыты колоссальным куполом из стеклообразного материала. Вещество это обладало поляризующим действием, так что Гаал мог смотреть прямо на пылающую звезду над головой. Свет ее, почти не ослабевая, бесчисленными бликами играл на металлических конструкциях.

Здания университета были лишены той жестко-стальной серости, что господствовала на Транторе. Они скорее были серебристыми. Металлический глянец по цвету напоминал слоновую кость.

— Кажется, солдаты, — сказал Селдон.

— Что?

Гаал опустил взор на прозаическую землю и увидел впереди часового. Они подошли поближе, и из ближайшей двери немедленно возник капитан, который очень вежливо заговорил с ними.

— Доктор Селдон? — спросил он.

— Да.

— Мы ждали вас. Вы и ваши люди отныне подчиняетесь законам военного времени. Мне велено уведомить вас, что на подготовку к отправке с Трантора вам дается шесть месяцев.

— Шесть месяцев! — начал было Гаал, но пальцы Селдона слегка сжали его локоть.

— Таковы данные мне инструкции, — повторил капитан.

Затем он ушел, и Гаал обратился к Селдону:

— Да что же можно сделать за шесть месяцев? Это ничто иное как медленное убийство.

— Тише. Тише. Доберемся до моего кабинета.

Этот кабинет был небольшим, но полностью защищенным от подслушивания — впрочем, сами подслушивающие не смогли бы этого обнаружить. Нацеленные на кабинет лучи воспринимали не подозрительную тишину и не еще более подозрительные помехи. Вместо этого они улавливали беседы, составленные из случайно подобранных безобидных фраз разного тембра и оттенка.

— Так вот, — сказал Селдон, расслабившись, — шести месяцев будет достаточно.

— Не вижу, каким образом.

— Потому что, мой мальчик, в таком плане, как наш, чужие поступки подгоняются под наши

нужды. Я же сказал, что комбинация настроений Чена была подвергнута изучению настолько тщательному, насколько это вообще возможно. Суду было позволено начаться лишь в тот момент, когда его время и обстоятельства подходили для завершения процесса по нашему собственному выбору.

— Но могли ли вы организовать…

— …высылку на Терминус? Почему бы и нет?

Он прикоснулся пальцами к определенной точке стола, и кусок стены позади него сполз в сторону. Лишь рука самого Селдона могла вызвать это перемещение, поскольку лишь его собственные отпечатки пальцев активизировали скрытый сканнер.

— Внутри вы найдете несколько микрофильмов, — сказал Селдон. — Возьмите тот, что помечен литерой "Т".

Выполнив это, Гаал подождал, пока Селдон вложил микрофильм в проектор и протянул молодому человеку окуляры. Гаал подкрутил их и некоторое время следил за развертывавшейся перед его взглядом пленкой.

— Но тогда… — произнес он.

— Что вас удивляет? — спросил Селдон.

— Вы уже два года готовитесь к отбытию?

— Два с половиной. Конечно, мы не могли быть уверены, что он выберет именно Терминус. Но мы надеялись, что это будет именно так, и действовали исходя из этого предположения…

— Но почему, доктор Селдон? Если вы организовали высылку сами, то почему? Разве не лучше было бы руководить событиями отсюда, с Трантора?

— Тому есть причины. Работая на Терминусе, мы будем иметь имперскую поддержку, не вызывая в то же время опасений, что мы будто бы угрожаем имперской безопасности.

— Но вы сами вызвали эти опасения лишь для того, чтобы спровоцировать изгнание, — сказал Гаал. — Я все еще не понимаю.

— Возможно, двадцать тысяч семей по своей воле не отправились бы на край Галактики.

— Тогда зачем их надо было загонять туда? — Гаал остановился. — Не могу ли я узнать…

— Пока нет, — сказал Селдон. — Пока достаточно, чтобы вы знали одно — на Терминусе будет основано научное прибежище. А еще одно прибежище будет основано на другом конце Галактики, скажем, — и он улыбнулся, — у Звездного Предела. Что же до остального, то я скоро умру, и вы увидите куда больше моего. Нет, нет.

Избавьте меня от ваших потрясений и добрых пожеланий. Мои врачи говорят мне, что я протяну лишь год-два. Однако я завершил за свою жизнь все намеченное мною — хотя, возможно, смерть в этих обстоятельствах была бы более предпочтительным выходом.

— А после вашей смерти, сударь?

— Что ж, будут мои преемники — может быть даже, лично вы. И эти преемники будут в состоянии нанести последние штрихи, подстегнув мятеж на Анакреоне в нужное время и нужным образом. Затем события станут разворачиваться сами собой.

— Я не понимаю.

— Поймете, — морщинистое лицо Селдона стало одновременно спокойным и усталым. — Большинство отправится на Терминус, но кое-кто останется. Это будет легко устроить. Что же до меня, — и он заключил шепотом, так что Гаал едва расслышал его, — со мной все кончено.

Часть II. Э Н Ц И К Л О П Е Д И С Т Ы

1.

ТЕРМИНУС — …Его положение (см. карту) являлось необычным для той роли, которую он был призван сыграть в истории Галактики, и

все же неизбежным, как неустанно отмечалось многочисленными авторами. Находясь на самой кромке галактической спирали, являясь единственной планетой изолированного солнца, бедной ресурсами, имеющей ничтожно малую экономическую ценность, он никогда не заселялся в течение пяти веков после своего открытия, вплоть до самой высадки Энциклопедистов…

С приходом нового поколения Терминус неизбежно должен был стать чем-то большим, нежели придатком психоисториков Трантора. После Анакреонского мятежа и возвышения Сальвора Хардина, первого из великой череды…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Льюис Пиренн увлеченно трудился за своим столом в освещенном углу комнаты. Надо было скоординировать работу. Надо было организовать усилия. Надо было сплести все нити в единую картину.

Пятьдесят лет тому; пятьдесят лет, чтобы организоваться и превратить Энциклопедическое Установление Номер Один в нормально работающее учреждение. Пятьдесят лет на сбор материала. Пятьдесят лет на подготовку.

Это было сделано. Еще пять лет — и будет опубликован первый том самого монументального

труда из всех, когда-либо задуманных Галактикой. И затем с десятилетними промежутками, регулярно, как часы — том за томом. И дополнения к ним; и специальные статьи, посвященные текущим событиям, до тех пор, пока…

Когда приглушенный зуммер на столе неприятно зажужжал, Пиренн недовольно встряхнулся. Он почти забыл о встрече. Он машинально ткнул кнопку дверного затвора и уголком глаза увидел, как открылась дверь и появилась широкая фигура Сальвора Хардина. Пиренн не поднял головы.

Хардин улыбнулся про себя. Он спешил, но прекрасно знал, что не стоит оскорбляться невежливым поведением Пиренна по отношению ко всему, беспокоящему его во время работы. Он погрузился в кресло по другую сторону стола и стал ждать.

Стило Пиренна еле слышно скребло по бумаге. Более ни звука, ни движения. Хардин вынул из жилетного кармана монету в два кредита. Он подбросил ее щелчком, и стальная поверхность сверкнула в полете бликами света. Он поймал ее и подбросил снова, лениво наблюдая за вспыхивающими отблесками. Нержавеющая сталь являлась подходящим обменным материалом на планете, где весь металл был предметом им-

порта.

Пиренн поднял взор и моргнул.

— Прекратите это! — сказал он ворчливо.

— Э?

— Эту вашу бесконечную игру с монетой! Прекратите.

— Ах вот оно что, — Хардин сунул металлический диск в карман. — Скажете мне, когда будете готовы, а? Я обещал вернуться на заседание Городского Совета до начала голосования по проекту нового акведука.

Пиренн вздохнул и оторвался от стола.

— Я слушаю. Только, надеюсь, вы не собираетесь мучить меня городскими делами. Займитесь этим сами, ладно? Все мое время отнимает Энциклопедия.

— Слышали новости? — флегматично поинтересовался Хардин.

— Какие новости?

— Те, что два часа назад были получены ультраволновым приемником Терминуса. Губернатор Анакреонской Префектуры принял титул короля.

— Хорошо, ну и что из того?

— Это означает, — ответил Хардин, что мы отрезаны от внутренних областей Империи.

Мы ожидали этого, но все равно — неприятно. Анакреон лежит поперек нашего последнего торгового пути на Сантанни и к самим Трантору и Уэге. Откуда будет поступать наш металл? За последние шесть месяцев мы не смогли получить ни одного груза стали или алюминия, а теперь вообще не будем в состоянии получить что-либо иначе как по милости Короля Анакреонского.

Пиренн недовольно защелкал языком.

— Тогда получайте их через него.

— А сможем ли? Послушайте, Пиренн, в соответствии с хартией, учреждающей настоящее Установление, все административные полномочия предоставляются Коллегии Попечителей Энциклопедического Комитета. Я, как Мэр города Терминуса, имею власти ровно настолько, чтобы высморкаться и, может быть, чихнуть, если вы утвердите приказ, позволяющий мне сделать это. Так что это касается вас и вашей Коллегии. Я прошу вас от имени города, процветание которого зависит от бесперебойной торговли с Галактикой, созвать чрезвычайное заседание…

— Оставьте! Это не речь перед избирателями. Вот что, Хардин. Коллегия Попечителей не препятствовала образованию муниципального правительства Терминуса. Мы понимаем,

что с увеличением населения со времен организации Установления пятьдесят лет назад и возрастанием числа людей, занятых делами, не относящимися к Энциклопедии, такое правительство стало необходимостью. Но это не означает, что первой и единственной задачей Установления более не является публикация итоговой Энциклопедии всего человеческого знания. Мы являемся государственным научным институтом, Хардин. Мы не можем — не должны — и не будем вмешиваться в местную политику.

— Местную политику! Клянусь левой ногой Императора, Пиренн, ведь это вопрос жизни и смерти. Эта планета, Терминус, сама по себе не сможет поддержать механизированную цивилизацию. Она не содержит металлов. Вы это знаете. В камнях на поверхности нет и следа железа, меди, алюминия да и по части всего остального мы не богаты. Как вы думаете, что произойдет с Энциклопедией, если этот самозваный Король Анакреона прижмет нас?

— Нас? Вы забыли, что мы находимся под прямым управлением самого Императора? Мы не есть часть префектуры Анакреона или любой другой префектуры. Хорошо запомните это! Мы — часть личных владений Императора, и нас ни-

что не касается. Империя в состоянии защитить свою собственность.

— Тогда почему она позволила губернатору Анакреона забыть обо всех приличиях? Да разве только Анакреона? По крайней мере двадцать внешних префектур Галактики, — в сущности, вся Периферия, — стали заправлять делами по-своему. Я говорю вам, что я совершенно не уверен в Империи и ее способности защитить нас.

— Чушь! Губернаторы, короли — какая разница? Империя всегда выбиралась из любых политических дрязг, когда разные люди тянули ее то туда, то сюда. И губернаторы восставали, и, кстати, Императоров свергали, а то и убивали. Какое это отношение имеет к самой Империи? Забудьте, Хардин. Это не наше дело. Мы, в первую очередь, ученые, и в последнюю — тоже. Наша задача — Энциклопедия. Да, я чуть не забыл. Хардин!

— Да?

— Сделайте что-нибудь с этой вашей газетой! — голос Пиренна звучал рассерженно.

— "Городские ведомости" Терминуса? Она не моя, она в частном владении. И что же она пишет?

— Уже неделю она советует, чтобы пятидеся-

тая годовщина основания Установления стала поводом для народных гуляний и совершенно неподходящих празднеств.

— А почему бы и нет? Через три месяца компьютерные часы откроют Свод. Я бы назвал это первое открытие серьезным поводом, а вы?

— Но не для глупых зрелищ, Хардин. Свод и его открытие касаются только Коллегии Попечителей. Все важное будет сообщено народу. Это все; так и разъясните своим "Ведомостям".

— Сожалею, Пиренн, но Городская Хартия гарантирует некую незначительную вещь, известную как свобода печати.

— Может быть. А Коллегия Попечителей — нет. Я являюсь представителем Императора на Терминусе, Хардин, и в этом смысле обладаю полной властью.

Хардин выглядел как человек, мысленно считающий до десяти. Он мрачно сказал:

— В таком случае, в связи с вашим положением императорского представителя я имею сообщить вам заключительную новость.

— Об Анакреоне?

Пиренн поджал губы. Он почувствовал беспокойство.

— Да. Через две недели к нам с Анакреона при-

будет специальный посланник.

— Посланник? Сюда? С Анакреона? — Пиренн не сразу переварил все это. — А зачем?

Хардин встал и задвинул свое кресло под стол.

— Попытайтесь угадать с одного раза.

И, не прощаясь, вышел.

2.

Ансельм-от-Родрик — "от" само по себе обозначало благородную кровь — субпрефект Плуемы и Чрезвычайный Посланник Его высочества Анакреонского — плюс полдюжины других титулов — был встречен Сальвором Хардином в космопорту согласно всему внушительному ритуалу для событий государственного значения.

С натянутой улыбкой и низким поклоном субпрефект вытащил свой бластер из кобуры и протянул его Хардину рукоятью вперед. Хардин вернул приветствие с помощью бластера, специально одолженного по такому случаю. Дружба и добрая воля были, таким образом, установлены, и если Хардин и заметил выпуклость на плече высокородного Родрика, то благоразумно ничего не сказал.

Принявший их вслед за тем мобиль, окруженный со всех сторон приличествующим случаю облаком младших чиновников, медленно и тор-

жественно проследовал на Энциклопедическую Площадь, по пути приветствуемый толпой, чей энтузиазм соответствовал рангу события.

Субпрефект Ансельм принимал приветствия с вежливым безразличием воина и дворянина.

— Этот город и есть весь ваш мир? — спросил он у Хардина.

Хардин повысил голос, чтобы быть услышанным в общем гаме.

— Мы молодой мир, ваша эминенция. За нашу короткую историю лишь несколько особ из высшего общества посетили нашу бедную планету. Отсюда наш энтузиазм.

Без сомнения, особа из "высшего общества" не признала в услышанном скрытой иронии и задумчиво произнесла:

— Основан пятьдесят лет назад! Хм-м! Да у вас здесь полно неиспользуемой земли, мэр. Вы никогда не думали поделить ее на поместья?

— В этом пока нет необходимости. Мы предельно централизованы; такими мы и должны быть из-за Энциклопедии. Возможно, в будущем, когда наше население вырастет…

— Странный мир! У вас нет крестьянства?

Хардин подумал, что не нужно обладать особой проницательностью, чтобы заметить, как его

эминенция решил заняться весьма неуклюжим вынюхиванием. Он непринужденно ответил:

— Нет — равно как и дворянства.

Брови высокородного Родрика поползли кверху.

— А ваш лидер — человек, с которым я должен встретиться?

— Вы имеете в виду доктора Пиренна? О да! Он Председатель Коллегии Попечителей и личный представитель Императора.

— Доктор? Без прочих титулов? Ученый? И он имеет ранг выше, чем гражданские власти?

— Ну а как же, — дружелюбно ответил Хардин. — Мы все здесь ученые. В конце концов, мы являемся не столько миром, сколько научным установлением — под прямым руководством Императора.

Неявный нажим на последние слова, казалось, смутил субпрефекта. Весь остаток неторопливого пути к Площади Энциклопедии он оставался погруженным в задумчивое молчание.

Все, происходившее днем и вечером, надоело Хардину; но он по крайней мере был удовлетворен, осознав, что Пиренн и высокородный Родрик, встретившие друг друга громкими взаимными заверениями в почете и уважении, тут

же прониклись взаимной ненавистью.

Высокородный Родрик с тусклым взором внимал лекции Пиренна во время "ознакомительного визита" в Энциклопедический Дворец. С вежливой и отсутствующей улыбкой он слушал ученую скороговорку, пока они проходили по обширным складам справочных микрофильмов и многочисленным проекционным помещениям.

Лишь миновав, один за другим, отделы редактирования, отделы издания и отделы микрофильмирования, он сделал первое обобщающее высказывание.

— Все это очень интересно, — сказал он, — но это кажется странным занятием для взрослых людей. Какая от него польза?

На эту реплику, как отметил Хардин, Пиренн ответа не нашел, хотя выражение его лица и было весьма красноречивым.

Ужин в тот вечер был почти зеркальным отражением дневных событий, ибо высокородный Родрик монополизировал беседу, описывая — со смаком и во всех технических деталях — собственные подвиги во главе своего батальона во время недавней войны между Анакреоном и соседним, только что провозглашенным королевством Смирно.

Подробности рассказа субпрефекта были исчерпаны не ранее, чем ужин закончился, и официальные лица меньшего ранга потихоньку удалились одно за другим. Завершающий раздел триумфального описания изрубленных в кусочки звездолетов последовал, когда они втроем с Пиренном и Хардином прошли на балкон и погрузились в теплый воздух летнего вечера.

— А теперь, — сказал он с тяжеловесной развязностью, — о серьезных вещах.

— Само собой, — прожурчал Хардин, зажигая длинную сигару из уэганского табака — уже мало осталось, подумал он — и откинулся в кресле так, что передние ножки того приподнялись.

Галактика высоко стояла на небе, и ее туманная линза дремотно раскинулась от горизонта до горизонта. В сравнении с ней несколько звездочек здесь, на краю вселенной, выглядели незначительными искорками.

— Конечно, — продолжал субпрефект, — все формальные обсуждения, то есть подписание документов и прочие скучные технические моменты, будут происходить при… Как это вы именуете ваш Совет?

— Коллегия Попечителей, — холодно ответил Пиренн.

— Странное название! Во всяком случае, это будет завтра. Мы вполне можем подготовить почву прямо сейчас, поговорив между собой, по-мужски. Не так ли?

— Вы имеете в виду… — подтолкнул его Хардин.

— Вот что. В ситуации здесь, на Периферии, кое-что изменилось, и положение вашей планеты стало несколько неопределенным. Хотелось бы, чтобы мы пришли к пониманию хода вещей. Кстати, мэр, нет ли у вас еще одной из этих сигар?

Поморщившись, Хардин неохотно достал новую сигару.

Ансельм-от-Родрик принюхался к ней и удовлетворенно кудахтнул.

— Уэганский табак! Откуда вы берете сигары?

— Получили немного с последним грузом. Их почти уже не осталось. Лишь космос знает, когда получим еще — если вообще получим.

Пиренн нахмурился. Он не курил и, кстати, терпеть не мог табачного запаха.

— Правильно ли я понял, ваша эминенция, что ваша миссия носит лишь ознакомительный характер?

Высокородный Родрик кивнул, окутанный ды-

мом первых жадных затяжек.

— В таком случае она скоро закончится. В отношении Энциклопедического Установления ситуация остается такой же, какой она была всегда.

— Да? И какой же она была всегда?

— Это государственный научный институт и часть личных владений его августейшего величества Императора.

Казалось, на субпрефекта это не произвело впечатления. Он выдохнул колечко дыма.

— Это красивая теория, доктор Пиренн. Полагаю, у вас есть хартия с императорской печатью, — но каково же действительное положение? В отношении Смирно? Вы же знаете, что находитесь менее чем в пятидесяти парсеках от столицы Смирно. А как насчет Конома и Дарибоу?

— Мы не относимся ни к одной из префектур. Как часть императорских…

— Это не префектуры, — напомнил высокородный Родрик, — теперь это королевства.

— Пусть королевства. Нас они не касаются. Как научный институт…

— К дьяволу науку! — выругался тот. — Кому все это нужно, если мы стоим перед фактом, что Терминус может быть в любой момент захвачен

Смирно!

— А Император? Он что, будет сидеть и смотреть?

Поостыв, высокородный Родрик заявил:

— Ну хорошо, доктор Пиренн, вы уважаете собственность Императора, равно как и Анакреон, а вот Смирно — может быть, и нет. Вспомните, что мы только что подписали договор с Императором — я завтра представлю копию этой вашей Коллегии, — который с соизволения Императора возлагает на нас ответственность за поддержание порядка в пределах старой префектуры Анакреона. Наш долг ясен, не так ли?

— Конечно. Но Терминус не есть часть префектуры Анакреона.

— А Смирно…

— Он не есть и часть префектуры Смирно. Он не входит ни в одну из префектур.

— А Смирно об этом знает?

— Меня не волнует, что они там знают.

— А нас волнует. Мы только что кончили с ними воевать, и они все еще удерживают две из числа наших систем. Терминус занимает исключительно важное стратегическое положение между двумя народами.

Чувствуя усталость, Хардин вмешался:

— Каковы ваши предложения, ваша эминенция?

Субпрефект, видимо, был вполне готов перейти от пикировки к прямым высказываниям. Оживившись, он заявил:

— Совершенно очевидно, что поскольку Терминус не может защитить себя сам, эту задачу должен принять Анакреон — ради собственных интересов. Вы понимаете, что мы не хотим вмешиваться в дела внутреннего управления…

— Ага, — сухо пробурчал Хардин.

— Но мы полагаем, что для всех заинтересованных сторон будет лучше, если Анакреон организует на планете военную базу.

— И что же, военная база где-нибудь в обширных незаселенных районах — это все, чего вы желаете?

— Конечно, возникнет вопрос о поддержке сил обороны.

Кресло Хардина снова опустилось на все четыре ножки, а руки легли на колени.

— Итак, мы подошли к сути. Облечем ее в слова. Терминус станет протекторатом и будет платить дань.

— Не дань. Налоги. Мы вас защищаем. Вы за это платите.

Пиренн с неожиданным гневом хлопнул ладонью по ручке кресла.

— Дайте мне сказать, Хардин. Ваша эминенция, я не пожертвую даже ржавую полукредитную монетку для Анакреона, Смирно, для всей вашей местной политики с глупыми войнами. Я напоминаю вам, что это — институт, свободный от налогов и пользующийся государственной поддержкой.

— Государственной? Но государство — это мы, доктор Пиренн, и мы никого не поддерживаем.

Пиренн сердито поднялся.

— Ваша эминенция, я прямой представитель…

— …его августейшего величества Императора, — подхватил раздраженно Ансельм-от-Родрик. — А я прямой представитель короля Анакреона. Анакреон намного ближе, доктор Пиренн.

— Давайте вернемся к делу, — попросил Хардин. — В каком бы виде вы желали взимать эти так называемые налоги, ваша эминенция? Хотите ли вы получать их в виде пшеницы, картофеля, овощей, скота?

Субпрефект уставился на него.

— Какого черта! Для чего нам все это? У нас у самих всего хватает! Конечно, в виде золота. Хром

или ванадий были бы еще лучше, если они у вас имеются в избытке.

Хардин расхохотался.

— В избытке! У нас даже железа нет в избытке. Золото! Вот поглядите на наши деньги, — он бросил монетку посланнику.

Высокородный Родрик перехватил ее и вытаращил глаза.

— Что это? Сталь?

— Вот именно.

— Я не понимаю.

— Терминус — это планета практически без металлов. Мы все импортируем. Следовательно, мы не имеем золота и нам нечем платить вам, если только вы не пожелаете несколько тысяч бушелей картошки.

— Ну тогда — промышленными товарами.

— Без металла? Из чего мы должны делать наши машины?

В наступившей паузе Пиренн начал заново:

— Вся эта дискуссия не ведет к цели. Терминус — не планета, а научное установление, готовящее великую энциклопедию. Ради космоса, послушайте, неужели вы не имеете уважения к науке?

— Энциклопедии войны не выигрывают, — брови высокородного Родрика насупились. — Итак,

совершенно непроизводительный мир — и практически незаселенный к тому же. Что ж, вы можете заплатить землей.

— Что вы имеете в виду? — спросил Пиренн.

— Этот мир почти пуст, а незаселенные земли, вероятно, плодородны. Многие из анакреонского дворянства пожелают округлить свои поместья.

— Вы не можете предлагать такой…

— Не нужно выглядеть столь встревоженным, доктор Пиренн. Здесь хватит на всех нас. Если дело пойдет и вы станете сотрудничать с нами, мы, вероятно, сможем устроить так, что вы ничего не потеряете. Вам будут дарованы титулы и пожалованы поместья. Вы понимаете меня, я думаю.

— Благодарю покорно! — усмехнулся Пиренн.

И тут Хардин вполне невинно спросил:

— Не может ли Анакреон обеспечить нас необходимым количеством плутония для нашей атомной электростанции? У нас остался запас лишь на несколько лет.

Пиренн ахнул, и наступила мертвая тишина, длившаяся несколько минут. Когда же высокородный Родрик заговорил, голос его заметно изменился по сравнению с тоном предыдущей беседы.

— Вы располагаете атомной энергией?

— Естественно. А что в этом необычного? По-моему, атомной энергии уже пятьдесят тысяч лет. Почему бы нам ее не иметь? Только вот плутоний достается все труднее.

— Да... да... — посланник встал и не к месту добавил: — Хорошо, господа, мы проясним этот вопрос завтра. Простите меня.

Пиренн поглядел ему вслед и бросил сквозь зубы:

— Этот невыносимый, тупоголовый осел! Этот...

— Отнюдь, — вмешался Хардин. — Он лишь порождение своей среды. Он не понимает почти ничего, кроме: "У меня есть пушка, а у тебя ее нет".

Пиренн раздраженно напустился на него:

— Ради чего вы начали говорить о военных базах и дани? Вы что, сошли с ума?

— Нет. Я просто подкинул ему наживку и дал выговориться. Вы же заметили, что он умудрился выдать истинные намерения Анакреона — поделить Терминус на земельные владения. Конечно, я не собираюсь способствовать чему-либо подобному.

— Вы не собираетесь! Вы! А кто вы? А могу ли я узнать, чего это вы вдруг начали трепаться о

нашей атомной станции? Именно это и сделает нас военной целью.

— Да, — ухмыльнулся Хардин. — Военной целью, от которой лучше держаться подальше. Разве не ясно, зачем я завел этот разговор? Он подтвердил имевшиеся у меня очень серьезные подозрения.

— И в чем же они заключались?

— В том, что Анакреон больше не обладает атомной энергетикой. Если б это было не так, наш друг, без сомнения, сообразил бы, что использование плутония в энергетике стало достоянием древних летописей. Отсюда следует, что и вся остальная Периферия больше не имеет атомной энергетики. И уж точно ее не имеет Смирно, иначе Анакреон не выиграл бы у них большинства сражений в последней войне. Интересно, не правда ли?

— Ба! — Пиренн ушел, охваченный демонической веселостью, а Хардин тихо рассмеялся.

Он отбросил свою сигару и взглянул на простирающуюся Галактику.

— Так что же, они вновь вернулись к нефти и углю? — пробормотал он, оставив прочие мысли при себе.

3.

Отрицая свою власть над "Ведомостями", Хардин был прав разве что технически. Он являлся главным вдохновителем движения за превращение Терминуса в автономный муниципалитет, был избран первым мэром города, так что неудивительно, что он косвенным образом контролировал шестьдесят процентов капитала "Ведомостей" — при том, что ему лично из этого капитала не принадлежало ни гроша.

Пути для такого контроля имелись.

Таким образом, когда Хардин начал предлагать Пиренну, чтобы его допустили на собрания Коллегии Попечителей, "Ведомости" не случайно начали сходную кампанию. Произошел первый в истории Установления массовый митинг с требованием представить город в "национальном" правительстве.

И, в конце концов, Пиренн вынужден был капитулировать — очень неохотно.

Хардин, усевшись за торец стола, лениво размышлял о причинах, делавших ученых-физиков столь плохими администраторами. Возможно, привычка к непреложным фактам и полное неумение приспосабливаться к желаниям народа.

Во всяком случае по левую сторону от него

находились Томаз Сатт и Джорд Фара; по правую — Лундин Крэст и Йэйт Фулхэм; сам же Пиренн выполнял функцию председателя. Всех их Хардин, конечно, знал, но по данному случаю они, казалось, напустили на себя дополнительную помпезность.

Продремав начальные формальности, Хардин очнулся, когда Пиренн, предварительно отхлебнув воды из стоявшего перед ним стакана, сказал:

— Я с большим удовольствием информирую Коллегию о следующем. Со времени нашего последнего заседания я получил известие о прибытии через две недели на Терминус лорда Дорвина, Канцлера Империи. Можно считать, что как только Император узнает о сложившейся ситуации, наши отношения с Анакреоном будут улажены к полному нашему удовлетворению.

Он улыбнулся и через весь стол обратился к Хардину:

— Информация об этом передана "Ведомостям"!

Хардин усмехнулся про себя. Было ясно, что желание Пиренна с важным видом выложить ему эти известия и было одной из причин его допуска в святилище. Он невозмутимо произнес:

— Не считая расплывчатых утверждений, чего вы ожидаете от лорда Дорвина?

Ответил Томаз Сатт. Когда он принимал особо величественный вид, то имел плохую привычку говорить о собеседнике в третьем лице.

— Вполне очевидно, — заметил он, — что мэр Хардин — профессиональный циник. Вряд ли он не осознает, что Император никак не допустит попрания своих личных прав.

— Ну и что же он предпримет в таком случае?

Последовала беспокойная возня. Пиренн сказал:

— Вы нарушаете порядок заседания, — и, подумав, добавил, — и, кроме того, позволяете себе утверждения, граничащие с изменой.

— Это и есть ваш ответ?

— Да! Если вам нечего еще сказать…

— Не делайте немедленных выводов. Я хотел задать вопрос. Помимо этого дипломатического жеста — который то ли имеет какой-то иной смысл, то ли нет — делается ли что-либо конкретное для отпора анакреонской угрозе?

Йэйт Фулхэм провел ладонью вдоль своих огненно-рыжих усов.

— Вы видите здесь опасность, так, что ли?

— А вы?

— Едва ли, — в извинительном тоне. — Император…

— Великий космос! — Хардин начал беспокоиться. — Да что же это? Все только и твердят: "Император", "Империя", точно это волшебные слова. Император в тысячах парсеков отсюда, и я сомневаюсь, что он нас вспоминает. А если и так, что он может сделать? То, что осталось в этих краях от имперского флота, находится в руках четырех королевств, и Анакреон отхватил свою долю. Послушайте, мы должны драться пушками, а не словами. Теперь глядите. Мы выгадали два месяца, в основном благодаря тому, что навели Анакреон на мысль о нашем обладании атомным оружием. Но все мы знаем, что это — маленькая невинная ложь. Мы располагаем атомной энергией, но лишь для коммерческих целей, и к тому же ее все равно недостает. Они скоро выяснят это, и если вы думаете, что им понравится, как мы их провели, то ошибаетесь.

— Мой дорогой господин Хар…

— Подождите; я еще не кончил, — Хардин начал закипать, но ему это состояние нравилось. — Очень здорово втягивать в это дело канцлеров, но было бы куда лучше втянуть несколько больших осадных орудий, подходящих для атомных заря-

дов. Мы потеряли два месяца, господа, и новых двух у нас может и не быть. Что вы предполагаете делать?

Лундин Крэст, сердито морща длинный нос, заявил:

— Если вы предлагаете милитаризацию Установления, я об этом не желаю слышать. Это нас сразу столкнет в политику. Мы, господин мэр, научное установление — и ничего больше.

Сатт добавил:

— Он к тому же не сознает, что вооружение отвлечет людей — ценных людей! — от Энциклопедии. Это недопустимо при любых обстоятельствах.

— Очень справедливо, — согласился Пиренн. — В первую очередь и всегда — Энциклопедия.

Хардин мысленно застонал. Коллегия, видимо, страдала острой энциклопедической горячкой. Он сказал ледяным тоном:

— Доходило ли когда-либо до сознания Коллегии, что Терминус может иметь другие интересы, помимо Энциклопедии?

Пиренн ответил:

— Я не представляю, Хардин, как Установление может иметь какие бы то ни было интересы помимо Энциклопедии.

— Я сказал не "Установление", а "Терминус". Я боюсь, что вы не понимаете ситуации. Нас на Терминусе добрый миллион, и не более ста пятидесяти тысяч человек из них занимаются Энциклопедией непосредственно. Для всех остальных это просто дом. Мы здесь родились. Мы здесь живем. По сравнению с нашими фермами, нашими домами, нашими фабриками Энциклопедия для нас мало что значит. Мы хотим их защитить.

Его заглушили.

— Сперва Энциклопедия, — стоял на своем Крэст. — Мы должны завершить нашу миссию.

— К чертям миссию, — воскликнул Хардин. — Пятьдесят лет назад она, возможно, чего-то стоила. Но теперь пришло новое поколение.

— Это несущественно, — возразил Пиренн. — Мы — ученые.

И Хардин бросился в открывшуюся брешь.

— Да ну! Это лишь красивая галлюцинация. Ваша кучка людей — превосходный пример того, что происходило за тысячи лет с целой Галактикой. Что это за наука — завязнуть здесь на века, классифицируя труды ученых последнего тысячелетия? Вы хоть когда-либо думали о том, чтобы работать дальше, расширить познания и

дополнить их? Нет! Вы счастливы в этом болоте. И вся Галактика счастлива и пребывает в таком же виде Космос знает как долго. Вот почему восстает Периферия; вот почему рвутся связи; вот почему дурацкие войны становятся вечными; вот почему целые системы теряют атомную технологию и возвращаются к варварским методам химической энергетики. Если вас интересует мое мнение, — воскликнул он, — Галактическая Империя умирает!

Он остановился и упал в свое кресло, переводя дух и не обращая внимания на то, как сразу двое-трое попытались возразить ему. Первым заговорил Крэст:

— Не знаю, чего вы пытаетесь добиться своими истерическими утверждениями, господин мэр. Во всяком случае, вы не вносите в дискуссию ничего конструктивного. Я предлагаю, господин председатель, чтобы высказывания оратора были признаны нарушающими повестку дня, и дискуссия возобновилась с того места, где была прервана.

Тут, наконец, зашевелился и Джорд Фара. Вплоть до этого момента он не вмешивался в обсуждение, но теперь его зычный голос, такой же весомый, как и его трехсотфунтовое тело, басом

ворвался в разговор.

— Не забыли ли мы кое о чем, господа?

— О чем именно? — сварливо поинтересовался Пиренн.

— Через месяц мы отмечаем наше пятидесятилетие.

Фара обладал умением даже самые очевидные тривиальности облекать в величественную форму.

— Ну и что?

— Во время этой годовщины, — спокойно продолжал Фара, — откроется Свод Хари Селдона. Думали ли вы когда-нибудь о том, что там находится?

— Я не знаю. Обычные штучки. Быть может, пачка поздравительных речей. Я не думаю, что Своду следует придавать какое-либо значение, хотя "Ведомости", — и он бросил пристальный взгляд на Хардина, осклабившегося в ответ, — пытаются по этому поводу поднять шумиху. Я положил этому конец.

— Ясно, — сказал Фара, — но может быть, вы ошибаетесь? Разве не поражает вас, — он остановился и приложил палец к своему круглому маленькому носу, — что Свод открывается в очень подходящее время?

— Очень неподходящее время, вы хотите сказать, — пробормотал Фулхэм. — У нас и так много поводов для беспокойства.

— Важнее, чем послание от Хари Селдона? Я так не думаю.

Фара принимал все более и более величественный, по-жречески монументальный вид, и Хардин задумчиво следил за ним. К чему он клонит?

— В действительности, — заявил Фара радостно, — вы все, видимо, забыли, что Селдон был величайшим психологом своего времени, и что он был основателем нашего Установления. Ясно, что он использовал свою науку для прогнозирования развития истории в непосредственном будущем. Если он поступил именно так, — что представляется вероятным, — то, я повторяю, он наверняка нашел бы способ предупредить нас об опасности и, возможно, указать решение. Вы знаете, что Энциклопедия была очень дорога ему.

Среди присутствующих воцарилась атмосфера растерянного сомнения. Пиренн откашлялся.

— Ну… я не знаю. Психология — великая наука, но среди нас, я полагаю, нет психологов. По-моему, мы вступаем на зыбкую почву.

Фара обратился к Хардину:

— Разве вы не изучали психологию у Алурина?

Хардин, как бы извиняясь, ответил:

— Да, но я не смог закончить курса. Я устал от теории. Я хотел быть инженером-психологом, но из-за отсутствия возможностей избрал нечто похожее — занялся политикой. Практически это одно и то же.

— Хорошо, но что же вы думаете о Своде?

И Хардин осторожно ответил:

— Я не знаю.

До конца заседания он больше не вымолвил ни слова, хотя присутствующие вновь вернулись к теме визита имперского канцлера.

В сущности он их даже не слушал. Его мысли вступили на новый путь, и ситуация начала проясняться — впрочем, пока медленно. Первая пара осколков, казалось, соединилась углами.

И ключом была психология. Он не сомневался в этом.

Он отчаянно старался припомнить теорию психологии, которую изучал когда-то.

Великий психолог, такой как Селдон, мог распутывать человеческие эмоции и реакции достаточно уверенно, чтобы во всей полноте предсказывать историческую поступь будущего.

И что это должно было означать?

4.

Лорд Дорвин нюхал табак. Кроме того, он обладал длинными волосами, завивавшимися сложным и, несомненно, отнюдь не природным образом; к волосам добавлялась пара пышных светлых бакенбард, которые он временами любовно поглаживал. И, наконец, он изъяснялся сверхутвердительно и не выговаривал звука "р".

В тот момент у Хардина не было времени раздумывать о дальнейших причинах, по которым он немедленно воспылал отвращением к благородному канцлеру. Может, здесь сыграли свою роль чрезмерно элегантные жесты, которыми он сопровождал свои высказывания и заученная снисходительность, сопутствовавшая даже явным банальностям. Как бы то ни было, отыскать канцлера не удавалось. Он исчез вместе с Пиренном полчаса назад — просто пропал из виду, чтоб его разорвало.

Хардин был совершенно уверен, что его отсутствие во время предварительного разговора очень обрадует Пиренна. Но Пиренна видели в этом крыле и на этом этаже. Надо было лишь сунуться по очереди во все двери. На полпути Хардин ступил в затененную комнату и воскликнул "Ах!". Силуэт сложной прически лорда Дорвина

безошибочно выделялся на освещенном экране.

Лорд Дорвин посмотрел вверх и сказал:

— А, Хахдин. Вы нас лазыскивали, не так ли?

Он протянул ему свою табакерку — чрезмерно разукрашенную и при этом грубой работы, как отметил Хардин — и, получив вежливый отказ, сам взял щепотку и милостиво улыбнулся.

Пиренн нахмурился, что было встречено Хардином с абсолютно безразличной миной.

Наступившее краткое молчание было прервано стуком крышки табакерки лорда Дорвина. Затем лорд отложил табакерку и сказал:

— Огвомное достижение, эта ваша Энциклопедия, Хахдин. Подвиг, котолый славнится с самыми великими делами всех влемен.

— Большинство из нас думает так же, ваша милость. Однако это достижение еще не доведено до конца.

— То немногое из деятельности вашего Установления, что мне довелось увидеть, не внушает никаких стлахов на этот счет, — и он кивнул Пиренну, который ответил восторженным поклоном.

Ну прямо праздник любви, подумал Хардин.

— Я жаловался не на недостаток нашего энтузиазма, ваша милость, а скорее на избыток

энтузиазма у кое-кого из анакреонцев — правда, в ином, более разрушительном направлении.

— Ах да, Анаквеон, — пренебрежительный взмах руки. — Я только что плибыл оттуда. Ужасно валвалская планета. Совевшенно непонятно, как люди могут жить здесь, на Певифелии. Отсутствие самых элементалных тлебований для культувного человека; отсутствие фундаментально важных атлибутов комфохта и удобства — полное неупотлебление их.

Хардин язвительно прервал его:

— Анакреонцы, к несчастью. имеют все, что элементарно требуется для ведения войны, и все фундаментальные атрибуты разрушения.

— Тише, тише, — лорд Дорвин, казалось, забеспокоился, будучи прерван посредине фразы. — Мы сейчас, знаете ли, не собилаемся обсуждать дела. На самом деле я заинтелесован двугим. Доктах Пивенн, не покажете ли вы мне втолой том? Пожалуйста.

Свет выключился. В течение следующего получаса Хардин с равным успехом мог пребывать хоть на Анакреоне — внимания на него не обращали. Книга на экране мало что говорила ему, да он и не делал попытки следить за содержанием, но лорд Дорвин временами восторгался вполне

по-человечески. Хардин заметил, что в такие моменты возбужденный канцлер начинал хорошо произносить "р".

Когда свет зажегся снова, лорд Дорвин сказал:

— Восхитительно. Плямо потлясающе. А вы, случайно, не интевесовались аххеологией, Хахдин?

— А? — Хардин стряхнул отвлеченные раздумья. — Нет, ваша милость, не могу сказать этого. По первичным намерениям я психолог, а по конечному итогу — политик.

— Ах! Без сомнения, интелесные занятия. А я лично, знаете ли, — он взял огромную понюшку, — понемногу втянулся в аххеологию.

— В самом деле?

— Его милость, — вмешался Пиренн, — весьма глубокий знаток этих вопросов.

— Возможно, возможно, — сказал самодовольно его милость. — В науке я проделал огломный объем лаботы. В самом деле, я пледельно начитанный человек. Я плолаботал все твуды Джаудуна, Обиджаси, Квомвилла… э, всех их, знаете ли.

— Я, конечно, слышал о них, — сказал Хардин, — но никогда не читал их работ.

— Как-нибудь прочтите обязательно, довогой мой. И вы будете вознаглаждены вполне. Я, к

плимелу, считаю, что стоило лететь сюда, на Певифелию, чтобы увидеть этот экземплях Ламета. Вы не повелите, но в моей библиотеке нет ни единого. Кстати, доктах Пивенн, вы не забыли свое обещание тланскопиловать его для меня до моего отбытия?

— Я буду только рад.

— Ламет, вы должны знать, — продолжал величественно канцлер, — пледставляет собой новое и очень интелесное дополнение к моим уже имеющимся познаниям о "Воплосе Пвоисхождения".

— Каком вопросе? — не понял Хардин.

— "Воплос Пвоисхождения". Место пвоисхождения человеческого лода, понимаете. Навевное, вы знаете совлеменное мнение, будто вначале человеческий лод занимал только одну планетную систему.

— А, ну да, мне это известно.

— Конечно, никто точно не знает, какая это была система — она утеляна в тумане двевности. Однако имеются теолии. Кое-кто говолит — Сивиус. Дхугие настаивают на Альфе Центавва, или на Соль, или 61 Лебедя — и все в сектоле Сивиуса, понимаете ли.

— А что же говорит Ламет?

— А он напхавляет по совевшенно новому сле-

ду. Он сталается показать, что аххеологические находки на тхетьей планете Ахктувианской системы говолят о существовании там человечества еще до того, как стали известны космические полеты.

— И это означает, что это и есть родная планета человечества?

— Возможно. Я должен внимательно плочитать его и взвесить все авгументы, плежде чем смогу сказать увеленно. Надо выяснить, насколько надежны его наблюдения.

Хардин немного помолчал. Затем он спросил:

— Когда же Ламет написал свою книгу?

— О, лет восемьсот назад. Конечно, в значительной степени он ее основывает на пведыдущих лаботах Глина.

— Так зачем же опираться на него? Почему бы вам не отправиться на Арктур и не изучить эти находки самостоятельно?

Лорд Дорвин поднял брови и поспешно схватил щепотку табаку.

— Да лади чего, довогой мой?

— Естественно, чтобы получить информацию собственноручно.

— Но лазве это необходимо? Это неудобный, окольный и вздовный способ добиваться чего-ли-

бо. Посмотлите, у меня есть лаботы всех сталых мастелов — великих аххеологов плошлого. Я могу их сопоставить, взвесить ласхождения, пвоанализиловать плотивовечия, лешить, кто, вевоятно, плав — и сделать заключение. Вот это — научный метод. По квайней меле, — добавил он покровительственно, — так я это пледставляю. Как невыносимо гвубо было бы отпхавляться на Ахктув или, к плимелу, на Соль, и там ковывяться, когда сталые мастела так тщательно во всем лазобвались. Мы не можем даже надеяться сделать то же.

— Я понимаю, — вежливо пробормотал Хардин.

— Пойдемте, ваша милость, — сказал Пиренн, — думаю, нам лучше вернуться.

— Ах да. Навевное, лучше.

Когда они выходили из помещения, Хардин внезапно произнес:

— Ваша милость, могу ли я задать вопрос?

Лорд Дорвин кротко улыбнулся и сопроводил ответ грациозным мановением руки.

— Ну конечно, довогой мой. Буду лад услужить вам. Если я могу помочь вам любой частью моих сквомных познаний…

— Это не совсем касается археологии, ваша

милость.

— Не совсем?

— Нет. Речь вот о чем: в прошлом году мы здесь, на Терминусе, получили известие о расплавлении энергостанции на пятой планете Гаммы Андромеды. Но это было простое упоминание о происшествии, без всяких подробностей. Я подумал, не можете ли вы рассказать мне, что же именно случилось.

Рот Пиренна скривился.

— Думаю, что вы беспокоите его милость вопросами на совершенно посторонние темы.

— Вовсе нет, доктах Пивенн, — заступился канцлер. — Все в полядке. Во всяком случае, об этом мало что можно сказать. Эневгостанция хасплавилась, и это была, знаете ли, настоящая катаствофа. Полагаю, имело место вадиационное залажение. Действительно, пхавительство севьезно лассматхивает введение жестких огваничений на неумелое использование атомной эневгии — хотя это, конечно, не для шилокого васплостханения, понимаете.

— Я понимаю, — сказал Хардин. — Но что же случилось со станцией?

— Да ну, — безразлично ответил лорд Дорвин, — кто знает? Несколько лет назад она сломалась, и

полагают, что лемонтные лаботы были пводены некачественно. В эти дни так твудно найти людей, котовые на самом деле понимают технические тонкости наших эневгосистем.

И он горестно взялся за очередную понюшку.

— А вы знаете, — сказал Хардин, — что все независимые королевства Периферии утеряли атомную энергетику?

— В самом деле? Я совсем не удивлен. Валвалские планеты… но, довогой мой, не называйте их независимыми. Они не являются таковыми, понимаете. Это доказывается договолами, котовые мы с ними заключили. Они плизнают сувевенитет Импевии. Они, конечно, вынуждены это делать, а то мы с ними лазбелемся.

— Может и так, но у них значительная свобода действий.

— Да, навелное, так. Значительная. Но это неважно. Импевии гохаздо лучше, когда Певифелия пледоставлена своим собственным весухсам и существует более или менее сама по себе. Для нас в них нет пхоку, понимаете. Совевшенно валвалские планеты. Едва цивилизованные.

— Они были цивилизованными в прошлом. Анакреон был одной из богатейших внешних провинций. Он с успехом мог сравниться с самой

Уэгой.

— О, Хахдин, но это же было века назад. Из этого вляд ли стоит делать выводы. В сталые великие вхемена дела шли по-двугому. Мы не те люди, котолыми должны были быть, понимаете. Но, Хахдин, послушайте, какой вы настойчивый малый. Я же гововил вам, что сегодня я не занимаюсь делами. Доктах Пивенн пледупледил меня насчет вас. Он сказал, что вы будете сталаться надоесть мне, но я слишком стах, чтобы с вами сплавляться. Давайте оставим это назавтла.

И это было все.

5.

Это было второе заседание Коллегии, на котором присутствовал Хардин, если не считать неформальных бесед членов Коллегии с уже отбывшим лордом Дорвином. Тем не менее мэр был определенно уверен в том, что состоялось еще одно, а может быть, и два-три заседания, на которые его почему-то не пригласили.

Да и насчет этого заседания, как ему казалось, он не получил бы уведомления, если бы не ультиматум.

По своей сути это был именно ультиматум, хотя при поверхностном чтении этого визиграфированного документа можно было бы подумать, что

речь идет о дружественном обмене поздравлениями между двумя властителями.

Хардин осторожно перелистал текст. Начинался он цветистым приветствием от "Его Могущественного Величества, Короля Анакреонского, к своему другу и брату, Доктору Льюису Пиренну, Председателю Коллегии Попечителей Энциклопедического Установления Номер Один", и заканчивался еще щедрее: гигантской разноцветной печатью с весьма запутанной символикой.

Но при всем при том это был ультиматум.

Хардин сказал:

— В конце концов выяснилось, что времени у нас было немного — только три месяца. Да и этот малый промежуток мы провели без пользы. Эта штука дает нам неделю. Что будем делать?

Пиренн обеспокоено нахмурился.

— Это, должно быть, уловка. Абсолютно невероятно, чтобы они доводили дело до крайностей перед лицом заверений лорда Дорвина относительно мнения Императора и Империи.

Хардин едко поинтересовался:

— Понятно. И вы информировали короля Анакреона об этой согласованной позиции?

— Да, — после того, как я представил это предложение на голосование Коллегии и получил

единодушное согласие.

— А когда это голосование имело место?

Пиренн снова принял напыщенный вид.

— Я не думаю, что несу перед вами какую-либо ответственность, мэр Хардин.

— Прекрасно. Мне это не так уж жизненно необходимо знать. Просто я думаю, что ваше дипломатическое извещение о ценном вкладе лорда Дорвина в данную ситуацию, — он приподнял уголки рта в кислой полуулыбке, — и явилось прямой причиной этого небольшого дружеского послания. В противном случае они, может быть, тянули бы еще — хотя не думаю, что даже дополнительная передышка помогла бы Терминусу, учитывая позицию Коллегии.

— И каким же это образом вы пришли к такому примечательному выводу, господин мэр? — сказал Йэйт Фулхэм.

— Очень простым. Это требует лишь применения вещи, которой слишком часто пренебрегают — здравого смысла. Существует, видите ли, отрасль человеческого знания, именуемая символической логикой, каковая может быть использована для прополки засоряющих человеческий язык пустых слов-сорняков.

— И что же? — спросил Фулхэм.

— Я и применил ее. Помимо всего прочего, я применил ее к данному документу. Мне лично она была не очень нужна, поскольку я и так представляю, насчет чего тут говорится на самом деле, но, думаю, пятерым физикам я смогу проще объяснить результат символами, а не словами.

Хардин достал из блокнота, подложенного под руку, несколько листков бумаги и раздал их.

— Кстати, это делал не я, — заметил он. — Под результатами анализа подписался, как вы можете видеть, Муллер Холк из отдела логики.

Пиренн перегнулся через стол, чтобы лучше видеть, а Хардин продолжал:

— Анализ послания с Анакреона был, естественно, простым делом, ибо люди, написавшие его, — люди действия, а не люди слова. Текст легко и однозначно выкипает, оставляя в осадке безоговорочное утверждение, которое вы видите в символическом представлении, и которое, будучи передано словами, гласит примерно следующее: "Либо вы отдадите нам желаемое за неделю, либо мы заберем его силой".

Пока пятеро членов Коллегии просматривали строки символов, царила тишина. Затем Пиренн сел и закашлялся.

— Так что же, тут нет никаких уловок, доктор

Пиренн? — спросил Хардин.

— Вроде не видно.

— Отлично. — Хардин сменил листки. — Теперь вы видите перед собой копию договора между Империей и Анакреоном — кстати, подписанного за Императора тем же лордом Дорвином, который был здесь на прошлой неделе — и его символический анализ.

Договор занимал пять мелко отпечатанных страниц, а анализ был нацарапан на половине листка.

— Как видите, господа, примерно девяносто процентов договора, будучи бессмыслицей, испаряется в результате анализа; итог же может быть описан следующим примечательным образом: "Обязательств Анакреона перед Империей — никаких! Власти Империи над Анакреоном — никакой!"

И вновь все пятеро с нетерпением разбирали доказательства, тщательно сверяясь с текстом договора; когда они закончили, Пиренн обеспокоено сказал:

— Кажется, все правильно.

— Значит, вы признаете, что договор есть ничто иное как декларация независимости со стороны Анакреона и признание этого статуса

Империей?

— Видимо, так.

— И вы полагаете, что Анакреон этого не понимает и не будет стараться укрепить свое независимое положение — естественно, игнорируя все угрожающие намеки Империи? Особенно при том, что Империя, очевидно, бессильна исполнить свои угрозы — иначе она никогда бы не допустила независимости Анакреона.

— Но тогда, — вмешался Сатт, — как мэр Хардин пояснит заверения лорда Дорвина о поддержке Империи? Они выглядели… — он пожал плечами. — Что ж, они выглядели весьма убедительно.

Хардин откинулся в кресле.

— Вы знаете, это и есть самое интересное во всей истории. Я признаюсь, что познакомившись с ним впервые, посчитал его милость совершенно законченным ослом; однако, как выяснилось, в действительности он опытный дипломат и очень умный человек. Я взял на себя смелость записать все его высказывания.

Последовало смятение, у Пиренна в ужасе отвисла челюсть.

— Ну и что? — спросил Хардин. — Я сознаю, что это было большое нарушение гостеприимства,

которое не к лицу так называемым благородным господам. И если б его милость засек это, последствия могли быть неприятными, — но он этого не сделал, запись у меня, и баста. Я взял эту запись, снял с нее копию и тоже послал на анализ Холку.

— И где же итоги анализа? — сказал Лундин Крэст.

— Вот, — заметил Хардин, — это самое примечательное. Анализ в данном случае оказался особенно затруднителен. Когда Холк, после двух дней напряженной работы, смог удалить ничего не значащие выражения, пустую болтовню, бесполезные определения — короче, всю чепуху, — он обнаружил, что ничего не осталось. Выкипело все. За пять дней переговоров, господа, лорд Дорвин не сказал, черт подери, ничего конкретного, и сделал это так, что вы и не заметили. Вот заверения, полученные от вашей драгоценной Империи.

Если бы Хардин выложил на стол газовую гранату, он и то не смог бы вызвать большего смятения. Устало и терпеливо он ждал наступления спокойствия.

— Итак, — заключил он, — когда вы отослали угрозы — а это были именно угрозы — касательно действий Империи по отношению к Анакреону,

вы просто рассердили монарха, которому все было известно лучше. Естественно, его "я" потребовало немедленных акций, и результатом этого явился ультиматум — что возвращает меня к первоначальному высказыванию. Мы имеем в запасе одну неделю; что же нам теперь делать?

— Кажется, — сказал Сатт, — у нас нет выбора: придется разрешить Анакреону создать на Терминусе военные базы.

— В этом я с вами согласен, — заметил Хардин, — но что мы сделаем, чтобы вышвырнуть их отсюда при первой же возможности?

Усы Йэйта Фулхэма задергались.

— Это звучит так, словно вы замышляете применить против них силу.

— Насилие, — последовал отпор, — есть последнее прибежище некомпетентных. Но я и в самом деле не собираюсь расстилать перед ними ковры и начищать до блеска лучшую мебель.

— Мне по-прежнему не нравится ваш подход, — настаивал Фулхэм. — Это опасное поведение; опасное тем более, что мы недавно заметили, как немалая часть населения вроде бы готова последовать вашим призывам. Я могу заявить вам, мэр Хардин, что Коллегия отнюдь не совсем слепа относительно ваших последних акций.

Почувствовав общую поддержку, он сделал паузу. Хардин пожал плечами. Фулхэм продолжал:

— Если вы собираетесь поджигательски настраивать город на акты насилия, то добьетесь лишь изощренного самоубийства, — и мы не намерены этого допустить. Наша политика имеет лишь один кардинальный принцип — Энциклопедию. То, что мы решим делать или не делать, будет обусловлено необходимостью сохранить Энциклопедию в безопасности.

— Тогда, — сказал Хардин, — вы приходите к выводу, что мы должны продолжать интенсивную кампанию ничегонеделания.

Пиренн заметил с горечью:

— Вы сами продемонстрировали, что Империя не может нам помочь; хотя я не понимаю, как и почему так получилось. Если компромисс необходим…

Хардин ощутил кошмарное состояние человека, бегущего изо всех сил в никуда.

— Это не компромисс! Неужели вы не понимаете, что этот вздор о военных базах является никчемной чепухой? Высокородный Родрик сказал нам, чего добивается Анакреон — полной аннексии и введения у нас их феодальной системы земельных поместий и крестьянско-

аристократической экономики. То, что еще сохранилось от нашего блефа с атомной энергией, может заставить их действовать медленно, но тем не менее они будут действовать.

Он в негодовании поднялся, а за ним вскочили и остальные — кроме Джорда Фары.

И вот Джорд Фара заговорил:

— Все, пожалуйста, сядьте. Я думаю, мы зашли слишком далеко. Пожалуйста. Нет необходимости выглядеть столь разъяренным, мэр Хардин: никто из нас не изменник.

— Вы меня еще должны в этом убедить!

Фара мягко улыбнулся.

— Вы же сами знаете свое истинное мнение. Позвольте мне высказаться.

Его маленькие прищуренные глаза были полуприкрыты, а выдающийся вперед подбородок лоснился от пота.

— Нет нужды скрывать, что Коллегия пришла к следующему решению: истинная разгадка анакреонской проблемы лежит в том, что выяснится через шесть дней, когда откроется Свод.

— Это и есть ваш подход?

— Да.

— Мы, значит, должны сидеть сложа руки и только ждать в торжественном спокойствии и

истинной вере того deus ex machina, который выскочит из Свода?

— Если убрать вашу эмоциональную фразеологию, то смысл моих слов именно в этом.

— Какой откровенный эскапизм! Поистине, доктор Фара, подобные глупости поражают лишь гениев. Меньший ум был бы неспособен на них.

Фара снисходительно улыбнулся.

— Ваш вкус в эпиграммах, Хардин, изумителен, но здесь он не к месту. И, кстати, я думаю, что вы помните мои рассуждения насчет Свода, высказанные недели три назад.

— Да, я их помню. Я не отрицаю, что с точки зрения чисто дедуктивной логики они были чем угодно, но не глупостью. Вы сказали — остановите меня, если я ошибусь, — что Хари Селдон был величайшим психологом Галактики; что, следовательно, он мог предвидеть именно то незавидное положение, в котором мы сейчас пребываем; что, следовательно, он соорудил Свод как метод для указания нам выхода из него.

— Суть вы уловили.

— Удивит ли вас, если я скажу, что в последние недели я много размышлял над этим?

— Очень лестно. И с каким же результатом?

— С тем результатом, которого невозможно

достичь чистой дедукцией. Вновь необходима толика здравого смысла.

— Например?

— Например, если он предвидел Анакреонскую смуту, отчего же он не разместил нас на какой-нибудь другой планете поближе к центру Галактики? Хорошо известно, что Селдон подтолкнул Комиссионеров Трантора к приказу основать Установление на Терминусе. Но почему он так сделал? Зачем вообще нужно было помещать нас сюда, если он мог заранее предвидеть разрыв коммуникаций, нашу изоляцию от Галактики, угрозы соседей — и нашу беспомощность ввиду отсутствия металлов на Терминусе? Это самое основное! Или, коль он все это предвидел, зачем не предупредил заранее первых поселенцев, чтобы те успели подготовиться, а не ждать, пока одна нога окажется над пропастью? И не забудьте еще вот о чем. Раз он мог тогда видеть проблему, мы ее с той же ясностью видим сейчас. Следовательно, если он мог тогда предвидеть решение, то и мы должны быть в состоянии увидеть его сейчас. В конце концов Селдон не волшебник. Для решения нашей дилеммы нет никаких скрытых ходов, которые он мог бы видеть, а мы — нет.

— Но, Хардин, — напомнил Фара, — мы их не

видим!

— А вы и не пытались. Вы ни разу не пытались. Сперва вы отказывались вообще признать существование угрозы! Затем вы стали уповать на абсолютно слепую веру в Императора! Теперь вы перенесли ее на Хари Селдона. Все время вы опираетесь на авторитеты былого — и никогда на себя.

Его кулаки судорожно сжались.

— Это просто больное поведение — условный рефлекс, который всякий раз уводит в сторону независимость вашего мышления, как только возникает вопрос возражения авторитетам. Вы даже в мыслях не сомневаетесь, что Император могущественнее вас, или что Хари Селдон — мудрее. Разве вы не видите, что это ошибка?

Почему-то ему никто не осмелился возразить. Хардин продолжал:

— Речь идет не только о вас. Вся Галактика такова. Пиренн слышал рассуждения лорда Дорвина о научных исследованиях. Лорд Дорвин полагал, будто можно сделаться хорошим археологом, прочитав все книги, написанные на эту тему людьми, уже много столетий лежащими в могиле. Он считал также, что способ разрешения археологических загадок заключается в сравне-

нии противоречащих друг другу авторитетных мнений. А Пиренн слушал и не возражал. Разве вы не понимаете, что здесь что-то не так?

Снова почти умоляющие нотки в его голосе. И снова ответа нет. Он говорил дальше:

— Половина Терминуса столь же никчемна, как и вы, друзья мои. Мы сидим здесь и считаем Энциклопедию чем-то самым-самым важным на свете. Мы полагаем, что венец науки — это классификация фактов из прошлого. Это важно, но разве не следует делать работу дальше? Мы отступаем и забываем, неужели вы этого не замечаете? Здесь, на Периферии, атомная энергия утеряна. На Гамме Андромеды из-за плохого ремонта расплавилась атомная станция, а Канцлер Империи жалуется, что не хватает техников-атомщиков. И каков же вывод? Обучить новых? Ни в коем случае. Вместо этого принимается решение ограничить использование атомной энергии.

И в третий раз:

— Не видите? Это идет по всей Галактике. Это обожествление прошлого. Это застой, это упадок!

Он переводил взгляд с одного собеседника на другого, а они пристально смотрели на него.

Первым пришел в себя Фара.

— Ладно, мистическая философия нам сейчас

не поможет. Будем говорить конкретно. Отрицаете ли вы, что Хари Селдон легко мог выяснить тенденции нашей будущей истории обычными психологическими методами?

— Нет, конечно нет, — воскликнул Хардин. — Но нам не следует полагаться на его решение. В лучшем случае он может указать проблему, но если решение вообще существует, мы должны будем найти его сами. Он не может сделать это за нас.

Внезапно заговорил Фулхэм:

— Что вы имеете в виду — указать проблему? Мы знаем, в чем проблема.

Хардин накинулся на него:

— Вы думаете, что знаете? Вы думаете, что Анакреон — это все, о чем Хари Селдон мог беспокоиться? Я не согласен! Я говорю вам, что пока никто из вас не имеет ни малейшего представления о происходящем в действительности.

— А вы имеете? — враждебно поинтересовался Пиренн.

— Думаю, что да!

Хардин вскочил и оттолкнул свое кресло. Взгляд его был тверд и холоден.

— Говорю вам со всей возможной определенностью: ситуация пахнет плохо; здесь творится

нечто покруче, нежели все, о чем мы до сих пор говорили. Спросите себя сами: почему среди первопоселенцев Установления не оказалось ни одного первоклассного психолога, за исключением Бора Алурина? А он тщательно воздерживался от того, чтобы преподать своим ученикам нечто большее, чем самые необходимые основы.

После короткого молчания Фара сказал:

— Прекрасно. Но почему?

— Возможно, потому, что психолог мог бы смекнуть, в чем тут дело — и притом слишком быстро для замыслов Хари Селдона. А так мы спотыкаемся, нащупывая в лучшем случае лишь туманные намеки на истину. И это именно то, чего хотел Хари Селдон.

Он сухо рассмеялся.

— Всего хорошего, господа!

И, расправив плечи, вышел из комнаты.

6.

Мэр Хардин жевал кончик сигары. Сигара потухла, но он не замечал этого. Он не спал предыдущей ночью и имел все основания думать, что не заснет и в следующую. В его глазах затаилась усталость.

— И это охватывает все? — спросил он.

— Думаю, что да, — Йохан Ли подпер подборо-

док рукой. — Как вам нравится?

— Неплохо. Это все надо делать нахально, понимаешь. То есть, не колеблясь; нельзя давать им время перехватить ситуацию. Начав приказывать, надо вести себя так, словно ты рожден для этого, и все будут повиноваться просто по привычке. Вот суть переворота.

— Если Коллегия останется в нерешительности хотя бы…

— Коллегия? Ее можно не брать в расчет. С завтрашнего дня ее влияние на дела Терминуса не будет стоить и ржавой полукредитки.

Ли медленно кивнул.

— И все же странно, что они до сих пор ничего не сделали, чтобы остановить нас. Вы говорите, будто они кое о чем догадываются.

— Фара натолкнулся на краешек. Иногда он заставляет меня нервничать. А Пиренн подозревает меня еще с момента моего избрания. Но, видишь ли, они никогда не имели способности распознавать, что именно происходит. Все их воспитание — авторитарное. Они уверены, что Император всемогущ именно потому, что он Император. И они уверены, что Коллегия Попечителей, просто в силу того, что она — Коллегия Попечителей, действующая именем Императора,

не может оказаться в положении, когда приказы будет отдавать не она. Их неспособность осознать возможность мятежа является нашим лучшим союзником.

Он тяжело поднялся с кресла и подошел к водоохладителю.

— Они неплохие люди, Ли, когда пристанут к своей Энциклопедии — и мы проследим, чтобы они цеплялись за нее и в будущем. Но они безнадежно некомпетентны, когда дело доходит до управления Терминусом. Теперь иди и раскручивай дело. Я хочу побыть один.

Он сел в углу своего стола и уставился на чашку воды.

О космос! Если бы его самоуверенный вид действительно соответствовал тому, что он чувствовал! Анакреонцы должны были высадиться через двое суток, а он мог действовать лишь на основе набора догадок и наблюдений относительно того, к чему вел дело Хари Селдон последние пятьдесят лет. По правде говоря, он даже не был настоящим психологом — просто едва обученным неумехой, старающимся предугадать планы величайшего ума столетия.

А если Фара был прав; если Анакреоном и ограничиваются все проблемы, предвиденные Хари

Селдоном; если Энциклопедия и есть все, что он хотел сохранить — тогда какой смысл в государственном перевороте?

Он пожал плечами и допил свою воду.

7.

Свод был обставлен креслами в количестве куда больше шести, словно ожидалось множество гостей. Хардин задумчиво отметил это и устало присел в углу — по возможности подальше от остальных пяти присутствующих.

Члены Коллегии, видимо, не протестовали против такого размещения. Они шепотом переговаривались между собой, но шепот скоро превратился в свистящие односложные звуки, которые быстро сошли на нет. Разве что Джорд Фара казался более или менее спокойным. Он извлек часы и мрачно уставился на них.

Хардин взглянул на собственные часы, а затем — на совершенно пустой стеклянный куб, который занимал половину помещения. Он являлся единственной необычной вещью в комнате; в остальном не было и намека на то, что компьютер где-то отсчитывает последние мгновения времени вплоть до момента, когда заструится мюонный пучок, замкнется контакт и…

Свет померк!

Он не выключился совсем, но потускнел с такой стремительностью, что Хардин подскочил. Он изумленно поднял глаза на потолочные лампы, а когда опустил их, стеклянный куб уже не был пуст.

Там появилась фигура человека, сидящего в кресле-каталке!

Несколько мгновений этот человек, ничего не говоря вслух, вертел в руках книгу, которая до того в закрытом виде лежала у него на коленях. Затем он улыбнулся, и лицо его словно ожило.

— Я Хари Селдон, — сказал он.

Голос был старый и мягкий.

Хардин почти приподнялся, чтобы поздороваться и еле успел удержаться.

Голос продолжал в тоне обычной беседы:

— Как видите, я прикован к этому креслу и не могу встать, чтобы приветствовать вас. Несколько месяцев назад — в мое время — ваши деды направились на Терминус, а вскоре меня постиг, весьма некстати, паралич. Я не могу видеть вас, как вы понимаете, так что не могу и приветствовать вас должным образом. Я даже не знаю, сколько вас тут, так что можете вести себя без церемоний. Если кто-то стоит — садитесь, пожалуйста; курите, если желаете, я не

возражаю, — последовал мягкий смешок. — Да и зачем? На деле меня тут нет.

Хардин почти автоматически полез за сигарой, но передумал.

Хари Селдон отложил свою книгу — как бы на невидимый стол, — и она исчезла, как только его пальцы отпустили ее. Он сказал:

— Прошло пятьдесят лет с тех пор, как было основано это Установление — пятьдесят лет, в течение которых члены Установления не имели представления, чем они занимаются. Это незнание было необходимо, однако теперь необходимость отпала. Для начала: Энциклопедическое Установление есть обман — и всегда было обманом!

Позади Хардина послышалась возня, прозвучала пара сдавленных восклицаний, но он не оборачивался.

Хари Селдон был, разумеется, невозмутим. Он продолжал:

— Это обман в том смысле, что ни меня, ни моих коллег не беспокоит, был ли опубликован хотя бы один том Энциклопедии. Он выполнил свою цель, ибо с его помощью мы добились у Императора имперской хартии, им мы завлекли сто тысяч человек, необходимых для нашего плана, и с его

помощью мы смогли удержать их в занятости, пока события не сформируются, пока не будет слишком поздно, чтобы пойти на попятный.

Пятьдесят лет вы трудились над этим обманным проектом — нет нужды смягчать слова, — и вот путь к вашему возвращению отрезан; теперь у вас нет иного выбора, кроме как продолжать бесконечно более важный проект, который был и остается нашим настоящим планом.

Для этого мы поместили вас на такую планету и в такое время, чтобы за пятьдесят лет вы попали в положение, лишающее вас свободы действий. Отныне и на века путь, который вы должны избрать, неизбежен. Вы столкнетесь с рядом кризисов, как столкнулись сейчас с первым, и в каждом случае ваша свобода действий будет подобным же образом ограничиваться, так что вы будете принуждены идти по одному — и только одному — пути.

Именно этот путь разработан нашей психологией — и не без причины.

Веками Галактическая цивилизация клонилась к застою и упадку, хотя лишь немногие осознавали это. Но теперь, наконец, Периферия отделяется, и политическое единство Империи поколеблено. Где-то в только что истекших пяти-

десяти годах лежит та черта, которую проведут историки будущего и скажут: "Вот начало Падения Галактической Империи".

И они будут правы, хотя еще несколько веков вряд ли кому-либо удастся подметить это Падение.

А вслед за Падением придет неминуемое варварство, период, который, как говорит наша психоистория, продлится при обычных обстоятельствах тридцать тысяч лет. Мы не можем остановить Падение. Мы и не желаем этого: Имперская культура потеряла зрелость и ценность, которыми некогда обладала. Но мы можем сократить ожидаемый период Варварства до одной тысячи лет.

Все подробности этого сокращения мы не можем сообщить вам: так же, как мы не могли сказать вам всю правду об Установлении пятьдесят лет назад. Знай вы эти подробности — и наш план мог бы провалиться, ибо тогда знание расширило бы вашу свободу действий и число дополнительно внесенных переменных превысило бы способности нашей психологии.

Но вы их не узнаете, ибо на Терминусе нет психологов и никогда не было, кроме Алурина — а он был одним из нас.

Но вот что я могу вам сообщить: Терминус и его собрат — Установление на другом конце Галактики, — являются ростками Ренессанса и будущими основателями Второй Галактической Империи. И как раз нынешний кризис направит Терминус к этой вершине.

Это, кстати, очень прямолинейный кризис, куда проще многих из тех, что еще впереди. Сводя все к основам, его смысл можно определить так: вы — планета, внезапно отрезанная от цивилизованных центров Галактики, находящаяся под угрозой более сильных соседей. Вы — маленький мир ученых, окруженный обширной и быстро раздвигающейся территорией варварства. Вы — островок атомной энергии в растущем океане примитивных сил и, тем не менее, беспомощны ввиду недостатка металлов.

Итак, вы видите, что стоите перед суровой необходимостью, и вам надо действовать. Что именно делать? Решение вашей дилеммы конечно же, очевидно!

…Образ Хари Селдона потянулся куда-то в пустоту, и в его руке снова оказалась книга. Он открыл ее и сказал:

— Каким бы извилистым путем ни шла ваша будущая история, вечно внушайте вашим по-

томкам, что дорога проложена, и что в конце ее лежит новая, великая Империя!

Он опустил взор на книгу и исчез в небытие, а свет разгорелся вновь.

Хардин увидел, что Пиренн стоит перед ним. Взгляд его был трагичен, губы дрожали. Голос председателя был тверд, но бесцветен:

— Видимо, вы были правы. Если вы сегодня вечером к шести встретитесь с нами, Коллегия обсудит с вами дальнейшие шаги.

Они все по очереди пожали ему руку и ушли; и Хардин улыбнулся сам себе. Они восприняли все происшедшее необыкновенно серьезно; ибо они были в достаточной степени учеными, чтобы признать свою ошибку — но для них было уже слишком поздно.

Он взглянул на часы. К этому времени все закончилось. Всем уже заправляют люди Ли, и Коллегия более не будет отдавать приказы.

Завтра совершат посадку первые звездолеты Анакреона, но и тут все в порядке. Через шесть месяцев и они перестанут приказывать.

В сущности, как сказал Хари Селдон и как догадался Сальвор Хардин еще с того дня, когда Ансельм-от-Родрик впервые проговорился об отсутствии атомной энергии у Анакреона — ре-

шение этого первого кризиса было очевидным.

Очевидным, черт возьми!

Часть III. М Э Р Ы

1.

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВСТВА — Название, данное тем частям Анакреонской провинции, которые отпали от Первой Империи в начальные годы Эры Установления, образовав недолговечные независимые королевства. Крупнейшим и наиболее могущественным из них был сам Анакреон, занимавший область…

…Наиболее примечательной стороной истории Четырех Королевств является, без сомнения, странная общественная структура, временно навязанная им в правление администрации Сальвора Хардина…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Депутация!

Сальвор Хардин предвидел ее появление, и предчувствие это его явно беспокоило.

Йохан Ли советовал принять крайние меры.

— Мне кажется, Хардин, — сказал он, — что нам не следует терять времени. Они не смогут ничего предпринять до следующих выборов — во всяком случае, законно, — и это дает нам год. Ты должен

вымести их поганой метлой.

Хардин поджал губы.

— Ли, ты никогда не научишься. За сорок лет, что я знаю тебя, ты так и не освоил тонкого умения прокрадываться в обход.

— Это не мой метод борьбы, — буркнул Ли.

— Да, я это знаю. Думаю, что именно поэтому ты — единственный человек, которому я доверяю, — он остановился и потянулся за сигарой. — С тех пор как мы, давным-давно, состряпали наш удар против Энциклопедистов, мы прошли долгий путь, Ли. Я старею. Шестьдесят два. Задумывался ли ты когда-нибудь, как быстро пролетели эти годы?

Ли фыркнул.

— Я-то не чувствую себя старым, а мне шестьдесят шесть.

— Да, но я не обладаю твоим пищеварением.

Хардин лениво посасывал сигару. Он давно уже бросил мечтать о мягком уэганском табаке времен своей молодости. Дни, когда планета Терминус имела связь со всеми концами Галактической Империи, были забыты — подобно всем Старым Добрым Временам. Скорое забвение ждало и самое Галактическую Империю. Интересно, кто был новым Императором, — да и есть ли

вообще новый Император вместе с Империей? О Космос! Уже тридцать лет с разрывом коммуникаций здесь, на краю Галактики, вся вселенная для Терминуса заключалась в нем самом и в четырех окружающих его королевствах.

Как пало величие! Королевства! В старые времена они были префектурами и являлись частями одной провинции, которая, в свою очередь, служила частью сектора, который, в свою очередь, был частью квадранта, который, в свою очередь, был частью всеобъемлющей Галактической Империи. А теперь, когда Империя утеряла контроль над удаленными краями Галактики, эти осколки из нескольких планет стали королевствами — с опереточными королями и дворянами, кукольными, бессмысленными войнами, с патетической жизнью среди развалин.

Цивилизация в упадке. Атомная энергия забыта. Наука вырождалась в мифологию — пока не вступило в игру Установление. Установление, которое именно с этой целью основал здесь, на Терминусе, Хари Селдон.

Голос стоявшего у окна Ли вторгся в раздумья Хардина.

— Они прибыли, — сказал он, — да еще на мобиле последней конструкции, щенки.

Сделав несколько неуверенных шагов к двери, он обернулся к Хардину.

Хардин улыбнулся и жестом поманил его.

— Я дал указание привести их сюда.

— Сюда! Для чего? Ты делаешь их слишком важными персонами.

— Зачем проходить через все церемонии официальной аудиенции у мэра? Я становлюсь слишком стар для бюрократических игр. А кроме того, лесть полезна в общении с молодежью — особенно когда она ни к чему тебя не обязывает, — он подмигнул. — Садись, Ли, и оказывай мне моральную поддержку. С этим молодым Сермаком она мне понадобится.

— Этот тип, Сермак, — веско сказал Ли, — опасен. Он имеет последователей, Хардин, так что его нельзя недооценивать.

— Разве я когда-нибудь недооценивал людей?

— Что ж, тогда арестуй его. Потом ты сможешь обвинить его в чем-нибудь.

Этот совет Хардин пропустил мимо ушей.

— Вот они, Ли.

В ответ на сигнал он надавил педаль под столом, и дверь скользнула в сторону.

Гуськом вошли все четверо членов депутации, и Хардин вежливо указал жестом на кресла,

полукругом расставленные перед его столом. Гости поклонились, ожидая, пока мэр заговорит первым.

Хардин щелчком открыл затейливо украшенную серебряную крышку ящичка для сигар, некогда принадлежавшего Джорду Фаре из старой Попечительской Коллегии времен давно забытых Энциклопедистов. То было настоящее имперское изделие с Сантанни, но сигары, содержавшиеся внутри, были местного производства. Со степенной торжественностью четверо депутатов взяли сигары и с такой же ритуальной важностью закурили.

Вторым справа сидел Сеф Сермак, самый молодой среди этой молодежи — и наиболее примечательный, с тщательно подстриженными светлыми топорщащимися усами и запавшими глазами неопределенного цвета. Остальных троих Хардин почти сразу выбросил из головы: на их лицах была написана заурядность. Он сконцентрировал внимание именно на Сермаке, том самом Сермаке, который уже успел за первый срок пребывания в Городском Совете не раз перевернуть это почтенное сборище вверх ногами, — и именно к Сермаку он обратился, сказав:

— Мне особенно захотелось повидаться с вами,

советник, после вашей превосходной речи в прошлом месяце. Ваша атака на внешнюю политику правительства была весьма умелой.

В глазах Сермака заблестели огоньки.

— Вы оказываете мне честь. Не знаю, была ли атака удачной или нет, но она, несомненно, являлась оправданной.

— Возможно! А впрочем, оставайтесь при своем мнении. И все же вы очень молоды.

Последовал сухой ответ:

— Этим недостатком в определенный период жизни обладает большинство людей. Вы стали мэром города, когда были на два года моложе, нежели я сейчас.

Хардин улыбнулся про себя. Этого молокососа голыми руками не возьмешь. Он сказал:

— Я полагаю, что вы явились ко мне по поводу той же внешней политики, которая так беспокоит вас в Зале Совета. Вы будете говорить от имени ваших троих коллег или же мне следует выслушать каждого из вас по отдельности?

Четверо молодых людей быстро переглянулись. Сермак мрачно заявил:

— Я говорю от имени народа Терминуса — народа, отнюдь не представленного должным образом в том сборище штамповщиков законов, которое

именуется Советом.

— Понятно. В таком случае — говорите!

— Все сводится к следующему, господин мэр. Мы недовольны…

— Говоря "мы", вы имеете в виду народ, не так ли?

Сермак враждебно глянул на него, чувствуя подвох, и холодно ответил:

— Я уверен, что мои взгляды отражают мнение большинства избирателей Терминуса. Это вас удовлетворяет?

— Такие утверждения лучше не приводить бездоказательно. Впрочем, продолжайте. Вы недовольны?..

— Да, недовольны политикой, которая в течение тридцати лет делает Терминус беззащитным против неизбежного нападения извне.

— Понятно. И, следовательно?.. Продолжайте, продолжайте.

— Как приятно, что вы обо всем догадываетесь. И, следовательно, мы формируем новую политическую партию — ту, что будет защищать сиюминутные интересы Терминуса, а не "мистически явленное предначертание" грядущей Империи. Мы собираемся выкинуть вас и вашу слюнтяйскую клику миротворцев из мэрии — и

поскорее.

— Если?.. Ведь всегда бывает "если", знаете ли.

— В данном случае все очень просто: если вы не уйдете в отставку сейчас же. Я не прошу вас сменить политику — я совершенно не доверяю вам. Ваши обещания ничего не стоят. Полная отставка — вот все, на что мы согласны.

— Понятно, — Хардин скрестил ноги и откинулся в кресле, поставив его на две задние ножки. — Это и есть ваш ультиматум. Приятно, что вы предупредили меня. Но, видите ли, мне кажется, что я его проигнорирую.

— Не думайте, что это предупреждение, господин мэр. Это — объявление о принципах и действиях. Новая партия уже организована и завтра начнет действовать официально. Для компромиссов нет ни места, ни желания и, честно говоря, лишь наше уважение к вашим заслугам перед городом подвинуло нас предложить вам простой выход. Я не думал, что вы его примете, но совесть моя чиста. Следующие выборы будут более убедительным и совершенно неотразимым напоминанием о необходимости отставки.

Он поднялся и жестом пригласил остальных.

Хардин поднял руку.

— Постойте! Садитесь!

Сеф Сермак уселся снова — с чуть-чуть излишней поспешностью, и Хардин мысленно усмехнулся. Невзирая на сказанное, тот, очевидно, ждал какого-нибудь предложения.

— В каком именно смысле вы хотите изменения нашей внешней политики? Хотите ли вы, чтобы мы напали на Четыре Королевства — прямо сейчас и на все четыре одновременно?

— Такого я не предлагал, господин мэр. Наше требование заключается просто в немедленном прекращении политики умиротворения. Ваша администрация все время вела политику научной помощи Королевствам. Вы дали им атомную энергию. Вы помогли перестроить энергостанции на их территории. Вы основали медицинские клиники, химические лаборатории и фабрики.

— И что же? Каковы ваши возражения?

— Вы сделали это лишь для того, чтобы удержать их от нападения на нас. Со всеми этими подкупами вы сваляли дурака в колоссальном шантаже, в ходе которого вы допустили полное истощение Терминуса; в итоге мы можем рассчитывать лишь на милость этих варваров.

— Каким же образом?

— Поскольку вы дали им энергию, оружие, обслуживали корабли их военных флотов, они

стали теперь безмерно сильнее, чем были тридцать лет назад. Их запросы растут, и со своим новым оружием они в конце концов разом удовлетворят все свои потребности насильственной аннексией Терминуса. Разве не так обычно кончается шантаж?

— И каково ваше средство?

— Прекратите подкуп немедленно, пока вы еще в состоянии. Затрачивайте ваши усилия на укрепление самого Терминуса — и атакуйте первыми!

Хардин рассматривал светлые усики молодого человека с почти болезненным интересом. Сермак был уверен в себе — иначе не говорил бы так откровенно. Нет сомнения, его высказывания были отражением мнения весьма большой части населения, весьма большой.

Но голос Хардина не выдавал слегка потревоженного течения мыслей; он был почти небрежен.

— Вы кончили?

— Пока.

— Что ж, тогда… вы заметили вставленное в рамочку изречение, висящее на стене позади меня? Если заметили, прочтите вслух!

Губы Сермака скривились.

— Оно гласит: "Насилие — последнее прибежище некомпетентных". Это доктрина стариков, господин мэр.

— Я применял ее, будучи молодым человеком, господин советник — и с успехом. В те времена вы, правда, были заняты своим рождением на свет, но, возможно, вы хоть что-нибудь читали об этом в школе.

Он пристально поглядел на Сермака и продолжал размеренным тоном:

— Когда Хари Селдон основал здесь Установление, предлогом для него явилось создание великой Энциклопедии, и пятьдесят лет мы следовали за этим блуждающим огоньком, пока не выяснили, чего он в самом деле добивался. К тому времени было уже почти слишком поздно. Когда распались коммуникации с центральными областями старой Империи, мы оказались миром ученых, собранных в одном городе, не имеющим промышленности, окруженным свежеиспеченными королевствами — враждебными и в высшей степени варварскими. Мы были крошечным островком атомной энергии в этом океане варварства — и бесконечно ценным призом. Анакреон — тогда, как и ныне, наиболее могущественное из Четырех Королевств, — потребовал

создания — и позже в самом деле основал ее — военной базы на Терминусе, и тогдашние правители города, Энциклопедисты, прекрасно понимали, что это было лишь началом захвата всей планеты. Вот как обстояли дела, когда я... ээ... возглавил действующее правительство. Что бы сделали вы?

Сермак пожал плечами.

— Это академический вопрос. Конечно, мне известно, как именно вы поступили.

— И все же я повторю. Возможно, вы не улавливаете сути. Велико было искушение собрать все наши силы и ввязаться в схватку. Этот путь наиболее прост, кажется, что он удовлетворяет самолюбие, но почти всегда на деле он оказывается глупейшим. Вот вы бы поступили так, с вашими разговорами о том, чтобы "атаковать первыми". Вместо этого я посетил три прочих королевства, одно за другим; и указал каждому из них, что допустить, чтобы секрет атомной энергии попал в лапы Анакреону — означает скорейшим образом перерезать себе глотку; и аккуратно намекнул, чтобы они сделали одну очевидную вещь. И все. Месяц спустя после высадки сил Анакреона на Терминусе их король получил объединенный ультиматум от трех соседей. Через неделю на

Терминусе не осталось ни одного анакреонца. А теперь скажите мне, была ли нужда в насилии?

Молодой советник задумчиво разглядывал окурок своей сигары и, наконец, швырнул его в воронку сжигателя.

— Я не вижу здесь аналогии. Инсулин вылечит диабетика без применения ножа, но аппендицит требует операции. Вы не можете изменить что-либо. Когда провалились все прочие варианты, что остается кроме, как вы выразились, последнего прибежища? Это ваша вина, что мы вынуждены так поступить.

— Моя? Ах да, опять моя политика умиротворения. Вы, видимо, все еще не ухватили сути фундаментальных требований нашего положения. С уходом анакреонцев наши проблемы не кончились. Они только начались. Четыре Королевства стали враждебны нам более чем когда-либо, поскольку каждое жаждало атомной энергии — и лишь страх перед остальными удерживал каждое из них от того, чтобы вцепиться нам в глотку. Мы балансировали на кончике острейшего меча, и малейший наклон в любую сторону… Если бы, к примеру, одно из королевств стало слишком сильным; или если бы два из них образовали коалицию… Вы понимаете?

— Без сомнения. Тогда-то и надо было начинать всеобъемлющую подготовку к войне.

— Напротив. Надо было вести дело к всеобъемлющему предотвращению войны. Я играл, противопоставляя одних другим. Я помогал по очереди каждому. Я предложил им науку, торговлю, обучение, научную медицину. Я добился, чтобы Терминус представлял для них ценность в качестве цветущей планеты, а не в качестве военной добычи. Эта политика работала тридцать лет.

— Да, но вы были вынуждены окружить эти научные дары самым откровенным маскарадом. Вы превратили их наполовину в религию, наполовину в галиматью. Вы соорудили иерархию жрецов и сложный, бессмысленный ритуал.

Хардин нахмурился.

— Ну и что из того? На мой взгляд, это вообще не имеет отношения к делу. Сперва я начал в таком духе, поскольку варвары глядели на нашу науку как на разновидность волшебной магии, и проще всего оказалось заставить их принять ее именно на этой основе. Жречество образовалось само собой, а если мы и помогали этому, то лишь шли по пути наименьшего сопротивления. Это несерьезно.

— Но эти жрецы состоят при энергостанциях. А это серьезно.

— Это так, но обучали их мы. Их познания являются чисто эмпирическими, и они твердо верят в окружающий их маскарад.

— А если один из них пробьется через ритуалы и будет обладать дарованием, достаточным, чтобы отринуть эмпирику? Что тогда помешает ему изучить подлинные методы и продать их наиболее подходящему покупателю? Какую цену тогда мы будем иметь для Королевств?

— Шансов на это мало, Сермак. Вы судите поверхностно. Лучшие люди со всех планет Королевств каждый год посылаются сюда, на Установление, и обучаются жречеству. А лучшие из них остаются здесь, как исследователи. Если вы думаете, что отбывающие, не имея практически никаких знаний об основах науки или, что еще хуже, обладая искаженными знаниями, преподаваемыми жрецам, смогут пробить преграды к атомной энергии, к электронике, к теории гипердвигателей — то вы судите о науке очень романтично и очень глупо. Чтобы зайти так далеко, нужно иметь настоящие мозги и готовиться всю жизнь.

Во время этой речи Йохан Ли резко поднялся

и покинул помещение. Теперь он вернулся, и, когда Хардин кончил говорить, наклонился к уху своего начальника. Они шепотом обменялись парой слов, затем Ли вручил Хардину свинцовый цилиндр и, бросив враждебный взгляд на депутацию, занял свое кресло.

Хардин вертел цилиндр в руках, наблюдая за депутацией сквозь опущенные ресницы. Затем он резким, внезапным поворотом открыл крышку, и только Сермак удержался, чтобы не скосить глаза в сторону выпавшего свертка бумаги.

— Короче, господа, — сказал Хардин, одновременно просматривая письмо, — правительство полагает, что знает, как ему поступать.

Страницу покрывали строки запутанного и бессмысленного шифра, а в углу были нацарапаны карандашом два слова, в которых и заключалось сообщение. Он уловил это сразу же и небрежно бросил листок в люк сжигателя.

— На этом, — продолжал Хардин, — разговор наш, боюсь, закончен. Был рад встретиться с вами. Спасибо, что зашли.

Он машинально пожал всем руки, и депутация удалилась. Хардин почти позабыл, как смеются, но после того, как Сермак и его трое молчаливых коллег удалились на достаточное расстояние, он,

метнув веселый взгляд на Ли, затрясся в сухом хихиканьи.

— Как тебе понравилось это соревнование в блефе, Ли?

Ли брюзгливо фыркнул.

— Я не уверен, что он блефовал. Если ты будешь продолжать деликатничать с ним, он окажется вполне в состоянии выиграть следующие выборы, как он и заявляет.

— О, вполне может быть, вполне. Если до этого ничего не случится.

— Ты лучше убедись, что ничего не случится в обратном смысле, Хардин. Я говорю тебе, что у Сермака есть последователи. А если он не будет ждать следующих выборов? Были времена, когда и мы с тобой устраивали дела силой, невзирая на твой лозунг насчет того, что представляет собой насилие.

Хардин приподнял бровь.

— Ты сегодня пессимистичен, Ли. Но в твоих словах странным образом слышны и противоположные нотки — иначе ты не говорил бы о насилии. Наш собственный маленький путч прошел, как ты помнишь, бескровно. Он явился необходимой мерой, начатой в должное время, и проходил гладко, безболезненно, почти без

усилий. Что до Сермака, то он окажется на других позициях. Мы с тобой, Ли, не Энциклопедисты. Мы подготовлены. Прикажи своим людям заняться понемногу этими мальчишками, старина. Не стоит позволять им обнаружить, что за ними следят — но глаза надо держать открытыми, ты же понимаешь.

Ли иронически и удовлетворенно рассмеялся.

— Хорош бы я был, если б дожидался твоих приказов, не так ли, Хардин? Уже месяц Сермак и его люди находятся под наблюдением.

Мэр хмыкнул.

— Первым сообразил, да? Ладно. Кстати, — заметил он тихо, — посол Верисоф возвращается на Терминус. Временно, надеюсь.

Последовало короткое, слегка пугающее молчание. Наконец Ли произнес:

— Так вот о чем шла речь в сообщении? Уже начинается?

— Не знаю. Не могу сказать ничего, пока не услышу, что сообщит Верисоф. Но, может быть, действительно начинается. В конце концов, дела просто обязаны начаться до выборов. А почему это ты так побледнел?

— Потому что не знаю, как все обернется. Ты глубоко увяз, Хардин, и играешь слишком опас-

но.

— И ты? — пробормотал Хардин, добавив вслух: — Ты хочешь сказать, что собираешься вступить в новую партию Сермака?

Ли против воли улыбнулся.

— Ладно. Ты выиграл. Как насчет обеда?

2.

Хардину — известному острослову — приписывалось много эпиграмм, но немалое число их, вероятно, представляло собой апокрифы. Тем не менее сообщают, что он как-то сказал:

— Стоит бывать прямолинейным, особенно если ты имеешь репутацию хитреца.

Поли Верисоф не раз имел возможность поступать согласно этому совету в течение четырнадцати лет своего двойственного положения на Анакреоне. Смысл, крывшийся в этой двойственности, часто и неприятно напоминал ему танцы босиком на раскаленном металле.

Для народа Анакреона он был верховным жрецом, представителем того самого Установления, которое для этих "варваров" являлось вершиной тайны и средоточием религии, развитой ими (при помощи Хардина) за последние три десятилетия. В этом качестве он принимал почести, сделавшиеся ужасно утомительными, ибо в душе

он презирал ритуал, центром которого являлся.

Но для королей Анакреона — как для старого, так и для его молодого внука, ныне занимавшего трон, — он был просто послом силы, одновременно пугающей и желанной.

В целом это была нелегкая работа, и единственный визит на Установление за последние три года, несмотря на спровоцировавший его серьезный инцидент, все же чем-то походил на праздник. А так как далеко не в первый раз Верисоф должен был путешествовать в обстановке абсолютной секретности, он снова последовал изречению Хардина о пользе прямолинейности.

Он переоделся в обычный костюм — само по себе праздничное событие — и занял место на пассажирском лайнере до Установления, во втором классе. Прибыв в Терминус, он протиснулся через толпу в космопорте и позвонил в мэрию с общественного визифона.

— Меня зовут Джан Смайт. Сегодня мне назначена встреча с мэром, — сказал он.

Обладавшая замогильным голосом, но расторопная девица на противоположном конце, связавшись еще с кем-то и обменявшись несколькими словами, сообщила Верисофу сухим, механическим тоном:

— Мэр примет вас через полчаса, сударь, — и экран погас.

Вслед за этим посол купил последний выпуск "Городских ведомостей" Терминуса, забрел в парк при мэрии и, присев на первую же свободную скамейку, прочел передовицу, спортивный раздел и страничку юмора. По истечении получаса он сунул газету подмышку, вошел в мэрию и представился в приемной.

Проделав все это, он, в силу абсолютно откровенного характера своих действий, оставался совершенно неузнаваем и неуязвим: никто и не подумал удостоить его повторного взгляда.

Хардин поднял голову и ухмыльнулся.

— Бери сигару! Как прошло путешествие?

Верисоф сказал, угощаясь сигарой:

— Любопытно. В соседней каюте помещался жрец, направлявшийся сюда, чтобы прослушать специальный курс о приготовлении радиоактивной синтетики — для борьбы с раком.

— Уж конечно, он не называл ее радиоактивной синтетикой?

— Наверное, нет! Для него это была Священная Пища.

— Продолжай, — улыбнулся мэр.

— Он завлек меня в теологическую дискуссию

и сделал все, что мог, дабы отвлечь меня от мерзкого материализма.

— И так и не признал своего верховного жреца?

— Без моего малинового одеяния? К тому же он был со Смирно. Однако то был поучительный пример. Сказать по правде, Хардин, религия науки обрела изрядную силу. Я написал эссе на эту тему — только для собственного развлечения; печатать его не стоит. Если рассматривать проблему социологически, то, кажется, следует признать, что когда старая Империя начала подгнивать с краев, наука не смогла этого предотвратить. Чтобы реабилитировать себя перед внешними мирами, ей необходимо было предстать в ином обличьи — и именно это она и сделала. Это сработало превосходно.

— Любопытно! — мэр закинул руки за шею. — Давай рассказывай о положении на Анакреоне!

Посол нахмурился и вытащил сигару изо рта. Он с отвращением взглянул на нее и отложил в сторону.

— Положение, можно сказать, весьма скверное.

— Иначе ты не был бы здесь.

— Да уж конечно. Ситуация такова. Ключевую

роль на Анакреоне играет принц-регент Виенис. Он дядя короля Лепольда.

— Я знаю. Но в будущем году Лепольд достигнет совершеннолетия, разве не так? Кажется, в феврале ему будет шестнадцать.

— Да, — посол сделал паузу, а затем, скривившись, добавил: — Если он доживет. Отец короля умер при подозрительных обстоятельствах. Игольная пуля в грудь во время охоты. Объявили несчастным случаем.

— Н-да. Знаешь, я помню Виениса — со времени последнего посещения Анакреона, после того, как мы вышвырнули их с Терминуса. Это было еще до тебя. Погоди… Если я правильно припоминаю, это был смуглый парень с черными волосами и косящим левым глазом. У него еще был смешной крючковатый нос.

— Именно этот тип. Крючковатый нос и косящий глаз по-прежнему при нем, лишь волосы поседели. Он ведет грязную игру. К счастью, это самый отъявленный дурак на планете. Он, однако, воображает себя дьявольски проницательным, и это делает его глупость еще более явной.

— Так обычно и бывает.

— Для разбивания яйца он предпочел бы атом-

ный бластер. Примером тому может служить хотя бы налог на храмовую собственность, который он попытался ввести сразу после смерти старого короля, два года назад. Помнишь?

Призадумавшийся Хардин кивнул и улыбнулся:

— Жрецы подняли вой?

— Такой, что слышно было до Лукрезы. С тех пор он проявляет больше осторожности в обращении со жречеством, но по-прежнему очень груб. Для Установления это не очень-то хорошо: его самоуверенность беспредельна.

— Этим он компенсирует, вероятно, комплекс неполноценности. Так часто бывает с младшими отпрысками королевских семей.

— Но итог один. Он с пеной у рта жаждет напасть на Установление. Он даже не дает себе труда скрывать это. И положение его позволяет ему это сделать, если иметь в виду уровень вооружений. Старый король построил великолепный флот, да и Виенис не дремал эти два года. Налог на храмовую собственность как раз должен был пойти на дальнейшие вооружения, а когда эта затея провалилась, он вдвое увеличил подоходный налог.

— По этому поводу было недовольство?

— Да не особенно. Каждая проповедь в королевстве неделями призывала к послушанию властям предержащим. Правда, Виенис не выразил нам какой-либо благодарности.

— Все ясно. Обстановку я представил. Что же произошло?

— Две недели назад анакреонский торговый корабль наткнулся на заброшенный военный крейсер старого Имперского Флота. Он дрейфовал в космосе по меньшей мере лет триста.

В глазах Хардина мелькнул интерес. Он подался вперед.

— Да, я слышал об этом. Навигационная Коллегия прислала мне прошение: они хотели получить корабль для изучения. Как я понимаю, он в хорошем состоянии.

— В слишком хорошем состоянии, — сухо ответил Верисоф. — Когда Виенис получил на той неделе твое предложение передать корабль Установлению, с ним чуть не сделался припадок.

— Но он еще не ответил.

— Он и не ответит — разве что пушками; так, по крайней мере, он считает. Видишь ли, за день до моего отлета с Анакреона он заявился ко мне и потребовал, чтобы Установление привело этот крейсер в боевое состояние и передало его ана-

креонскому флоту. Невероятно желчным тоном он заявил, что твое обращение на той неделе указывает на планы Установления напасть на Анакреон. Он заявил, что отказ отремонтировать крейсер подтвердит его подозрения; и намекнул, что будет вынужден принять меры по самозащите Анакреона. Вот его слова. Вынужден будет! И вот почему я здесь.

Хардин приглушенно рассмеялся. Верисоф тоже улыбнулся и продолжал:

— Конечно, он ждет отказа, что и явится в его глазах превосходным оправданием для немедленного нападения.

— Я это понимаю, Верисоф. Что ж, у нас есть еще по крайней мере шесть месяцев в запасе, так что пусть корабль починят и подарят с моими наилучшими пожеланиями. И пусть его назовут "Виенис" в знак нашего уважения и почтения.

Он вновь рассмеялся. И опять Верисоф ответил слабым намеком на улыбку.

— Полагаю, что этот шаг логичен, Хардин, — но я обеспокоен.

— Чем же?

— Это поистине Корабль! В те дни умели строить. Его кубатура составляет более половины всего анакреонского флота. Его атомные бла-

стеры могут разнести планету, а защитное поле выдержит удар Q-луча, даже не начав светиться. Это слишком хорошая вещь, Хардин…

— Поверхностно судишь, Верисоф, поверхностно. Мы оба с тобой знаем, что и сейчас имеющихся у него вооружений вполне достаточно, чтобы легко разгромить Терминус задолго до того, как мы сумеем отремонтировать крейсер для собственных нужд. Тогда какая разница, дадим ли мы ему еще и крейсер или нет? Ты ведь знаешь, что до всамделишной войны дело не дойдет никогда.

— Надеюсь, что так. Да, — посол поднял глаза. — Но, Хардин…

— Ну? Что же ты замолчал? Продолжай.

— Видишь ли, это не моя область… Но я прочел газету, — он положил на стол "Ведомости" и указал на первую страницу. — Что все это означает?

Хардин небрежно взглянул.

— "Группа советников формирует новую политическую партию".

— Вот именно, — Верисоф нервничал. — Я понимаю, что ты лучше меня разбираешься во внутренних делах, но они критикуют тебя как угодно, разве что к рукоприкладству не переходят. Насколько они сильны?

— Чертовски сильны. Вероятно, после следую-

щих выборов они будут контролировать Совет.

— А не раньше? — Верисоф искоса глянул на мэра. — Есть и другие способы захватить контроль, помимо выборов.

— Ты что, принимаешь меня за Вениса?

— Нет. Но ремонт звездолета займет месяцы, а после этого они нападут обязательно. Наши уступки будут восприняты как знак слабости, а имперский крейсер вдвое усилит мощь флота Вениса. Он нападет. Это так же верно, как то, что я — великий жрец. Зачем рисковать? Сделай одно из двух. Либо раскрой план кампании Совету, либо начинай дело с Анакреоном сейчас!

Хардин нахмурился.

— Начинать дело сейчас? До наступления кризиса? Это как раз то, чего я не должен делать. Видишь ли, существует Хари Селдон со своим Планом.

Верисоф недоверчиво произнес:

— Значит, ты абсолютно уверен, что План существует?

— В этом вряд ли можно сомневаться, — последовал жесткий ответ. — Я присутствовал при открытии Свода Времени, и видел Селдона собственными глазами.

— Я имел в виду не это, Хардин. Я просто не

представляю, как можно планировать историю на тысячу лет вперед. Может быть, Селдон переоценил себя, — он слегка заерзал, увидев ироническую усмешку Хардина, и добавил, — но впрочем, я не психолог.

— Вот именно. Собственно, как никто из нас. Но в молодости я получил кое-какую элементарную подготовку — достаточную, чтобы понять, на что способна психология, даже если я сам не в состоянии использовать ее возможности. Нет сомнений, что Селдон сделал именно то, о чем говорил. Установление, как он утверждает, было основано как научное убежище — как средство, с помощью которого наука и культура умирающей Империи должны были сохраниться в начинающихся веках варварства, чтобы в итоге расцвести, дав начало Второй Империи.

Верисоф кивнул с несколько сомневающимся видом.

— Все знают, что события, как предполагается, должны идти таким путем. Но можем ли мы позволить себе полагаться на случайности? Можем ли мы рисковать настоящим во имя туманного будущего?

— Мы обязаны — поскольку будущее отнюдь не туманно. Оно вычислено и спланировано Селдо-

ном. Каждый очередной кризис в нашей истории занесен на график и зависит в некоторой степени от успешного завершения предыдущих. Это лишь второй кризис, и лишь Космос знает, какое влияние в итоге может оказать даже крошечное отклонение.

— Это лишь пустые рассуждения.

— Нет! Хари Селдон сказал в Своде Времени, что при каждом кризисе наша свобода действий будет ограничиваться до такой степени, пока не останется лишь один путь.

— Чтобы держать нас в узде?

— Чтобы не давать нам сбиться с пути, вот именно. Следовательно, до тех пор, пока возможен более чем один вариант действий, кризис еще не достигнут. Мы должны позволить событиям развиваться так долго, как только сможем, и, клянусь Космосом, именно это я и собираюсь сделать.

Верисоф не ответил. Он с недовольным видом покусывал губу. Всего год назад Хардин впервые обсуждал с ним весьма серьезный вопрос: как противостоять враждебным приготовлениям Анакреона? И то потому лишь, что его, Верисофа, смущала политика дальнейшего умиротворения.

Хардин, видимо, угадал мысли своего посла.

— Было бы правильнее никогда ничего не рассказывать тебе об этом.

— Почему ты так говоришь? — воскликнул Верисоф в изумлении.

— Потому что сейчас шесть человек — ты, я, остальные трое послов и Йохан Ли — отлично представляют, что нас ждет впереди; а я чертовски боюсь, что идея Селдона заключалась как раз в том, чтобы никто ничего не знал.

— Почему?

— Потому что даже изощренная психоистория Селдона имеет пределы. Она не может справиться со слишком большим числом независимых переменных. Селдон не мог принимать во внимание личности отдельных людей, так же как нельзя приложить кинетическую теорию газов к отдельным молекулам. Он работал с населением целых планет, с толпами, и только слепыми толпами, которые не знают заранее о результатах своих действий.

— Это не очевидно.

— Ничего не могу поделать. Я не такой уж психолог, чтобы объяснить это с научной точки зрения. Но вот что тебе, должно быть, известно. На Терминусе нет подготовленных психологов и

математических трудов по этой науке. Очевидно, Селдон хотел, чтобы мы двигались вслепую — и, вследствие этого, в нужную сторону, — в соответствии с законами психоистории для толпы. Я уже говорил тебе как-то, что, изгнав в первый раз анакреонцев, никогда не представлял, к чему мы пойдем. Я думал поддержать баланс сил, не более. Лишь впоследствии мне показалось, что я вижу систему в ходе событий; но я делал все от меня зависящее, чтобы не поступать в согласии с этим знанием. Помехи, связанные с наперед известными вещами, выбили бы План из колеи.

Верисоф задумчиво кивнул.

— Почти столь же запутанные рассуждения мне приходилось слышать в храмах Анакреона. И как же ты надеешься уловить момент для действий?

— Уже уловил. Согласись, что как только мы отремонтируем крейсер, ничто не удержит Виениса от нападения на нас. В этом смысле альтернативы не останется.

— Да.

— Прекрасно. Это насчет внешнего аспекта. С другой стороны, ты согласен также и с тем, что после следующих выборов появится новый, враждебный Совет, который вынудит предпринять действия против Анакреона. И здесь нет

альтернативы.

— Да.

— А как только альтернативы исчезают, приходит кризис. Или, что то же самое, — я начинаю беспокоиться.

Он сделал паузу. Верисоф ждал продолжения. Медленно, почти неохотно Хардин произнес:

— У меня возникла мысль — скорее, представление, — что внешнее и внутреннее воздействия спланированы так, чтобы достигнуть пика одновременно. Но сейчас есть разница в несколько месяцев. Виенис, вероятно, нападет до весны, а выборы еще через год.

— Это кажется не столь уж существенным.

— Не знаю. Может быть это следствие неизбежных ошибок в расчетах, а может быть и того обстоятельства, что мне известно слишком многое. Я старался никогда не допускать влияния моих предвидений на мои действия, но могу ли я быть в этом уверен? И какое влияние может оказать это расхождение? Во всяком случае, — он поднял голову, — я твердо решил одно.

— Что же?

— Когда кризис разразится, я отправлюсь на Анакреон. Я должен быть на месте… Впрочем, хватит, Верисоф. Уже поздно. Хорошо бы нынче

ночью пуститься в загул. Я хочу немного расслабиться.

— Тогда это надо делать здесь, — сказал Верисоф. — Я не хочу быть узнанным, чтобы у новой партии, которую формируют твои драгоценные советники, не было повода для разговоров. Закажи коньяк.

Хардин так и поступил — но коньяка заказал совсем немного.

3.

В давние времена, когда Галактическая Империя охватывала всю Галактику, а Анакреон был богатейшей из префектур Периферии, не одному Императору доводилось с большой помпой посещать вице-королевский дворец. И ни один из них не покидал его, не испытав свое умение владеть глайдером и игольным ружьем на пернатой летающей крепости, именуемой птицей Ньяк.

С наступлением упадка слава Анакреона ушла в небытие. Вице-королевский дворец превратился в продуваемые сквозняками руины, за исключением одного крыла, отремонтированного мастерами Установления. И уже лет двести Императоры на Анакреоне не появлялись.

Но охота на Ньяков по-прежнему оставалась королевским спортом, и верный глаз да владение

игольным ружьем все еще были первыми из требований, предъявляемых к королям Анакреона.

Лепольд I, король Анакреона и — как неизменно, но лживо добавлялось, — властитель Внешних Доминионов, хотя и не достиг еще шестнадцати лет, уже много раз успел доказать свое умение. Он подстрелил своего первого Ньяка, едва достигнув тринадцати; десятого — спустя неделю после восшествия на престол; а сейчас возвращался с сорок шестым.

— Пятьдесят — до моего совершеннолетия, — ликовал он. — Кто хочет пари?

Но придворные не заключали пари по поводу способностей короля. Выигрывать такие пари было бы смертельно опасно. Так что никто не отозвался, и король в отличном настроении пошел переодеваться.

— Лепольд!

Король остановился как вкопанный, ибо лишь один голос мог окликнуть его. Он хмуро обернулся.

Виенис стоял на пороге своих покоев и мрачно взирал на юного племянника.

— Отошли их прочь, — нетерпеливо указал он. — Выгони всех.

Король коротко кивнул, и двое камергеров,

поклонившись, попятились вниз по лестнице. Лепольд вошел в комнату дяди.

Виенис угрюмо взглянул на охотничий костюм короля.

— Скоро тебе надо будет думать о более важных вещах, чем охота на Ньяков.

Он отвернулся и заковылял к столу. С тех пор, как он стал слишком стар для гонок по воздуху, опасных бросков под крылья Ньяков и рывков глайдера при каждом движении ноги, его стали раздражать все эти занятия в целом.

Лепольд оценил кислое настроение своего дяди и не без желания задеть его заговорил воодушевленным тоном:

— Но тебе стоило быть с нами сегодня, дядя! В пустоши Самии мы вспугнули одного — настоящее чудовище! Вот это была дичь! Мы гонялись за ним больше двух часов на площади в семьдесят квадратных миль. Затем я добрался до Солнечной Стороны, — он наглядно показывал все это, будто снова сидел в своем глайдере, — и пошел вниз с переворотом. Поймал его на взлете и попал как раз в ногу под левое крыло. От этого он озверел и пошел вкось. Я принял его вызов, тоже развернулся влево, выжидая, пока он ухнет вниз. И точно, вот он валится. Он был на расстоянии

взмаха крыла, когда я сдвинулся и…

— Лепольд!

— Ну вот! Я подстрелил его.

— Я в этом не сомневался. Теперь будешь ли ты слушать или нет?

Совершенно нецарственно надув губы, король пожал плечами и прошествовал к краю стола, где вгрызся в лерийский орех. Он не рискнул посмотреть в глаза своему дяде.

Виенис заявил в виде вступления:

— Сегодня я был на корабле.

— Каком корабле?

— Есть только один корабль. КОРАБЛЬ. Тот, который Установление ремонтирует для нашего флота. Старый имперский крейсер. Теперь понятно?

— Ах, этот? Вот видишь, я же говорил тебе, что Установление отремонтирует его, если мы их попросим. Все это мура, все эти твои россказни о том, что они хотят на нас напасть. Если б они хотели, с какой стати они бы принялись чинить корабль? В этом не было бы никакого смысла.

— Лепольд, ты дурак!

Король, только что выплюнувший скорлупу лерийского ореха и уже подносивший к губам следующий, вспыхнул:

— Ну ты, поосторожнее на поворотах, — заявил он не столько гневно, сколько сварливо. — По-моему, тебе не стоит меня так называть. Ты забываешься. Имей в виду, через два месяца я буду совершеннолетним.

— Да? И ты полностью готов принять на себя королевские обязанности? Если б ты занимался государственными делами хотя бы половину того времени, что тратишь на охоту за Ньяками, я с чистой совестью сложил бы с себя регентство.

— Это неважно. Это не имеет отношения к делу. Ты же понимаешь, что если даже ты регент и мой дядя, то я все равно король, а ты — мой подданный. Ты не должен называть меня дураком и ты, кстати, не должен сидеть в моем присутствии, не попросив у меня разрешения. Я думаю, что тебе следует быть осторожным, а не то я могу предпринять что-нибудь — и очень скоро.

Взор Виениса был холоден.

— Могу я именовать тебя "ваше величество"?

— Да.

— Отлично! Вы дурак, ваше величество!

Его темные глаза сверкнули из-под седых бровей, и юный король медленно опустился в кресло. На лице регента мелькнуло сардоническое удовлетворение, которое быстро исчезло. Его

толстые губы разошлись в улыбке, и одна рука легла на плечо короля.

— Не обижайся, Лепольд. Мне не следовало говорить тебе грубости. Иногда трудно вести себя со всей учтивостью, если события так быстро наваливаются… Ты же понимаешь?

Слова звучали примирительно, но взгляд Виениса почти не смягчился. Лепольд произнес неуверенно:

— Да. Государственные дела чертовски сложны. Конечно.

Он не без опасения подумал о том, что сейчас на него навалятся унылые и бессмысленные подробности годовой торговли со Смирно и длинные пререкания насчет редко заселенных планет в Красном Коридоре.

Виенис заговорил снова:

— Мой мальчик, я намеревался поговорить с тобой об этом раньше и, возможно, так было бы лучше. Но я знаю, что твой юный дух не выносит сухих подробностей государственного ремесла.

Лепольд кивнул:

— Ну да, все это правильно…

Но дядя жестко прервал его и продолжал:

— Тем не менее через два месяца ты станешь совершеннолетним. И более того, в наступающие

сложные времена ты должен будешь принимать полное и активное участие во всех делах. Впредь ты будешь королем, Лепольд.

Лепольд опять кивнул, но выражение его лица было совершенно отсутствующим.

— Будет война, Лепольд.

— Война! Но со Смирно заключено перемирие.

— Не со Смирно. С самим Установлением.

— Но, дядя, они же согласились починить корабль. Ты сказал…

Он поперхнулся, увидев, как скривились губы его дядюшки.

— Лепольд, — от дружелюбия не осталось и следа, — поговорим как мужчина с мужчиной. Война с Установлением должна начаться независимо от того, починят они корабль или нет, — и даже, в сущности, быстрее именно потому, что его чинят. Установление — источник силы и мощи. Все величие Анакреона, все его корабли, города, народ, коммерция зависят от капель, от ошметков той силы, которую нам неохотно выделяет Установление. Я помню времена — да, именно я, — когда города Анакреона обогревались углем и нефтью. Но это неважно, ты об этом не будешь иметь и представления.

— Но кажется, — робко предположил король, —

что нам следует быть благодарными…

— Благодарными? — взревел Виенис. — Благодарными за то, что они отсылают нам крохи, сохраняя для себя все — и космос знает, с какими задними мыслями? Все это им нужно для того, чтобы когда-нибудь самим править Галактикой.

Его рука опустилась на колени племянника, глаза прищурились.

— Лепольд, ты — король Анакреона. Твои дети и дети твоих детей могут стать королями Вселенной — если ты будешь располагать той мощью, которую Установление укрывает от нас!

— В этом что-то есть, — глаза Лепольда заблестели, спина выпрямилась. — В конце концов какое право они имеют все оставлять себе? Это же нечестно. Анакреон тоже кое-что значит.

— Вот видишь, ты начинаешь понимать. А теперь, мой мальчик, подумай, что будет, если Смирно само решит напасть на Установление и захватит всю эту мощь? Долго ли мы сможем протянуть, не сделавшись их вассалами? Надолго ли ты удержишь свой трон?

Лепольд заволновался.

— О космос, конечно. Ты абсолютно прав. Мы должны ударить первыми. Это просто самозащита.

Виенис улыбнулся еще шире.

— Более того, однажды, в самом начале правления твоего деда, Анакреон действительно создал военную базу на планете Установления — Терминусе: базу, жизненно необходимую для национальной обороны. Мы были вынуждены оставить эту базу в результате махинаций лидера этого Установления, лукавого ничтожества, школяра, не имеющего в жилах ни капли благородной крови. Ты понимаешь, Лепольд? Твой дед был унижен этим простолюдином! Я его помню! Он был едва старше меня. Он прибыл на Анакреон со своей дьявольской усмешкой и дьявольским разумом — и опираясь на мощь остальных трех королевств, трусливо объединившихся за спиной Анакреона.

Лепольд раскраснелся, и в его глазах засверкали искорки.

— Клянусь Селдоном, будь я на месте деда, я бы все равно сражался!

— Нет, Лепольд. Мы решили выждать и стереть нанесенное оскорбление в должное время. Твой отец до своей безвременной смерти надеялся, что, может быть, он… Да, да! — Виенис на миг отвернулся, потом продолжал, словно подавив свои чувства. — Он был моим братом. И все же,

если бы его сын…

— Да, дядюшка. Я не подведу его. Я решил. Справедливость требует, чтобы Анакреон разнес это гнездо подстрекателей — и немедленно.

— Нет, не сразу. Сперва мы дождемся завершения ремонта крейсера. Сама их готовность провести этот ремонт доказывает, что они нас боятся. Эти глупцы пытаются задобрить нас, но мы ведь не свернем со своего пути, не так ли?

Лепольд стукнул кулаком по ладони другой руки.

— Нет, покуда я — король Анакреона!

Виенис язвительно скривил губы.

— Кроме того, мы должны подождать прибытия Сальвора Хардина.

— Сальвора Хардина!

Глаза короля внезапно округлились, и юные черты его безбородого лица потеряли тот жесткий облик, который он им старался придать.

— Да, Лепольд, сам лидер Установления прибудет на Анакреон ко дню твоего рождения — вероятно, чтобы успокоить нас масляными речами. Но это ему не поможет.

— Сальвор Хардин! — послышался шепот короля.

Виенис нахмурился.

— Ты что, боишься одного его имени? Да, это тот самый Сальвор Хардин, который в свой прошлый визит сунул нас носом в лужу. Ты не забыл смертельного оскорбления царственной фамилии? И к тому же от простолюдина. От уличного подонка.

— Нет. Надеюсь, нет. Нет, я не забыл. Не забыл! Мы отплатим ему — но… но… я боюсь… чуть-чуть…

Регент встал.

— Боишься? Чего? Чего же ты, юный… — он поперхнулся.

— Было бы… э-э-э… в своем роде святотатством напасть на Установление. Я имею в виду… — король остановился.

— Продолжай.

Лепольд, смущаясь, произнес:

— Я имею в виду, что если Галактический Дух существует на самом деле, ему… э-э… это может не понравиться. Ты так не думаешь?

— Нет, не думаю, — последовал жесткий ответ.

Виенис снова уселся и сложил губы в странную усмешку.

— Так значит ты в самом деле изрядно забил себе голову Галактическим Духом? Вот что получается, когда тебя предоставляют самому себе.

Ты, видно, наслушался Верисофа.

— Он объяснял очень многое…

— О Галактическом духе?

— Да.

— Ах ты молокосос, да он же верит в эту чепуху куда меньше моего, а я не верю вообще. Сколько раз я говорил тебе, что эта болтовня — чушь?

— Ну я знаю это. Но Верисоф говорит…

— Нечего слушать Верисофа. Это чушь.

Последовало короткое молчание, и Лепольд наконец возмущенно сказал:

— Так или иначе, все в нее верят. Я имею в виду рассказы о Пророке Хари Селдоне, и как он поручил Установлению хранить его заветы о возвращении Галактического Рая; и как любой неподчинившийся его заповедям будет уничтожен навечно. Народ этому верит. Я возглавлял празднества и уверен, что они верят.

— Да, они верят; а мы — нет. И ты можешь быть благодарен, что дело обстоит именно так; ибо в соответствии с этой чепухой ты — король по божественному праву и сам — полубог. Очень удобно. Это исключает любую возможность мятежа и требует абсолютной покорности во всем. Вот почему, Лепольд, ты должен будешь принять активное участие в объявлении войны против

Установления. Я только регент и обычный человек. Ты же король и более чем полубог — для них.

— Но я не думаю, что это в самом деле так, — сказал король серьезно.

— Ты прав, — последовал саркастический ответ, — но таков ты для всех, кроме людей Установления. Уловил? Для всех, кроме этих типов с Установления. Стоит их убрать, и некому будет отрицать твою божественность. Подумай об этом!

— А после этого сумеем ли мы сами управиться с силовыми ящичками в храмах, и с кораблями, которые летают без людей, и со священной пищей, лечащей рак и все остальное? Верисоф говорил, что лишь благословленные Галактическим Духом могут…

— Да, как же, Верисоф говорил! Верисоф твой величайший враг после Сальвора Хардина. Будь со мной, Лепольд, и не беспокойся о них. Вдвоем мы восстановим империю — не просто анакреонское королевство, а такую, которая включит в себя каждое из миллиардов солнц старой Империи. Разве это не лучше, чем пресловутый "Галактический Рай"?

— Да-а…

— Может ли Верисоф обещать большее?

— Нет.

— Очень хорошо. — Его голос стал повелительным. — Я полагаю, мы можем считать вопрос решенным. — Он подождал, но ответа не получил. — Ну давай иди. Я спущусь попозже. И еще одно, Лепольд.

Юный король обернулся на пороге.

Улыбалось все лицо Виениса за исключением глаз.

— Будь осторожен с этой охотой на Ньяков, мой мальчик. После несчастного случая с твоим отцом у меня иногда появляются странные предчувствия насчет тебя. В этой свалке, когда воздух заполнен дротиками, выпущенными из игольных ружей, ни в чем нельзя быть уверенным. Ты будешь осторожен, я надеюсь. И ты поступишь с Установлением так, как я сказал, не правда ли?

Лепольд отвел в сторону округлившиеся глаза.

— Да, конечно.

— Хорошо!

Виенис без всякого выражения посмотрел вслед уходящему племяннику и вернулся к своему столу.

Безмятежное настроение Лепольда рассеялось, уступив место мрачным мыслям. Может быть,

действительно лучше будет разгромить Установление и захватить силу, о которой говорил Виенис. Но затем, когда война кончится, и он утвердится на своем троне… Он остро ощущал то обстоятельство, что Виенис и два его невежественных сына в настоящее время являются следующими претендентами на престол.

Но он был королем. А короли могут приказать казнить кого угодно.

Даже дядей и кузенов.

4.

После Сермака самым активным диссидентом являлся Льюис Борт, который весьма энергично вербовал недовольных в горластую Партию Действия. Но он не входил в депутацию, почти полгода назад обратившуюся к Сальвору Хардину. И это не было следствием непризнания его заслуг, как раз наоборот. Он отсутствовал лишь по той причине, что находился тогда на столичной планете Анакреона.

Он посетил ее как частное лицо. Он не встречался с лидерами и не делал ничего важного. Он лишь изучал темные уголки оживленной планеты и совал свой курносый нос в пыльные закоулки.

Он прибыл домой на закате короткого зимнего

дня, начавшегося пасмурной погодой и завершившегося снегопадом, и через час уже сидел за восьмиугольным столом в доме Сермака.

Первые его слова отнюдь не были рассчитаны на то, чтобы взбодрить собравшихся, заметно подавленных сгущающимися снежными сумерками.

— Боюсь, — сказал он, — что наше положение из тех, что в мелодрамах обычно именуются "Пропащее Дело".

— Ты так полагаешь? — мрачно сказал Сермак.

— Не просто полагаю, Сермак. Для иного мнения не остается места.

— Вооружения... — начал было Докор Вальто несколько угодливо, но Борт тут же прервал его.

— Забудьте. Это уже старая история, — его глаза обежали круг присутствующих. — Я говорю о народе. Я признаю, что это было поначалу моей идеей — попытаться взлелеять дворцовый переворот, чтобы возвести на престол короля, более подходящего для Установления. Это была хорошая идея. И она все еще остается таковой. Один лишь пустяковый недостаток — она нереализуема. Великий Сальвор Хардин позаботился об этом.

— Если бы ты сообщил нам подробности,

Борт… — кисло сказал Сермак.

— Подробности! Их нет! Все не так просто. Дело в идиотской ситуации на Анакреоне в целом. Все дело в этой религии, основанной Установлением. Она действует!

— Ну да!

— Чтобы оценить ее, надо наблюдать ее в действии. Здесь вы видите лишь большую школу для обучения жрецов и специальные действа, от случая к случаю устраиваемые ради паломников в каком-нибудь малопосещаемом уголке города — и только. В целом это нас мало затрагивает. Но на Анакреоне…

Лем Тарки разгладил свою чопорную остроконечную бородку одним пальцем и откашлялся.

— Что же это за религия? Хардин всегда говорил, что это лишь пышный вздор, предназначенный для того, чтобы заставить их принимать нашу науку без лишних вопросов. Помнишь, Сермак, в тот день он сказал нам…

— Объяснения Хардина, — напомнил Сермак, — не всегда следует принимать за чистую монету. Но что же это за религия, Борт?

Борт задумался.

— С этической стороны она превосходна. Она едва ли отличается от разнообразных философских

учений старой Империи. Высокие моральные стандарты и все такое. С этой точки зрения жаловаться не на что. Религия является одним из великих цивилизующих средств в арсенале истории, и в этом смысле она удовлетворяет…

— Мы это знаем, — нетерпеливо прервал Сермак. — Ближе к делу.

— Ну что ж, — Борт был слегка смущен, но не показывал этого. — Религия, которую Установление лелеяло и поощряло, — не забывайте этого, — основана на строго авторитарных принципах. Одно лишь жречество имеет контроль над инструментами науки, переданными нами Анакреону, но и оно обучено использованию этих средств лишь эмпирически. Жители Анакреона всецело верят в эту религию и в… э… духовную ценность мощи, которой они управляют. Например, месяца два назад какой-то дурак стал ковыряться в энергостанции Фессалекийского храма — одной из самых больших. Он, разумеется, подверг радиационному заражению весь город. Это было сочтено местью божества — всеми, включая и жрецов.

— Я припоминаю. В газетах были в свое время отрывочные версии этой истории. Но не вижу, к чему ты клонишь.

— Так слушайте дальше, — жестко продол-

жал Борт. — Жречество образует иерархию, на вершине которой находится король, рассматриваемый в качестве младшего божества. Он является абсолютным монархом по божественному соизволению, и люди в это верят — и жрецы тоже. Подобного короля свергнуть нельзя. Теперь ты уловил суть?

— Погоди, — сказал Вальто. — Что ты имеешь в виду, говоря, что все это устроил Хардин? При чем тут он?

Борт с горечью взглянул на вопрошавшего.

— Установление усердно культивировало эти заблуждения. Под эти мистификации мы подвели серьезную основу, укорененную в нашей науке. Не существует праздника, на котором король, возглавляющий его, не был бы окутан лучистой аурой, поднимающейся над головой наподобие венца. Любой, посмевший коснуться короля, будет жестоко обожжен. В наиболее важные моменты король перемещается с места на место по воздуху — предположительно вдохновляемый божественными силами. Одним жестом он заполняет храм жемчужным, дивным сиянием. Этим простейшим трюкам, которые мы организовали к его выгоде, нет конца; и при этом в них верят даже жрецы, хотя сами их и устраивают.

— Плохо! — произнес Сермак, кусая губу.

— Мне хочется заплакать, уподобившись фонтану в парке мэрии, — откровенно признался Борт, — когда я думаю о шансе, который мы проворонили. Вспомним положение, каким оно было тридцать лет назад, когда Хардин спас Установление от Анакреона… В те времена народ Анакреона реально не осознавал, что Империя разваливается. Еще с поры Зеонского мятежа они более или менее самостоятельно вершили свои дела, но даже после того, как связи оборвались и дед Лепольда пиратски провозгласил себя королем, они не сообразили, что Империи каюк. Если б у Императора хватило тогда храбрости рискнуть, он смог бы все отвоевать с помощью двух крейсеров и внутреннего восстания, которое обязательно бы разразилось. И мы — мы! — могли сделать то же самое; но нет, Хардин организовал обожествление монарха. Лично я этого не понимаю. Зачем? Зачем? Зачем?

— А что делает Верисоф? — внезапно заявил Джейм Орси. — В свое время он являлся откровенным акционистом. Что он там делает? Или он так слеп?

— Я не знаю, — коротко бросил Борт. — Для них он верховный жрец. Насколько мне известно, он

просто консультирует жречество по техническим вопросам. Он марионетка, черт бы его побрал, этого свадебного генерала!

Наступило всеобщее молчание, и взгляды обратились на Сермака. Молодой партийный лидер, нервно покусывая ногти, громко объявил:

— Плохи дела. Все это подозрительно!

Он огляделся и добавил более энергично:

— Неужто Хардин такой дурак?

— Видимо, — пожал плечами Борт.

— Никогда! Что-то тут не то. Чтобы так тщательно и безнадежно перерезать собственную глотку, надо быть колоссально тупым. Хардин не мог оказаться таковым, даже будучи полным дураком, а последнее утверждение я отвергаю. С другой стороны — оснастить Анакреон всеми видами вооружений! Я этого не понимаю.

— Вопрос этот, признаться, непонятен, — сказал Борт, — но факты налицо. Что мы еще можем предположить?

— Откровенная измена, — отрывисто произнес Вальто. — Он у них на содержании.

Но Сермак нетерпеливо мотнул головой.

— И этого я не принимаю. Вся история столь нелепа и бессмысленна… Скажи-ка, Борт, слышал ли ты что-нибудь о боевом крейсере, который, как

предполагается, Установление должно привести в порядок для использования в анакреонском флоте?

— Боевом крейсере?

— Старом имперском крейсере…

— Нет, не слышал. Но это ничего не значит. Базы военного флота — это религиозные святилища, куда обычный люд категорически не допускается. О состоянии флота вообще никогда не сообщают.

— Тем не менее, кое-какие слухи просочились. Люди из Партии поднимали этот вопрос в Совете. И Хардин ничего не отрицал. Его представитель угрожал распространителям слухов — не более того. Возможно, это тоже имеет значение.

— Все один к одному, — сказал Борт. — Кругом безумие. Одно сообщение хуже другого — если только они заслуживают доверия.

— Неужели, — заметил Орси, — Хардин располагает каким-то секретным оружием? Ведь это…

— Да, — со злостью произнес Сермак, — огромный дьявол из табакерки, который выскочит в нужный психологический момент и до смерти напугает старину Виениса. Если б Установление зависело от некоего секретного оружия, оно могло бы само взорвать себя ко всем чертям и

избавиться от агонии в ожидании конца.

— Хорошо, — сказал Орси, поспешно сменив тему, — поставим вопрос так: сколько времени у нас осталось? Как ты думаешь, Борт?

— Не смотрите на меня так: я не знаю, хотя вопрос действительно именно в этом. Анакреонская пресса вообще никогда не упоминает об Установлении. В данное время она всецело заполнена предстоящими празднествами. Как вы знаете, на следующей неделе Лепольд станет совершеннолетним.

— Значит, у нас есть несколько месяцев, — Вальто впервые за весь вечер улыбнулся. — Это дает нам время…

— Это дает нам время, держи карман! — взревел нетерпеливо Борт. — Король — бог, говорю я вам. Вы думаете, что он должен провести пропагандистскую кампанию, чтобы воодушевить свой народ? Или вы думаете, что он должен обвинить нас в агрессии и дать волю дешевым эмоциям? Когда придет время нанести удар, Лепольд отдаст приказ, и народ пойдет в бой. Именно так. Вот в чем проклятие системы. Богу не задают вопросов. Приказ же он может отдать хоть завтра.

Все заговорили разом, и Сермак хлопнул пару раз по столу, призывая к тишине. Тут откры-

лась входная дверь, и ворвался Леви Нораст. Он взлетел по лестницам, не снимая пальто и разбрасывая хлопья снега.

— Поглядите на это! — закричал он, бросив на стол мерзлую, усыпанную снегом газету. — И все визоры забиты тем же.

Пять голов склонились над развернутой газетой. Сермак приглушенно произнес:

— Великий Космос, он же отправляется на Анакреон! Отправляется на Анакреон!

— Это в самом деле измена, — взвизгнул возбужденно Тарки. — Провалиться мне, если Вальто не прав! Он продал нас и теперь отправляется туда за вознаграждением.

Сермак встал.

— У нас теперь нет выбора. Завтра я собираюсь просить Совет, чтобы он вынес вотум недоверия Хардину. А если и это провалится…

5.

Снегопад прекратился, но снег смерзся на земле толстым слоем, и скользивший мобиль с немалым трудом продвигался по пустынным улицам. Темно-серый свет едва брезжившей зари был холоден не только в поэтическом, но и в буквальном смысле — и даже в эти смутные для Установления времена никто, будь он акционистом или же

сторонником Хардина, не обнаруживал достаточного рвения, чтобы в подобную рань показаться на улице.

Йохану Ли не нравилась вся затея, и его ворчание сделалось вполне различимым.

— Это будет плохо выглядеть, Хардин. Все скажут, что ты смылся.

— Пусть говорят, если им захочется. Мне надо попасть на Анакреон, и я желаю сделать это без помех. И хватит об этом, Ли.

Хардин откинулся в мягком кресле и зябко поежился. В хорошо обогреваемой машине холода не чувствовалось, но нечто неприятное в заснеженном мире раздражало его даже сквозь стекла. Он произнес задумчиво:

— Когда-нибудь, разобравшись с текущими делами, мы займемся погодой Терминуса. Это можно сделать.

— Я, — возразил Ли, — предпочел бы сперва увидеть завершение других дел. К примеру, как насчет погоды для Сермака? Хорошая, сухая камера, двадцать пять градусов выше нуля в течение всего года были бы кстати.

— Тогда мне в самом деле понадобились бы телохранители, — сказал Хардин, — и не только эти двое. — Он указал на двух сидящих впереди,

рядом с водителем, здоровенных малых, пристально, не спуская рук с атомных бластеров, вглядывавшихся в пустые улицы. — Ты, видно, хочешь разжечь гражданскую войну.

— Я хочу? Поверь, в костре немало других поленьев, да и ворошить его особенно не потребуется, — Ли стал загибать пальцы. — Первое: Сермак вчера устроил бучу в Городском Совете и потребовал выразить тебе недоверие.

— Он имел полное право так поступить, — холодно ответил Хардин. — Кроме того, его требование провалилось: 206 против 184.

— Конечно. Большинством в двадцать два голоса, когда мы рассчитывали минимум на шестьдесят. И не отрицай того, что ты надеялся на шестьдесят.

— Да, пожалуй… — признал Хардин.

— Отлично. Второе: после голосования пятьдесят девять членов акционистской партии, закусив удила, помчались прочь из зала Совета.

Хардин молчал, и Ли продолжил:

— И третье: уходя, Сермак взвыл, что ты предатель, что ты отправляешься на Анакреон за вознаграждением, что большинство в Совете, провалив вотум недоверия, тем самым участвует в измене, и что их партия недаром именуется

партией Действия. На что все это похоже?

— На обеспокоенность, я полагаю.

— А теперь ты удираешь на рассвете, точно преступник. Ты должен был противостоять им, Хардин — и, если придется, объявить военное положение, клянусь Космосом!

— Насилие есть последнее прибежище…

— Некомпетентных. Ба!

— Прекрасно. Увидим. Теперь, Ли, слушай меня внимательно. Тридцать лет назад открылся Свод Времени, и к пятидесятой годовщине основания Установления появилась запись Хари Селдона, чтобы впервые намекнуть нам, что же происходит на самом деле.

— Я припоминаю, — Ли задумчиво кивнул, слегка улыбнувшись. — Как раз в тот день, когда мы взяли власть.

— Именно. То было время нашего первого крупного кризиса. Ныне же происходит второй — и через три недели наступит восьмидесятая годовщина Установления. Не кажется ли тебе это в каком-то смысле знаменательным?

— Ты хочешь сказать, что Селдон появится снова?

— Я еще не кончил. Селдон, как ты понимаешь, никогда не говорил о том, что он еще вернется,

но подобное в целом согласуется с его замыслом. Он всегда старался скрыть от нас все, что могло бы стать известно наперед. К тому же нужно разобрать Свод, чтобы выяснить, настроен ли компьютер на дальнейшие появления, — но, вероятно, при такой попытке он самоуничтожится. Я на всякий случай заходил туда в каждую годовщину после первого появления. Селдон ни разу не показался, но за все это время лишь сейчас начался настоящий кризис.

— Значит, он появится.

— Может быть. Я не знаю. Однако суть вот в чем. На сегодняшнем заседании Совета, объявив о моем отбытии на Анакреон, ты затем официально известишь членов Совета, что четырнадцатого марта появится новая запись Хари Селдона, содержащая сообщение исключительной важности по поводу только что успешно разрешенного кризиса. Это очень важно, Ли. Не добавляй к этому ничего, сколько бы вопросов тебе ни задавали.

— И они этому поверят? — Ли вытаращил глаза.

— Неважно. Это их смутит, чего я и добиваюсь. Гадая, правда ли это, и что же я имел в виду, если это утка, они решат отложить действия до четырнадцатого марта. Задолго до этого я успею

вернуться.

Ли выглядел неуверенно.

— А это "успешное разрешение"? Это же нелепость!

— Да, и к тому же способная смутить кого угодно. А вот и космопорт!

Ожидавший его звездолет громоздко высился в полумраке. Хардин тяжело зашагал к нему по снегу. У открытого люка он повернулся и протянул руку.

— Пока, Ли. Мне страшно не хочется оставлять тебя на этой сковородке, но мне некому довериться, кроме тебя. Только, пожалуйста, не лезь в огонь.

— Не беспокойся. Думаю, будет достаточно горячо и на сковородке. Я буду следовать твоим указаниям, — Ли отступил назад, и люк закрылся.

6.

Сальвор Хардин не сразу отправился на планету Анакреон — планету, по которой получило название все королевство. Он прибыл туда за день до коронации, после кратковременного посещения восьми крупнейших планетных систем королевства, где он останавливался лишь для переговоров с местными представителями

Установления.

Размеры королевства оставили на него угнетающее впечатление. Да, королевство было щепочкой, незначительным осколком по сравнению с невообразимыми просторами Галактической Империи, частью которой оно некогда являлось; но Хардина, чей образ мыслей сложился на одной, и к тому же редко заселенной планете, масштабы и население Анакреона потрясали.

Почти совпадая с границами старой Анакреонской префектуры, королевство охватывало двадцать пять планетных систем, шесть из которых состояли из нескольких обитаемых миров. Численность населения, равная девятнадцати миллиардам, хотя и уступала временам расцвета Империи, быстро росла благодаря поддерживаемому Установлением прогрессу науки.

Лишь теперь Хардин почувствовал всю грандиозность стоявшей перед Установлением задачи. За тридцать лет удалось перестроить энергетику лишь на столичной планете. Внешние провинции все еще включали обширные зоны, где атомная энергия пока не была восстановлена. Даже нынешний прогресс был бы невозможен, не используй Установление все еще работоспособные остатки схлынувшей Империи.

К тому моменту, когда Хардин прибыл на столичную планету, все обычные дела там были заброшены. Во внешних провинциях также прошли или все еще длились празднества; но здесь, на планете Анакреон, все поголовно были заняты лихорадочным участием в бурной религиозной мистерии, возвещавшей о совершеннолетии их божественного короля Лепольда.

Хардин смог урвать лишь полчаса у измученного и торопящегося Верисофа перед тем, как его посол принужден был мчаться на очередным храмовый праздник. Но эти полчаса оказались исключительно плодотворными, и Хардин, вполне удовлетворенный, начал ждать ночного фейерверка.

Повсюду он играл лишь роль наблюдателя, ибо не мог выносить религиозных церемоний, в каковых непременно вынужден был бы участвовать, если бы выяснилось, кто он такой. Так что когда бальный зал дворца заполнился блистающей и весьма восторженной ордой высшей знати, Хардин оказался оттесненным к стене. Его почти не замечали и вообще не проявляли к нему интереса.

Находясь в длинной шеренге, он был представлен Лепольду с безопасного расстояния,

ибо король стоял поодаль, в одиноком и впечатляющем величии, окруженный смертельным сиянием своей радиационной ауры. Менее чем через час этот самый король займет свое место на массивном троне из иридиево-родиевого сплава с золотыми чеканками, инкрустированными драгоценными камнями, и тогда трон вместе с ним величественно поднимется в воздух и заскользит над землей, чтобы повиснуть у огромного окна, через которое гигантские толпы простонародья смогут увидеть своего короля и завопить в буйном восторге. Трон не был бы, конечно, столь массивным, не будь в него встроен заэкранированный атомный двигатель.

Миновало одиннадцать. Хардин забеспокоился и привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Он боролся с искушением взобраться на стул. Вдруг он увидел Виениса, протискивающегося к нему сквозь толпу, и успокоился.

Виенис продвигался неспешно. Почти на каждом шагу он вынужден был обмениваться любезностями с каким-нибудь уважаемым дворянином, чей дед помог деду Лепольда разбойным путем захватить королевство и был за это удостоен герцогского титула.

Наконец он избавился от последнего разодетого

пэра и добрался до Хардина. Его улыбка самодовольно сияла, а черные глаза удовлетворенно вспыхивали из-под насупленных бровей.

— Мой дорогой Хардин, — сказал он тихим голосом, — вы должны были быть готовы к скучному зрелищу, коль скоро отказались объявить о себе.

— Я не скучаю, ваше высочество. Все это исключительно интересно. У нас на Терминусе не бывает подобных зрелищ.

— Разумеется. Не соблаговолите ли вы пройти в мои личные апартаменты, где мы сможем побеседовать поподробнее и в куда большем уединении?

— Конечно.

Они вдвоем, под руку, поднялись по лестнице, и не одна вдовая герцогиня изумленно уставилась им вслед и призадумалась, кто же этот скромно одетый, внешне неприметный незнакомец, которому принц-регент оказывает такие подчеркнутые почести.

В покоях Виениса Хардин приятно расслабился и с благодарностью принял бокал вина, собственноручно налитый регентом.

— Вино с Локриса, Хардин, — сказал Виенис, — из королевских погребов. Настоящая вещь, двухсотлетней выдержки. Было заложено еще за

десять лет до Зеонского Восстания.

— Поистине королевский напиток, — вежливо согласился Хардин. — За Лепольда Первого, короля Анакреона.

Они выпили, и Виенис, помедлив, льстиво добавил:

— А вскоре и императора Периферии, а там кто знает? Галактика когда-нибудь может объединиться вновь.

— Без сомнения. Под эгидой Анакреона?

— Почему бы и нет? С помощью Установления наше научное превосходство над остальной Периферией станет неоспоримым.

Хардин поставил пустой бокал на стол и произнес:

— Что ж, именно так, но с тем, разумеется, исключением, что Установление призвано содействовать любой нации, которая обратится к нему за научной помощью. Ввиду высокого идеализма нашего правительства и великих моральных заветов нашего основателя Хари Селдона мы не в состоянии играть в фаворитизм. Тут ничего не поделаешь, ваше высочество.

Улыбка Виениса стала шире.

— Как говорит народная мудрость, Галактический Дух помогает тем, кто сам о себе заботится.

Я прекрасно понимаю, что Установление, будучи предоставлено само себе, никогда не станет сотрудничать.

— Я бы так не сказал. Мы отремонтировали для вас имперский крейсер, хотя моя Навигационная Коллегия желала забрать его себе в целях изучения.

Регент с иронией повторил последние слова.

— В целях изучения! Да! И все же вы бы не ремонтировали корабль, если бы я не угрожал вам войной.

Хардин сделал пренебрежительный жест.

— Я не знаю.

— А я знаю. И угроза эта останется всегда.

— И сейчас остается?

— Сейчас уже слишком поздно говорить об угрозах, — Виенис бросил взгляд на часы, стоявшие на его столе. — Видите ли, Хардин, как-то вы уже побывали на Анакреоне. Вы, подобно мне, были тогда молоды. Но даже тогда мы имели совершенно различные взгляды на то, как следует вести дела. Ведь вы из тех, кого именуют миротворцами, не так ли?

— Наверное, да. По крайней мере, я считаю насилие неэкономичным способом достижения целей. Всегда имеются лучшие варианты, хотя

иногда они бывают не столь очевидны.

— Да. Я слышал о вашем знаменитом изречении: "Насилие — последнее прибежище некомпетентных". И все же, — регент почесал ухо в притворной рассеянности, — я бы не назвал себя таким уж некомпетентным.

Хардин вежливо кивнул, не сказав ни слова.

— И, несмотря на это, — продолжал Виенис, — я всегда верил в непосредственные действия. Я верил, что надо прокладывать прямой путь к цели и следовать по этому пути. Я многого добился таким образом и с полным правом надеюсь достичь еще большего.

— Я знаю, — вмешался Хардин. — Полагаю, вы прокладываете описанный вами прямой путь для вас и ваших детей, — путь, который ведет прямо к трону, — если учесть недавнюю трагическую гибель отца короля, вашего старшего брата, и хрупкое здоровье самого короля. Ведь у него хрупкое здоровье, не правда ли?

Виенис нахмурился при этом выпаде и заговорил жестче.

— Я бы посоветовал вам, Хардин, избегать определенных тем. Вы, может быть, считаете, что как мэр Терминуса имеете право делать… э… неразумные замечания, но, прошу вас, разуверьтесь в

этом. Я не из тех, кого можно запугать словами. Моя жизненная философия всегда заключалась в том, что трудности исчезают, если их встречаешь открыто, и я никогда не отворачивался от них.

— Я в этом не сомневаюсь. И перед какой же именно трудностью вы отказываетесь отступить в данное время?

— Трудность, Хардин, состоит в том, чтобы убедить Установление сотрудничать. Ваша мирная политика, видите ли, привела вас к совершению ряда очень серьезных ошибок — просто потому, что вы недооценили смелость своего соперника. Не все, подобно вам, так боятся прямых действий.

— К примеру? — поинтересовался Хардин.

— К примеру вы явились на Анакреон в одиночестве и в одиночестве же проследовали за мной в мои покои.

Хардин осмотрелся по сторонам.

— А что в этом плохого?

— Ничего, — сказал регент, — за исключением того, что снаружи этого помещения находятся пять полицейских стражников, хорошо вооруженных и готовых открыть огонь. Я не думаю, чтобы вы смогли уйти, Хардин.

Брови мэра поднялись.

— А я и не намереваюсь тут же уходить. Значит, вы так меня боитесь?

— Я вас вовсе не боюсь. Но это, может быть, продемонстрирует вам мою решимость. Будем называть это жестом с моей стороны.

— Называйте как вам угодно, — безразлично произнес Хардин. — Я не буду переживать по поводу этого инцидента, как бы вы его не назвали.

— Я уверен, что со временем ваше отношение изменится. Но вы сделали и другую ошибку, Хардин, более серьезную. Планета Терминус, как кажется, почти совершенно не защищена.

— Естественно. Чего нам бояться? Мы не угрожаем ничьим интересам и служим всем одинаково.

— И, оставаясь беспомощными, — продолжал Виенис, — вы любезно помогли нам вооружиться, особенно способствуя развитию нашего собственного флота, великого флота. В сущности, такого флота, которому после вашего дара — имперского крейсера — сопротивляться невозможно.

— Ваше высочество, вы тратите время зря, — Хардин сделал движение, словно поднимаясь с кресла. — Если вы намереваетесь объявить войну и информируете меня об этом обстоятельстве, то позвольте мне немедленно связаться с моим

правительством.

— Сидите, Хардин. Я не объявляю войны, и вы не свяжетесь со своим правительством. Когда война разразится — она не будет объявлена, Хардин, а разразится, — Установление в должное время будет проинформировано о ней атомными бластерами Анакреонского флота во главе с флагманом "Виенис", некогда крейсером имперского флота, под общим командованием моего собственного сына.

Хардин нахмурился.

— И когда же это произойдет?

— Если вам в самом деле интересно, то… Корабли флота покинули Анакреон ровно пятьдесят минут назад, в одиннадцать, а первый выстрел раздастся сразу же на подходе к Терминусу, завтра в полдень. Вы можете считать себя военнопленным.

— Я именно им себя и считаю, ваше высочество, — сказал Хардин, все еще хмурясь. — Но я разочарован.

Виенис презрительно фыркнул.

— И все?

— Да. Я думал, что момент коронации — полночь — будет более подходящим временем для отправки флота. Видимо, вы хотели начать вой-

ну, оставаясь регентом. В противном случае все было бы еще более драматично.

Регент уставился на него.

— О Космос! Что это вы несете?

— А вы не понимаете? — мягко сказал Хардин. — Я назначил мой контрудар на полночь.

Виенис вскочил с кресла.

— Вы мне тут не блефуйте. Никакого контрудара нет. Если вы рассчитываете на поддержку остальных королевств, то забудьте о ней. Их флоты, даже вместе взятые, не сравнятся с нашим.

— Я это знаю. Я не собираюсь стрелять ни разу. Просто неделю назад было разослано сообщение о том, что сегодня, начиная с полуночи, планета Анакреон попадает под интердикт.

— Интердикт?

— Да. Если вы не понимаете, я поясню. Все жрецы на Анакреоне забастуют — если я не отменю приказа. Но я не могу его отменить, пока меня удерживают без средств связи; да и в противном случае я бы этого не сделал! — он подался вперед и добавил с неожиданным оживлением: — Сообразаете ли вы, ваше высочество, что нападение на Установление есть не что иное как омерзительнейшее святотатство?

Виенис явно старался овладеть собой.

— Избавьте меня от этого, Хардин. Оставьте эти разговоры для толпы.

— Мой дорогой Виенис, а для кого же, как вы думаете, я их оставил? Полагаю, что в течение последнего получаса каждый храм на Анакреоне окружен толпой, внимающей жрецу, который посвящает их в это самое обстоятельство. На Анакреоне не останется ни одного мужчины, ни одной женщины, не поставленных в известность о том, что их правительство развязало коварное, неспровоцированное нападение на центр их религии. Но до полуночи осталось лишь четыре минуты. Вы лучше пойдите вниз, в бальный зал, чтобы понаблюдать за событиями. Я же буду здесь, в безопасности, с пятью стражниками за дверью.

Он откинулся в кресле, налил себе еще бокал локрисского вина и уставился в потолок с видом полного безразличия. Охваченный яростью Виенис выбежал из комнаты.

Шум в зале среди знати к этому времени утих, и широкий проход к трону расчистился. Лепольд теперь восседал на нем: руки на подлокотниках, голова поднята, лицо каменное. Огромные канделябры потускнели, и в рассеянном многоцветном свечении крошечных атомных ламп, вделанных

в сводчатый потолок, гордо сияла царственная аура, высоко вздымаясь над головой Лепольда в виде сверкающего венца.

Виенис остановился на лестнице. Никто не замечал его: все взгляды были обращены к трону. Сжав кулаки, он остался стоять: Хардин своим блефом не побудит его к действиям.

И тут трон вздрогнул. Он бесшумно поднялся вверх и медленно поплыл с возвышения вниз по ступеням, а затем горизонтально, в пяти сантиметрах над полом, двинулся к широкому, огромному окну.

При звуке гулкого колокола, отмечающего полночь, он остановился перед окном — и аура короля погасла.

На какую-то долю секунды король застыл; лицо его, искаженное изумлением, без ауры, было чисто человеческим; и тут трон покачнулся и упал на пол с раскатистым грохотом. Одновременно с этим погасли огни во всем дворце.

Посреди визга, шума и смятения раздавался рев Виениса:

— Огня! Огня!

Расшвыривая толпу направо и налево, он пробился к двери. Во мраке отовсюду сбегалась дворцовая стража.

Откуда-то в бальный зал принесли факелы, которые предполагалось использовать после коронации в гигантском шествии по улицам города. В зале сгрудились стражники со светильниками — голубыми, зелеными и красными; необычное освещение озаряло напуганные, смятенные лица.

— Опасности нет, — кричал Виенис. — Займите свои места. Энергию сейчас же подключат.

Он повернулся к капитану стражи, который угрюмо дожидался, пока на него обратят внимание.

— В чем дело, капитан?

— Ваше высочество, — последовал незамедлительный ответ, — дворец окружен горожанами.

— Чего они хотят? — зарычал Виенис.

— Их возглавляет жрец. Он опознан — это Верховный Жрец Поли Верисоф. Он требует немедленного освобождения мэра Сальвора Хардина и прекращения военных действий против Установления, — рапорт был сделан невыразительным офицерским тоном, но глаза капитана бегали.

Виенис закричал:

— Если кто-нибудь из черни попытается миновать дворцовые ворота, продырявьте его

бластерами. Пока больше ничего. Пусть воют! Завтра мы передадим сообщение.

Факелы к этому времени были розданы, и бальный зал снова осветился. Виенис поспешил к трону, все еще стоявшему у окна, и подтащил к себе потрясенного, белого как воск Лепольда.

— Пошли со мной.

Он бросил взгляд за окно. Город был совершенно темен. Снизу доносились хриплые, смятенные вопли толпы. Только в правой стороне, где стоял Арголидский храм, сохранялось освещение. Виенис выругался и повлек короля за собой.

Он ворвался в свои покои, за ним — пятеро стражников. Сзади, вытаращив глаза, следовал Лепольд, напуганный до потери дара речи.

— Хардин, — сказал Виенис охрипшим голосом, — вы играете с силами, слишком серьезными для вас.

Мэр проигнорировал его. Озаренный жемчужным светом карманной атомной лампы на боку, он продолжал спокойно сидеть со слегка иронической улыбкой на лице.

— Доброе утро, ваше величество, — сказал он Лепольду. — Поздравляю вас с коронацией.

— Хардин, — вновь завопил Виенис, — прикажите вашим жрецам вернуться к своим

обязанностям.

Хардин поднял холодный взгляд.

— Прикажите им сами, Виенис, и увидите, кто играет со слишком большими силами, и для кого они слишком серьезные. В данное время на Анакреоне не вращается ни одно колесо. Свет не горит нигде, за исключением храмов. Нигде не течет ни капли воды, кроме как в храмах. На зимней стороне планеты нет ни единой калории тепла, кроме как в храмах. Больницы не принимают пациентов. Энергостанции остановлены. Все корабли пришвартованы. Если вам это не нравится, Виенис, вы сами можете приказать жрецам вернуться к своему делу. Я не желаю делать этого.

— Клянусь Космосом, Хардин, я это сделаю. Если пришла пора выкладывать карты на стол, пусть так и будет. Мы увидим, смогут ли ваши жрецы противостоять армии. Этой же ночью все храмы на планете будут заняты войсками.

— Отлично, но как вы собираетесь отдавать им приказы? Все линии связи на планете отключены. Вы увидите, что не работает ни радио, ни гиперсвязь. В сущности, единственное работающее устройство связи на всей планете — кроме храмов, конечно — это телевизор в данной ком-

нате, да и тот я настроил только на прием.

Виенис отчаянно ловил воздух, а Хардин продолжал:

— Если желаете, можете приказать вашей армии захватить Арголидский храм прямо рядом с дворцом, и затем использовать его ультраволновые установки, чтобы связаться с прочими частями планеты. Но в таком случае, боюсь, военный контингент будет разорван на куски толпой: и кто же тогда будет защищать ваш дворец, Виенис? И ваши жизни, Виенис?

Виенис прохрипел:

— А пошли вы к черту, Хардин. Мы сможем продержаться. Мы дождемся дня. Пусть толпа воет, и пусть отключится энергия, но мы продержимся. А когда придет известие, что Установление захвачено, ваша бесценная толпа поймет, на каком вакууме основана ее религия, и она покинет ваших жрецов и обратится против них. Я уступаю вам лишь до завтрашнего полудня, Хардин, ибо вы можете отключить энергию на Анакреоне, но вы не остановите моего флота, — его голос ликующе каркнул. — Они на пути, Хардин, во главе с огромным крейсером, который вы сами приказали починить.

Хардин беззаботно ответил:

— Да, с крейсером, который я сам приказал починить — но ремонт которого велся согласно моему собственному замыслу. Скажите, Виенис, вы когда-нибудь слышали о гиперволновом реле? Вижу, что нет. Ну что ж, через две минуты вы узнаете, что это за штука и на что она способна.

Телевизор при этих словах включился, и Хардин поправился:

— Нет, через две секунды. Садитесь, Виенис, и смотрите.

7.

Тео Апорат был на Анакреоне одним из жрецов самого высшего ранга. Уже с точки зрения старшинства он заслуживал своего назначения в качестве главного жреца-сопровождающего на флагмане "Виенис".

Но дело было не только в старшинстве. Он знал корабль. Он работал над ремонтом корабля под непосредственным началом святых людей с самого Установления. Он перебирал моторы согласно их указаниям. Он перепаивал визоры; чинил систему связи; облицовывал пробитый корпус; укреплял бимсы. Ему даже дозволено было помогать мудрецам Установления в сборке устройства настолько священного, что его никогда прежде не размещали на кораблях, сохраняя лишь для

этого восхитительного колосса. Устройство это именовалось гиперволновым реле.

Неудивительно, что у Апората защемило сердце при мысли о коварных целях, для достижения которых предназначался этот славный корабль. Он не хотел верить тому, что говорил ему Верисоф — якобы корабль будет использован для ужасного злодеяния и орудия его будут обращены против великого Установления. Против того Установления, где он обучался в юности, от которого проистекала вся благодать окружающего мира.

И все же после услышанного от адмирала сомнений не оставалось.

Как мог король, благословенный свыше, дозволить этот отвратительный поступок? Но действительно ли во всем был виновен король? Не был ли то умысел проклятого регента Виениса — умысел, о котором король вообще не подозревал? И сын этого самого Виениса как раз и был тем адмиралом, который пять минут назад сказал ему:

— Займитесь вашими душами и вашими благословениями, жрец. Моим кораблем займусь я сам.

Апорат криво усмехнулся. Да, он займется своими душами и своими благословениями — и

своими проклятиями тоже; и принц Лефкин скоро заскулит.

Он вступил в рубку общей связи. Впереди него шел послушник, и двое дежурных офицеров не сделали ни одного протестующего движения. Главный жрец-сопровождающий имел право на свободный вход во все помещения корабля.

— Закройте дверь, — приказал Апорат и посмотрел на хронометр.

Было без пяти минут двенадцать. Он рассчитал верно.

Быстрыми, умелыми движениями он переставил рычажки, подключив все линии связи так, что его голос и изображение могли достичь любой части этого корабля длиной в две мили.

— Солдаты королевского флагмана "Виенис", внимайте! С вами говорит ваш жрец-сопровождающий!

Он знал, что звук его голоса разнесся от кормовых атомных бластеров до навигационных столов на носу.

— Ваш корабль, — громко объявил он, — втянут в святотатство! Без вашего ведома он участвует в таком деянии, которое обречет душу каждого из вас на вечный космический холод! Слушайте! Ваш командир намеревается повести этот

корабль к Установлению и подвергнуть бомбардировке этот источник всего святого, потворствуя своим греховным желаниям. И поскольку таковы его намерения, я, именем Галактического Духа, отстраняю его от командования, ибо никто не может командовать в месте, на котором более не почиет благословение Галактического Духа. Сам божественный король не смог бы сохранить свою монаршью власть без соизволения Духа.

Его голос стал ниже по тону. Послушник внимал с почтением, а двое солдат — с нарастающим страхом.

— И, поскольку этот корабль находится на дьявольском пути, благословение Духа с него снимается.

Он торжественно поднял руки; перед тысячей телевизоров на борту корабля солдаты в ужасе съежились, когда величественный жрец-сопровождающий возвестил:

— Именем Галактического Духа, его пророка Хари Селдона, и его толкователей, святых людей Установления, проклинаю этот корабль. Пусть телевизоры на этом корабле, которые суть глаза его, ослепнут. Пусть его манипуляторы, которые суть его руки, замрут. Пусть атомные бластеры, которые суть его кулаки, перестанут действовать.

Пусть моторы, которые суть его сердце, перестанут пульсировать. Пусть системы связи, которые суть его голос, онемеют. Пусть его вентиляторы, которые суть его легкие, смолкнут. Пусть его огни, которые суть его душа, померкнут в небытии. Именем Галактического Духа я налагаю такое проклятие на этот корабль.

И с последним словом, когда пробило полночь, удаленная на световые годы рука в Арголидском храме замкнула гиперволновое реле, а оно, с мгновенной скоростью гиперволны, замкнуло другое — на флагмане "Виенис".

И корабль умер!

Ибо главная особенность религии науки заключается в том, что она действует, и такие проклятия, как произнесенное Апоратом — поистине смертельны.

Апорат увидел, как тьма сомкнулась над кораблем, и услышал, как внезапно прекратилось мягкое, отдаленное мурлыканье гиператомных двигателей. Возликовав, он достал из кармана своего длинного одеяния атомную лампочку с автономным питанием, залившую рубку жемчужным светом.

Он взглянул на двух солдат, которые, будучи несомненно храбрыми парнями, тряслись, упав

на колени, у последней черты смертельного ужаса.

— Спасите наши души, ваше преподобие! Мы несчастные люди, не ведающие о преступлениях наших предводителей, — захныкал один из них.

— Следуйте за мной, — сурово произнес Апорат. — Ваши души еще не потеряны.

Корабль сделался средоточием смятения во мраке; страх был столь огромен и осязаем, что ощущался подобно зловонию. Солдаты толпились там, где проходил в своем круге света Апорат, и старались прикоснуться к краю его одеяния, упрашивая о ничтожнейшей частице милости. И ответ жреца всегда был один и тот же:

— Следуйте за мной!

Он отыскал принца Лефкина, который пробирался из офицерских кают, громко ругаясь и требуя света. Адмирал ненавидящим взором уставился на жреца-сопровождающего.

— А, вот ты где!

Лефкин унаследовал голубые глаза от матери, но крючковатый нос и косящий глаз выдавали в нем сына Виениса.

— Что означают твои изменнические действия? Включи энергию на корабле. Я здесь командую.

— Уже нет, — мрачно сказал Апорат.

Лефкин разъяренно огляделся.

— Хватайте этого человека! Арестуйте его или, клянусь Космосом, я выкину всех, кто меня слышит, из шлюза без скафандров, — он остановился и вдруг взвизгнул: — Это приказ вашего адмирала. Арестуйте его!

Окончательно потеряв голову, он завопил:

— Вы что, позволяете дурачить себя этому скомороху, этому жулику? Вы служите религии, построенной из облаков и лунного света? Этот человек — мошенник, а Галактический Дух, о котором он вещает, есть просто лживая выдумка, предназначенная для…

Апорат с яростью прервал его:

— Схватите святотатца. Слушать его речи — значит подвергать опасности свою душу.

И немедленно в высокородного адмирала вцепились руки дюжины солдат.

— Возьмите его и следуйте за мной.

Апорат свернул и вместе с Лефкином, которого волокли сзади, возвратился по коридорам, забитым солдатней, в рубку связи. Там он велел бывшему командующему сесть перед единственным работающим телевизором.

— Прикажите остальному флоту изменить курс и подготовиться к возвращению на Анакреон.

Лефкин, взъерошенный, избитый, в ссадинах, в полуобморочном состоянии, повиновался.

— А теперь, — безжалостно продолжал Апорат, — мы установим контакт с Анакреоном по гиперволновому лучу. Говорите то, что я приказываю.

Лефкин сделал протестующий жест, и толпа в рубке грозно взревела, равно как и прочие, сгрудившиеся в коридорах.

— Говорите! — сказал Апорат. — Начинайте: "Анакреонский флот..."

Лефкин начал.

8.

Когда на телевизоре появилось изображение принца Лефкина, в покоях Виениса наступило абсолютное молчание. Регент, увидев измученный облик и мятую форму своего сына, сдавленно ахнул и упал в кресло с лицом, искаженным страхом и изумлением.

Хардин флегматично слушал, сложив руки на коленях, а коронованный только что король Лепольд сидел в самом темном углу, съежившись и судорожно закусив свой расшитый золотом рукав. Даже солдаты потеряли бесстрастный вид, столь свойственный военному люду, и, выстроившись у двери с бластерами наготове, украдкой

косились на экран.

Лефкин говорил неохотно, усталым голосом, который временами прерывался, словно ему что-то не очень вежливо подсказывали:

— Анакреонский флот… зная о своей миссии… и отказываясь участвовать… в отвратительном святотатстве… возвращается на Анакреон… объявив о следующем ультиматуме… тем богохульным грешникам… которые осмелились использовать нечестивые силы… против Установления… источника благодати… и против Галактического Духа. Немедленно прекратите войну против… истинной веры… и дайте должные гарантии флоту… представляемому нашим… жрецом-сопровождающим, Тео Апоратом… что такая война никогда в будущем… не будет возобновлена, и что… — последовала длительная пауза, затем продолжение, — и что бывший принц-регент Виенис… будет арестован… и судим церковным судом… за свои преступления. Иначе королевский флот… по возвращении на Анакреон… сметет дворец с лица земли… и примет другие меры… которые окажутся необходимыми… дабы уничтожить гнездо грешников… и логовище истребителей… душ человеческих, которые ныне там господствуют.

Голос со всхлипом оборвался, и экран погас.

Пальцы Хардина быстро коснулись атомной лампы, и ее свет померк. В полутьме недавний регент, король и солдаты превратились в туманно очерченные тени; и впервые стало видно, что Хардина окружает аура.

Это был не тот слепящий свет, который являлся прерогативой королей, но менее заметный, менее впечатляющий, и все же в своем роде более эффективный — и гораздо более полезный.

В голосе Хардина звучала мягкая ирония при обращении к тому Виенису, который часом раньше объявил его военнопленным, а Терминус — на грани уничтожения, — и который теперь был неразборчивой тенью, сломленной и безмолвной.

— Есть старая притча, — сказал Хардин, — возможно, не менее старая, чем само человечество, ибо древнейшие записи, включающие ее, являются лишь копиями других записей, еще более древних, — и она, быть может, заинтересует вас. Она начинается так:

"Конь имел могучего и опасного врага — волка, и жил в постоянном страхе за свою жизнь. В полном отчаянии он решил поискать себе сильного союзника. Поэтому он пришел к человеку и пред-

ложил ему союз, подчеркнув, что волк враждебен также и человеку. Человек сразу же принял содружество и предложил немедленно убить волка, если новый партнер поможет ему, предоставив в его распоряжение свою резвость. Конь охотно согласился и позволил человеку надеть на себя уздечку и седло. Человек оседлал коня, поскакал за волком и убил его.

Конь, радостный и воспрявший духом, поблагодарил человека и сказал: "Теперь, когда наш враг мертв, забери свои уздечку и седло, и верни мне свободу".

На что человек громко рассмеялся, ответил: "Никогда!", и как следует пришпорил коня".

Царило молчание. Тень, еще недавно бывшая Виенисом, не пошевельнулась.

Хардин спокойно продолжал:

— Как я надеюсь, вы улавливаете аналогию. В нетерпеливом желании навечно закрепить власть над своим народом короли Четырех Королевств приняли религию науки, которая сделала их божественными; но эта же религия науки стала для них уздечкой и седлом, ибо отдала жизнетворную кровь атомной энергии в руки жречества — того самого жречества, которое, заметьте, получало приказы от нас, а не от вас.

Вы убили волка, но не смогли избавиться от…

Виенис вскочил на ноги; в полумраке его безумные глаза казались впадинами. Его голос был хрипл и неразборчив.

— И все же я доберусь до тебя. Ты не убежишь! Ты сгниешь здесь. Пусть они взорвут нас. Пусть они взорвут все. Ты подохнешь! Я доберусь до тебя! Солдаты! — загремел он в истерике. — Пристрелите этого дьявола. Стреляйте! Стреляйте в него!

Хардин повернулся в кресле лицом к солдатам и улыбнулся. Один из них поднял было свой атомный бластер — и опустил его. Прочие даже не шелохнулись. Сальвор Хардин, мэр Терминуса, окруженный мягкой аурой, улыбающийся столь доверительно; тот самый человек, перед которым рассыпалась в пыль вся мощь Анакреона… — это было для них слишком, что бы там ни приказывал вопящий за спиной маньяк.

Виенис невнятно закричал и бросился к ближайшему солдату. В ярости он вырвал у того из рук атомный бластер, нацелил на Хардина, который даже не пошевельнулся, и надавил на спуск.

Бледный луч натолкнулся на силовое поле, окружавшее мэра Терминуса, и был этим полем безвредно поглощен и нейтрализован. Виенис

еще раз нажал на спуск и горько расхохотался.

Хардин по-прежнему улыбался. Аура силового поля стала чуть ярче, впитав в себя энергию атомного разряда. Лепольд в своем углу закрыл глаза и застонал.

С воплем отчаяния Виенис, повернув бластер, выстрелил снова — и грохнулся на пол с разнесенной в пыль головой.

Хардин, передернувшись при этом зрелище, пробормотал:

— Человек "решительных действий" — до самого конца. Последнее прибежище!

9.

Свод Времени был забит битком; забит настолько, что сидячих мест не хватило, и люди выстроились в три ряда у задней стенки.

Сальвор Хардин мысленно сравнивал это многолюдное общество с теми несколькими посвященными, которые тридцать лет назад присутствовали в момент первого появления Хари Селдона. Тогда их было лишь шестеро: пятеро старых энциклопедистов — все они уже скончались — и он сам, молодой марионеточный мэр. Именно в тот день определение "марионеточный", с помощью Йохана Ли, перестало соответствовать его должности.

Теперь все было совсем по-иному; во всех отношениях по-иному. Все члены Городского Совета ожидали появления Селдона. Сам он все еще оставался мэром, но теперь уже — всемогущим, а после полного разгрома Анакреона его популярность достигла поистине невероятных масштабов. Когда Хардин вернулся с Анакреона с вестью о смерти Виениса и подписании нового договора с трепещущим Лепольдом, он был встречен вотумом доверия, принятым с самым откровенным единодушием. Вскоре последовали подобные же договоры, подписанные с каждым из остальных трех королевств — договоры, давшие Установлению мощь, навсегда защитившую его от любых попыток нападения, аналогичного попытке Анакреона, — и тогда по каждой из улиц города Терминуса прошли в его честь факельные шествия. Даже имя Хари Селдона не приветствовалось столь шумно.

Хардин скептически улыбнулся — после первого кризиса он пользовался такой же популярностью.

В противоположном конце помещения оживленно обсуждали что-то Сеф Сермак и Льюис Борт. Недавние события отнюдь не выбили их из колеи. Они присоединились к вотуму доверия,

произнесли речи, в которых публично признали свои ошибки, изящно извинились за использование некоторых выражений в прежних дебатах, тонко самооправдались, объявив, что просто следовали велению своего рассудка и своей совести — и немедленно запустили новую акционистскую кампанию.

Йохан Ли тронул Хардина за рукав и со значением указал на свои часы. Хардин поднял голову.

— Привет, Ли. Что ты такой кислый? И теперь что-то не так?

— Он должен быть через пять минут, не правда ли?

— Полагаю, что да. В тот раз он появился в полдень.

— А что если он не появится?

— Неужели ты вечно собираешься досаждать мне своими опасениями? Не появится — значит, не захотел.

Ли нахмурился и медленно покачал головой.

— Если это дело лопнет, мы опять увязнем. Без поддержки Селдоном наших действий Сермак запросто сможет начать все сначала. Он желает прямой аннексии Четырех Королевств и немедленной экспансии Установления — если понадобится, с помощью силы. Он уже начал

свою кампанию.

— Знаю. Пожиратель огня обязан глотать огонь, даже если ему самому приходится его разжигать. А ты, Ли, обязан беспокоиться, даже если тебе придется убить самого себя, чтобы создать повод для беспокойства.

Ли собирался ответить, но вдруг поперхнулся: светильники неожиданно потускнели. Он ткнул рукой, указывая на стеклянный куб, занимавший половину комнаты, и, шумно вздохнув, плюхнулся в кресло.

Хардин и сам напрягся при виде фигуры, заполнившей куб — фигуры в кресле-каталке! Он, единственный среди всех присутствовавших, мог помнить тот день, когда эта фигура появилась впервые. Он был тогда молод, а этот человек — стар. С тех пор эта фигура не состарилась и на сутки, зато постарел сам Хардин.

Человек посмотрел прямо перед собой, перелистывая книгу, лежавшую на его коленях. Он сказал:

— Я — Хари Селдон!

Голос был старческим и мягким.

В комнате наступило напряженное молчание, а Хари Селдон продолжал в духе обычного разговора:

— Я здесь во второй раз. Разумеется, мне неизвестно, присутствовал ли кто-нибудь из вас при первом моем появлении здесь. На деле из своих ощущений я не в состоянии узнать, есть ли тут вообще люди, но это неважно. Если второй кризис успешно преодолен, вы обязаны оказаться здесь; иначе и быть не может. Если же вас здесь нет, то, значит, второй кризис оказался для вас чрезмерным.

Он обаятельно улыбнулся.

— Но в этом я сомневаюсь, ибо мои расчеты указывают с вероятностью в девяносто восемь и четыре десятых процента, что в течение первых восьмидесяти лет от Плана не будет заметных отклонений.

В соответствии с нашими вычислениями вы сейчас достигли господства над варварскими королевствами, непосредственно окружающими Установление. При первом кризисе вы отбили их, используя баланс сил, при втором же вы добились владычества, используя духовную мощь против светской.

Однако я должен предостеречь вас от самоуверенности. И хотя это и не в моем стиле — даровать вам наперед знание, содержащееся в этих записях, — я считаю нужным указать, что вы достигли

лишь нового равновесия, хотя и такого, при котором ваше положение стало значительно лучше. Духовная мощь достаточна, чтобы отбивать атаки светской власти, но недостаточна, чтобы атаковать самой. Ввиду беспрестанного роста противодействующей силы, известной как регионализм или национализм, духовная мощь не сможет превалировать постоянно. Я уверен, что не сообщил вам ничего нового.

Вы, кстати, извините меня за то, что я изъясняюсь так расплывчато. Термины, используемые мною, являются в лучшем случае лишь приближениями, а из вас никто не имеет должной квалификации, чтобы понять подлинную психоисторическую символику, и поэтому я делаю все, что могу.

В данном случае Установление находится лишь на старте пути, ведущего ко Второй Галактической Империи. Соседние королевства все еще подавляюще превосходят вас как населением, так и ресурсами. За ними лежат обширные, запутанные джунгли варварства, простирающиеся на всю ширь Галактики. А внутри этой каймы все еще находится то, что осталось от Галактической Империи — и она, пусть слабеющая и распадающаяся, по-прежнему неизмеримо могу-

щественнее вас.

Тут Хари Селдон приподнял книгу и раскрыл ее. Лицо его стало торжественным.

— И никогда не забывайте, что восемьдесят лет назад было основано еще одно Установление: Установление на другом конце Галактики, у Звездного Предела. Всегда надо принимать это во внимание. Господа, девятьсот двадцать лет Плана — впереди. Дело за вами!

Он опустил взгляд на книгу и пропал бесследно. Светильники вновь разгорелись в полную силу. В наступившем общем гаме Ли склонился к уху Хардина.

— Он не сказал, когда появится вновь.

Хардин ответил:

— Знаю, но я уверен, что он вернется, когда и ты, и я спокойно и уютно будем лежать в могиле!

Часть IV. К У П Ц Ы

1.

КУПЦЫ — …и все время политической гегемонии Установления предшествовали Купцы, чья хватка так или иначе давала о себе знать на грандиозных расстояниях Периферии. Между их возвращениями на Терминус могли проходить месяцы, а то и годы. Корабли их часто являли

собой не более, чем наскоро сколоченные, импровизированные самоделки; честь Купцов стояла далеко не на высоте; их дерзания…

И благодаря всему этому они выковали империю более долговечную, чем псевдо-религиозный деспотизм Четырех Королевств…

Бесконечные истории повествуют об этих внушительных, одиноких фигурах, принявших полусерьезный-полунасмешливый девиз, заимство-ванный из одной эпиграммы Сальвора Хардина: "Никогда не позволяй своему чувству морали мешать тебе делать то, что правильно!" В настоящее время истории, происходившие в действительности, трудно отличить от апокрифов. Вероятно, нет таких рассказов, которые не страдали бы определенными преувеличениями…

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Лиммар Пониетс был весь в мыле, когда вызов достиг его приемника — доказав, что старая банальность насчет телефона и душа в силе даже в мрачном, суровом космосе Галактической Периферии.

К счастью, та часть вольного торгового корабля, которая не отдана под разнообразные товары, устроена исключительно уютно — настолько, что душ с горячей водой заключен в кабинку раз-

мером полметра на метр, в пяти шагах от пульта управления. Пониетс отчетливо расслышал отрывистую дробь приемника.

Роняя пену и ворча, он вышел из душа, подстроил речевую связь, и в результате тремя часами позднее рядом оказался еще один торговый корабль. Из воздушного шлюза, соединившего корабли, появился улыбающийся юноша.

Пониетс с шумом подвинул ему свой лучший стул, а сам взгромоздился на поворотное пилотское кресло.

— Чем это ты занимаешься, Горм? — спросил он хмуро. — Похоже, что гоняешься за мной на всем пути от самого Установления.

Лес Горм зажег сигарету и отрицательно покачал головой.

— Гоняюсь? Нисколько. Я лишь простофиля, умудрившийся сесть на Глиптал IV на следующий день после прибытия почты. Вот они и отправили меня за тобой — с этим.

Из рук в руки перешла крошечная сверкающая сфера, и Горм добавил:

— Это конфиденциально. Сверхсекретно. Не может быть доверено субэфиру — и все такое. Или мне так кажется. Во всяком случае, это персональная капсула, которая откроется лишь для тебя.

Пониетс рассматривал капсулу с неприязнью.

— Это-то я вижу. И, насколько я помню, ни одна из подобных капсул до сих пор не содержала хороших вестей.

Капсула открылась; в его руке развернулась тугая лента, тонкая и прозрачная. Его глаза быстро пробежали сообщение: к тому времени, как показался конец ленты, начало ее уже сморщилось и потемнело. Минуты через полторы вся лента почернела и распалась на молекулы.

— О Галактика! — басом проворчал Пониетс.

— Могу ли я чем-то помочь? — спокойно осведомился Лес Горм. — Или это слишком секретно?

— Сказать-то можно, раз ты принадлежишь к Гильдии. Я должен отправиться на Аскону.

— На Аскону? Почему бы это?

— Они арестовали одного из торговцев. Но об этом помалкивай.

Физиономия Горма передернулась от гнева.

— Арестовали! Это же нарушение Конвенции.

— Равно как и вмешательство во внутреннюю политику.

— Ого! Так вот что он выкинул? — Горм призадумался. — Кто этот торговец? Я его знаю?

— Нет! — резко сказал Пониетс, и Горм, поняв намек, больше не задавал вопросов.

Пониетс встал, уныло разглядывая экран. Он пробормотал несколько крепких выражений относительно той части туманной Линзы, что составляла тело Галактики, а затем громко произнес:

— Проклятущая история! Я здорово отстал от квоты.

На Горма вдруг снизошло озарение:

— Послушай, дружище, а ведь Аскона-то — закрытая зона.

— Вот именно. Там не продашь и перочинного ножа. Они не покупают атомных изделий никакого рода. С моей дохлой квотой отправляться туда убийственно.

— Не можешь отвертеться?

Пониетс с отсутствующим видом покачал головой.

— Я знаю этого парня. Не могу бросить друга. Что ж! Я в руках Галактического Духа и радостно иду по указанному им пути.

Горм спросил смущенно:

— Чего?

Пониетс взглянул на него и коротко рассмеялся.

— Я забыл. Ты же никогда ни читал "Благость Духа"?

— Даже не слышал об этакой книге, — отрезал Горм.

— Слышал бы, если бы получил религиозное образование.

— Религиозное образование? Жреческое? — Горм был глубоко шокирован.

— Ну да. Это мой черный позор и тайна. Но преподобные отцы меня не стерпели. Они выгнали меня по причинам, достаточным, чтобы способствовать получению светского образования на Установлении. Но слушай, мне пора отсюда сматываться. Как твоя квота в этом году?

Горм раздавил сигарету и поправил свою шапочку.

— Сейчас отправляюсь с последним грузом. Я ее выполнил.

— Везунчик, — признал Пониетс.

Еще долгое время после того, как Лес Горм отбыл, Пониетс неподвижно сидел в раздумье.

Значит, Эскель Горов был на Асконе — и к тому же в тюрьме!

Это было худо! В сущности, еще хуже, чем могло показаться на первый взгляд. Одно дело — излагать разбавленную версию всей истории любопытному мальчишке, чтобы спровадить его поскорее. Совсем другое — столкнуться с правдой

самому.

Ибо Лиммар Пониетс являлся одним из тех немногих, которым было известно, что Старший Купец Эскель Горов вообще не торговец, а совсем наоборот, агент Установления!

2.

Две недели миновали! Две недели — впустую.

Неделя, чтобы достичь Асконы, у самых дальних границ которой ему наперехват отовсюду ринулись бдительные боевые корабли. Какой бы системой обнаружения они ни обладали, работала она неплохо.

Они неспешно двигались бок о бок с ним, не подавая сигналов, поддерживая дистанцию и явно указывая ему направление к центральному светилу Асконы.

При необходимости Пониетс мог бы справиться с ними. Корабли эти были оставлены ушедшей в небытие Галактической Империей и представляли собой спортивные яхты, а не военные звездолеты; без атомного оружия они были всего лишь игрушечными и бессильными эллипсоидами. Но Эскель Горов находился в их руках, а Горов не из тех заложников, которых можно терять. Асконийцы, должно быть, тоже знали это.

А затем другая неделя — неделя, чтобы про-

рваться с неимоверными сложностями сквозь тучи младших чиновников, образующие буфер между Великим Мастером и внешним миром. Каждого подсекретаришку нужно было умаслить, удовлетворив его неуемное тщеславие. Каждый нуждался в тщательных и тошнотворных уговорах, чтобы поставить свою роскошную подпись, служившую тропой к чиновнику на один ранг выше.

Впервые Пониетс обнаружил, что его удостоверение купца бесполезно.

И вот, наконец, по истечении двух недель наступил момент, когда Пониетс оказался у резной двери, по сторонам которой стояла стража, а за ней находился Великий Мастер.

Горов все еще был в плену, а груз Пониетса бесполезно пылился в отсеках его корабля.

Великий Мастер оказался маленьким человечком с лысеющей головой и сильно морщинистым лицом; его тело казалось наглухо придавленным огромным, блестящим меховым воротником.

Пальцы его шевельнулись, и шеренга вооруженных людей подалась в стороны, освободив проход, по которому Пониетс прошествовал к подножию Государственного Кресла.

— Помолчите, — отрезал Великий Мастер, и

раскрывшиеся было губы Пониетса плотно сжались.

— Так-то лучше, — правитель Асконы явно расслабился. — Я не выношу бесполезной болтовни. Вы не в состоянии угрожать, а я не терплю лести. Нет места и для жалоб на оскорбление. Я потерял счет тому, сколько раз вас, бродяг, предупреждали, что ваши дьявольские машины не нужны Асконе.

— Сударь, — спокойно сказал Пониетс, — я не пытаюсь оправдать купца, о котором идет речь. Не в обычае купцов вмешиваться там, где их не желают видеть. Но Галактика велика: бывало, что и раньше границы нарушались ненамеренно. Это плачевная ошибка.

— Плачевная, несомненно, — проскрипел Великий Мастер. — Но ошибка ли? Ваши люди на Глиптале IV принялись бомбардировать меня просьбами о переговорах спустя каких-нибудь два часа после того, как святотатец и негодяй был схвачен. Они неоднократно предупреждали меня и о вашем прибытии. Это выглядит как хорошо организованная кампания по освобождению. Видно, вы ожидали многого — пожалуй, слишком многого, чтобы то была ошибка, плачевная или нет.

Темные глаза асконийца горели презрением. Он разговорился:

— Неужто вы, торговцы, перелетающие от мира к миру, подобно обезумевшей мошкаре, до такой степени уверены в своих правах, что можете приземлиться на главной планете Асконы, в центре системы, и считать это непреднамеренным пограничным инцидентом? Уж конечно нет.

Пониетс внутренне напрягся. Он произнес настойчивым тоном:

— Если имела место намеренная попытка торговли, ваша Почитаемость, то она неразумна и противоречит строжайшим правилам нашей Гильдии.

— Неразумна, о да, — отрезал аскониец. — Настолько, что ваш товарищ, вероятно, заплатит за нее жизнью.

У Пониетса перехватило дыхание. Для нерешительности места не оставалось. Он сказал:

— Смерть, ваша Почитаемость, есть явление настолько абсолютное и не подлежащее пересмотру, что, без сомнения, должна существовать какая-то альтернатива.

После паузы последовал осторожный ответ:

— Я слышал, что Установление богато.

— Богато? Разумеется. Но наши богатства из

тех, от которых вы отказываетесь. Наши атомные товары стоят…

— Ваши товары ничего не стоят, ибо на них не почиет благословение предков. Ваши товары вредоносны и прокляты, ибо находятся под отлучением предков, — фразы эти были бесцветны как простое цитирование формулы.

Веки Великого Мастера опустились, и он добавил, уже со смыслом:

— Больше у вас нет ничего ценного?

Торговец не мог сообразить, что именно тот имеет в виду.

— Я не понимаю. Чего же вы хотите?

Асконiец развел руками.

— Вы, видно, хотите поменяться со мной местами, прося сообщить мои желания. Но я так не поступлю. Ваш коллега, вероятно, понесет установленное асконийским кодексом наказание за святотатство. Смерть в газовой камере. Мы — справедливый народ. Беднейший крестьянин в подобном случае пострадал бы не больше. Я, со своей стороны — не меньше.

Пониетс безнадежно пробормотал:

— Ваша Почитаемость, нельзя ли позволить мне поговорить с арестованным?

— Асконийский закон, — холодно сказал Вели-

кий Мастер, — не допускает вступать в сношения с осужденным.

Пониетс затаил дыхание — впрочем, только мысленно.

— Ваша Почитаемость, я прошу вас сжалиться над душой человека в тот час, когда она покидает его тело. Все время, пока жизнь его подвергалась опасности, он был лишен духовного утешения. Даже сейчас ему угрожает перспектива отправиться в объятия всевластного Духа, не успев подготовиться.

Великий Мастер произнес медленно и с подозрением:

— Вы из тех, кто Заботится о Душе?

Пониетс поник головой.

— Я был этому обучен. В пустых просторах космоса бродячие торговцы нуждаются в людях, подобных мне, дабы позаботиться о духовной стороне жизни, всецело отданной коммерции и мирским благам.

Правитель Асконы задумчиво покусывал нижнюю губу.

— Каждый человек должен подготовить свою душу для пути к духам предков. Но я никогда не думал, что вы, торговцы — верующие люди.

Когда Лиммар Пониетс ступил за прочно укрепленную дверь, Эскель Горов пошевелился на своей койке и приоткрыл один глаз. Дверь гулко захлопнулась. Горов сплюнул и поднялся на ноги.

— Пониетс? Они послали тебя?

— Чистая случайность, — горько произнес Пониетс, — или же работа моего личного злонамеренного демона. Во-первых, ты вляпался на Асконе. Во-вторых, мой торговый путь, как известно Совету Купечества, привел меня на расстояние пятидесяти парсек от данной системы как раз во время события номер один. В-третьих, мы раньше работали вместе, и Совет это знает. Разве расстановка фигур не выглядит приятной неизбежностью? Ответ так и напрашивается.

— Будь осторожен, — напряженно проговорил Горов. — Нас явно подслушивают. У тебя есть исказитель поля?

Пониетс указал на резной браслет, охватывавший его запястье, и Горов успокоился. Пониетс огляделся. Камера была пуста, но обширна и хорошо освещена. Ничем неприятным не пахло. Он сказал:

— Неплохо. Они обращаются с тобой, надев лайковые перчатки.

Горов пропустил эти слова мимо ушей.

— Послушай, как ты добрался сюда? Я сижу в строгой изоляции почти две недели.

— Стало быть, с момента моего прибытия. Старый филин, который тут начальствует, имеет, видно, свои слабости. Он любит благочестивые речи, так что я рискнул — и это сработало. Он радостно перережет тебе глотку, если это ему будет нужно, но остережется повредить благополучию твоей нематериальной и проблематичной души. Это просто эпизод из эмпирической психологии. Купец должен знать понемногу обо всем.

Горов сардонически усмехнулся.

— Оказывается, ты посещал также и школу психологов. Впрочем, ты прав, Пониетс. Я рад, что послали именно тебя. Но Великий Мастер исключительно невзлюбил мою душу. Упоминал ли он о выкупе?

Глаза торговца сузились.

— Намекал — и довольно откровенно. А также угрожал смертью в газовой камере. Я вел игру осторожно и уклонился: это могло оказаться ловушкой. Так значит, это вымогательство? Чего же именно он желает?

— Золота.

— Золота! — Пониетс помрачнел. — Собственно

металла? И зачем же?

— Это их средство обмена.

— Ну да! Откуда же я возьму золото?

— Откуда угодно. Послушай, это важно. Со мной ничего не произойдет, пока Великий Мастер ощущает близость золота. Обещай ему, обещай так много, как только он запросит. Потом отправляйся, если необходимо, на Установление, чтобы раздобыть золото. Когда я буду свободен, нас выпроводят из системы, и тогда мы расстанемся.

Пониетс произнес неодобрительно:

— А потом ты вернешься и попробуешь все сызнова.

— Мне предписано продать атомную технику Асконе.

— Ты не пролетишь и парсека, как они схватят тебя. Думаю, ты это знаешь сам.

— Не знаю, — сказал Горов. — А если б и знал, это не изменило бы положения дел.

— Во второй раз они тебя убьют.

Горов пожал плечами. Пониетс спокойно сказал:

— Собираясь вести переговоры с Великим Мастером, я желаю знать все. Пока же я действовал почти вслепую. И при этом несколько моих мягких замечаний чуть было не довели его Почи-

таемость до припадка.

— Все довольно просто, — заметил Горов. — Единственный путь, которым мы можем повысить безопасность Установления здесь, на Периферии — это сформировать коммерческую империю, управляемую религией. Мы все еще слишком слабы, чтобы навязывать политический контроль. Удерживать Четыре Королевства — это все, на что мы способны.

Пониетс согласно кивал.

— Это я понимаю. А любая система, не принимающая атомных изделий, никогда не подпадет под наш религиозный контроль…

— …И поэтому может сделаться средоточием независимости и враждебности. Да, именно.

— Что ж, отлично, — сказал Пониетс, — это в теории. Но что же на самом деле мешает продаже? Религия? Великий Мастер подразумевал именно ее.

— Речь идет о форме поклонения предкам. Их легенды рассказывают об ужасном прошлом, от которого они были спасены простыми и добродетельными героями прежних поколений. В действительности все это сводится к смутам периода анархии лет сто назад, когда были изгнаны имперские войска и введено независимое

правление. Развитая наука и, особенно, атомная энергия стали отождествляться со старым имперским режимом, о котором они вспоминают с ужасом.

— Ах, вот как? Но у них есть отличные маленькие кораблики, которые легко засекли меня с расстояния в два парсека. Тут попахивает атомной технологией.

Горов пожал плечами.

— Эти корабли, без сомнения, остались от Империи. Может быть, они и снабжены атомными двигателями. Они хранят то, что им досталось. Но они не хотят усовершенствований, а их внутренняя экономика всецело неатомная. Вот что мы должны изменить.

— И как же ты собирался это сделать?

— Сломив сопротивление в одном месте. Говоря проще, если бы я смог продать перочинный ножик с силовым лезвием какому-нибудь дворянину, в его же интересах было бы повлиять на власти, чтобы те приняли законы, позволяющие ему пустить этот ножик в ход. Честно говоря, это звучит глупо, но психологический смысл здесь есть. Чтобы продавать стратегически важные товары в стратегически важные моменты, надо создать проатомную фракцию при дворе.

— И с этой целью отправили тебя, а я тут лишь для того, чтобы выкупить тебя и убраться; ты же останешься для новой попытки? Разве это не то же, что чесать ухо ногой?

— В каком это смысле? — с опаской поинтересовался Горов.

— Послушай, — Пониетс заговорил со внезапным вдохновением, — ты дипломат, а не купец; назвать тебя торговцем еще не значит сделать тебя им. Это дело для того, кто занимается торговлей — а я здесь с полным грузом, который скоро протухнет от бесполезности, и с квотой, которая, похоже, никогда не будет выполнена.

— Ты хочешь сказать, что собираешься рискнуть жизнью ради чего-то, не имеющего к тебе отношения? — Горов слабо усмехнулся.

Пониетс сказал:

— А ты хочешь сказать, что это вопрос патриотизма, а купцы не патриотичны?

— Последнее общеизвестно. Первопроходцы никогда не бывают патриотами.

— Отлично. Я принимаю это. Я не ношусь по космосу для спасения Установления или для чего-либо иного в таком же роде. Но я отправился делать деньги — и вот мой шанс. Если это одновременно поможет и Установлению, тем лучше. А

жизнью я рисковал и при более дохлых шансах.

Пониетс поднялся, и Горов тоже встал вместе с ним.

— Что же ты собираешься делать?

Торговец усмехнулся.

— Горов, я не знаю — пока не знаю. Но если суть дела в том, чтобы что-то продать, то я — именно тот, кто тебе нужен. Вообще-то я не хвастун, но на одном я всегда настаиваю. Я до сих пор никогда не возвращался, не выполнив квоты.

Стоило ему постучать, как дверь камеры открылась почти мгновенно, и с обеих сторон ввалилось по стражнику.

4.

— Демонстрация! — мрачно сказал Великий Мастер.

Он как следует закутался в свои меха и сжал худой рукой железную булаву, которую использовал как трость.

— И золото, ваша Почитаемость.

— И золото, — неосторожно согласился Великий Мастер.

Пониетс поставил ящик на пол и открыл его, постаравшись при этом принять по возможности торжественный и одновременно самоуверенный вид. Перед лицом всеобщей враждебности он

чувствовал себя одиноким; сходное чувство он испытывал и в свой первый год в космосе. Полукруг бородатых советников неодобрительно взирал на него. Среди них был и Ферл, узколицый фаворит, восседавший в застылой враждебности рядом с Великим Мастером. Пониетс уже однажды встретился с ним и немедленно выделил его как главного врага и, следовательно, как главную жертву.

Снаружи небольшая армия ждала исхода событий. Пониетс был надежно изолирован от своего корабля; единственным его оружием была попытка подкупа, а Горов все еще оставался заложником.

Он в последний раз отрегулировал неуклюжее чудище, которое стоило ему недели изобретательских усилий, и еще раз взмолился, чтобы облицованный свинцом кварц выдержал нагрузку.

— Что это? — спросил Великий Мастер.

— Это, — сказал Пониетс, отступив в сторону, — небольшое устройство, которое я сам сконструировал.

— Я понял, но это не та информация, которой я ожидаю. Не есть ли это одна из чернокнижных гадостей вашего мира?

— Устройство имеет атомную природу, — серьезно признал Пониетс, — но никому из вас нет необходимости прикасаться к нему или что-либо с ним делать. Оно предназначено лишь для меня, и если оно и содержит что-либо отвратительное, все зло его я беру на себя.

Великий Мастер угрожающим жестом поднял свою железную трость над машиной, и его губы быстро и беззвучно задвигались в очистительном заклинании. Узколицый советник по правую руку наклонился к нему, и его торчащие рыжие усы приблизились к уху Великого Мастера. Дряхлый аскониец раздраженно отстранился.

— И в чем же состоит связь между вашим орудием зла и золотом, которое может спасти жизнь вашего соотечественника?

— Этой машиной, — начал Пониетс, мягко опустив руку на центральную камеру и поглаживая ее твердые, округлые бока, — я могу обращать железо, ненужное вам, в золото высочайшего качества. Это единственное известное людям устройство, которое берет железо — грубое железо, ваша Почитаемость, железо, выпирающее из вашего кресла и из стен этого здания, — и превращает его в сверкающее, весомое, желтое золото.

Пониетс чувствовал, что порет чушь. Обычно

его речи при представлении товара были гладки, легки и правдоподобны; эта же хромала как подбитый космический фургон. Но Великого Мастера интересовало содержание, а не форма.

— Вот оно что! Трансмутация? Мне знакомы дураки, пытавшиеся доказать свое умение. Они дорого заплатили за святотатственное любопытство.

— Добились ли они успеха?

— Нет, — Великий Мастер, казалось, холодно забавлялся. — Успех в попытке изготовления золота явился бы преступлением, включающим собственное искупление. Фатальной будет попытка плюс провал! Ну так что же вы можете сделать с моим жезлом? — он стукнул им по полу.

— Ваша Почитаемость извинит меня. Мое устройство — это небольшая модель, сделанная мною собственноручно, а ваш жезл слишком длинен.

Блестящие глазки Великого Мастера забегали и остановились.

— Рандель, ваши пряжки. Давайте, давайте их сюда. Если понадобится, мы возместим их вдвойне.

Пряжки прошли по ряду из рук в руки. Великий Мастер задумчиво взвесил их на ладони.

— Вот, — сказал он и швырнул их на пол.

Пониетс подобрал их. Он с усилием оттянул крышку цилиндра и, щурясь и морщась от напряжения, тщательно разместил пряжки по центру анодного экрана. Потом будет проще, но в первый раз осечек быть не должно.

Самодельный трансмутатор злорадно потрескивал десять минут. Начал слабо ощущаться запах озона. Асконийцы, бормоча, подались назад, и Ферл снова что-то настоятельно зашептал на ухо своему повелителю. Выражение лица Великого Мастера было каменным. Он не шелохнулся.

И пряжки стали золотыми.

Прошептав: "Ваша Почитаемость!", Пониетс протянул их Великому Мастеру, но старик, заколебавшись, жестом отверг их. Его взор не отрывался от трансмутатора.

Пониетс быстро произнес:

— Господа, это чистое золото. Сплошное золото. Если вам нужны доказательства, можете подвергнуть его всем известным физическим и химическим пробам. Его никоим образом нельзя отличить от золота естественного происхождения. Любое железо может быть подвергнуто такой обработке. Ржавчина не помешает, равно

как и умеренное количество примесей…

Но Пониетс говорил зря. Золотые пряжки лежали на его протянутой ладони и говорили сами за себя.

Великий Мастер, наконец, неспешно простер руку, и узколицый Ферл тут же заговорил в открытую:

— Ваша Почитаемость, это золото — из ядовитого источника.

Пониетс возразил:

— Розы могут расти из грязи, ваша Почитаемость. При сделках с соседями вы приобретаете самые разнообразные товары, не допытываясь, как те их получили — с помощью ортодоксальных машин, освященных вашими добрыми предками, или же от презренных исчадий Космоса. Послушайте, я не предлагаю вам машину. Я предлагаю золото.

— Ваша Почитаемость, — сказал Ферл, — вы не ответственны за грехи чужестранцев: они действуют независимо от вашего одобрения, без вашего ведома. Но принять это странное псевдозолото, изготовленное греховным образом из железа, в вашем присутствии и с вашего согласия, — значит оскорбить живые души наших святых предков.

— И все же золото есть золото, — сомневаясь, произнес Великий Мастер, — и оно предлагается лишь в обмен на язычника, уличенного в преступлении. Вы слишком критически настроены, Ферл, — добавил он, но руку убрал.

Пониетс сказал:

— Вы сама мудрость, ваша Почитаемость. Взгляните: отпустив язычника, ваши предки ничего не потеряют; полученным же взамен золотом вы сможете украсить усыпальницы их святых душ. И уж конечно, будь золото даже греховным само по себе, то зло с необходимостью удалится, ежели вы соизволите употребить металл для столь благочестивых целей.

— Клянусь костями моего деда, — заявил Великий Мастер с поразительным неистовством, разлепив губы в резкой усмешке, — Ферл, вы зря наговариваете на этого молодого человека! Его утверждение обоснованно. Оно так же обоснованно, как и слова моих предков.

Ферл сказал уныло:

— Похоже, что так. Лишь бы обоснованность эта не оказалась орудием Злокозненного Духа.

— Сделаем еще лучше, — внезапно произнес Пониетс. — Возьмите золото в залог. Положите его на алтари ваших предков в качестве дара и

задержите меня на тридцать дней. Если по истечении этого времени признаков недовольства не будет, если не случится каких-либо бедствий — значит, дар принят. Какие доказательства можно предложить сверх этого?

И когда Великий Мастер приподнялся, ища несогласных, ни один человек в совете не выказал неодобрения. Даже Ферл пожевал обтрепанные кончики своих усов и коротко кивнул. Пониетс улыбнулся и подумал о пользе религиозного образования.

5.

Еще неделя миновала в попытках устроить встречу с Ферлом. Пониетс был в постоянном напряжении, хотя уже привык к чувству физической беспомощности. Пределы города он покинул под стражей. На загородной вилле Ферла он находился под стражей. Такое положение приходилось принимать безоговорочно.

Вне круга Старейшин Ферл казался выше и моложе. В повседневном костюме он вообще не выглядел Старейшиной. Он сказал отрывисто:

— Вы странный человек, — его близко посаженные глаза слегка бегали. — Всю эту последнюю неделю и особенно последние два часа вы ничего не делали, лишь намекали, что я нуждаюсь в

золоте. Это кажется излишним, ибо кто в нем не нуждается? Почему бы не сделать следующего шага?

— Дело не просто в золоте, — сказал Пониетс осмотрительно. — Не только в золоте. Не в монетке-двух. Дело скорее в том, что скрывается за золотом.

— Ну и что же может скрываться за золотом? — подстрекал его Ферл с выгнутой книзу усмешкой. — Уж верно это не подготовка к очередной неуклюжей демонстрации.

— Неуклюжей? — Пониетс слегка нахмурился.

— О да, определенно, — Ферл сложил руки и мягко водрузил на них подбородок. — Я вас не критикую. Я полагаю, что неуклюжесть была намеренной. И я мог бы предупредить о том его Почитаемость, будь я уверен в мотивах. А на вашем месте я изготовил бы золото на корабле и предложил бы его с глазу на глаз. И зрелище, которое вы нам представили, и чувство неприязни к вам же — всего этого, к вашей же выгоде, не было бы и в помине.

— Истинно так, — признал Пониетс, — но поскольку я являлся самим собой, то смирился со всем этим ради привлечения вашего внимания.

— Ах, так? И только? — Ферл не сделал попытки

скрыть насмешливое презрение. — И, значит, тридцатидневный очистительный период вы предложили, чтобы выиграть время и обратить мое внимание на нечто чуть более существенное. Но что если золото окажется нечистым?

Пониетс позволил себе мрачно пошутить в ответ:

— Когда суждение об этой порочности зависит от тех, кто менее всего заинтересован в обнаружении таковой?

Ферл, подняв взгляд, в упор разглядывал торговца. Он выглядел одновременно удивленным и довольным.

— Разумный довод. Теперь скажите, почему вы пожелали заинтересовать меня.

— Охотно. За короткое время моего пребывания здесь я отметил важные факты, относящиеся к вам и интересные для меня. К примеру, вы молоды — очень молоды для члена совета, и происходите из относительно молодого рода.

— Вы критикуете мой род?

— Отнюдь. Ваши предки — великие и святые люди; с этим все согласятся. Но кое-кто поговаривает, что вы не принадлежите к одному из Пяти Колен.

Ферл откинулся в кресле.

— При всем уважении к Пяти Коленам, — слова были произнесены с нескрываемым сарказмом, — они обладают оскудевшими чреслами и жидкой кровью. В живых осталось не более пятидесяти представителей Пяти Колен.

— И все же есть такие, кто заявляют, будто нация не захочет увидеть человека, не принадлежащего к Коленам, на посту Великого Мастера. А столь молодой и недавно выдвинувшийся фаворит Великого Мастера просто принужден нажить себе могущественных врагов среди великих государственных мужей — так, по крайней мере, говорят. Его Почитаемость стареет, и защита его не продлится после смерти, когда, без сомнения, именно один из ваших врагов примется толковать слова его Духа.

— Для иностранца вы слышали слишком много. Такие уши надо отрезать, — пригрозил Ферл.

— Это можно решить впоследствии.

— Дайте-ка мне угадать, — Ферл нетерпеливо заерзал в кресле. — Вы собираетесь предложить мне богатство и власть в виде тех зловредных машинок, что везете в своем корабле. Так?

— Допустим, так. Каковы будут ваши возражения? Ваши представления о добре и зле — и больше ничего?

Ферл покачал головой.

— Вовсе нет. Послушайте, мой Чужеземец, вы с вашим языческим агностицизмом составили о нас определенное мнение, — но лично я не являюсь рабом нашей мифологии, хотя и могу казаться таковым. Я образованный человек, сударь, и, надеюсь, также и просвещенный. Полный объем наших религиозных обычаев, причем скорее в ритуальном, чем в этическом смысле, предназначен для толпы.

— Тогда на чем же основаны ваши возражения? — мягко настаивал Пониетс.

— Именно на факторе толпы. Я мог бы иметь с вами дело, но ваши машинки должны использоваться, чтобы приносить толк. Как может придти ко мне богатство, если я должен буду употреблять — что вы там продаете? — ну, скажем к примеру, бритву, только в строжайшей, глубокой тайне. Даже если мой подбородок будет более легко и чисто выбрит, как я стану богатым? А как я смогу избежать смерти в газовой камере или гнева толпы, если когда-нибудь меня застигнут за ее употреблением?

Пониетс пожал плечами.

— Вы правы. Я мог бы, конечно, отметить, что решение заключается в просвещении вашего

народа, дабы подготовить его к использованию атомной техники — к его удобству и к вашей собственной существенной выгоде. Это было бы грандиозной задачей, я не отрицаю; но результаты будут еще более грандиозными. Но это ваши проблемы; сейчас они меня не касаются. Ибо я не предлагаю ни бритв, ни ножей, ни механических мусороуничтожителей.

— Что же вы предлагаете?

— Само золото как таковое. Вы можете получить машину, которую я показывал на той неделе.

Теперь напрягся Ферл, и кожа у него на лбу задергалась.

— Трансмутатор?

— Именно. Ваш запас золота будет равен вашему запасу железа. Этого, как мне представляется, достаточно для выполнения всех пожеланий. Достаточно для обретения самого звания Великого Мастера, несмотря на врагов и на вашу молодость. И это безопасно.

— В каком смысле?

— В том, что секретность — это суть ее использования; та секретность, которую вы описали как единственную меру безопасности по отношению к атомной технике. Вы можете запрятать транс-

мутатор в глубочайшем подземелье прочнейшей крепости в вашем удаленнейшем поместье, и он все равно принесет вам немедленное богатство. Вы покупаете золото, а не машину, и золото это не несет на себе следов своего происхождения, ибо его нельзя отличить от естественного.

— Кто же будет управлять машиной?

— Вы сами. Вам потребуется лишь пять минут на обучение. Я устрою это для вас, как только вы захотите.

— А взамен?

— Что ж, — Пониетс стал осторожен. — Я прошу немалую цену. Это — мой доход. Скажем — ибо машина эта дорогая — эквивалент кубического фунта золота в виде сварочного железа.

Ферл расхохотался, а Пониетс покраснел.

— Замечу, сударь, — добавил он упрямо, — что вы сможете вернуть себе эту стоимость за два часа.

— Правильно, а через час вы, может быть, уберетесь отсюда, а моя машина вдруг станет ни на что не годной. Мне нужны гарантии.

— Я даю вам слово.

— Превосходно, — Ферл иронически поклонился, — но ваше присутствие будет еще лучшей страховкой. Даю вам мое слово, что заплачу через

неделю после получения машины в работоспособном виде.

— Невозможно.

— Невозможно? Ведь вы уже подвергли себя опасности смертного приговора, предложив мне что-то на продажу. Единственная альтернатива моему слову — это то, что в противном случае вы завтра угодите в газовую камеру.

Лицо Пониетса было бесстрастным, но глаза его вспыхнули. Он сказал:

— Это нечестное преимущество. Вы хотя бы письменно изложите свое обещание.

— Чтобы тоже подпасть под казнь? Нет, сударь! — Ферл широко и довольно улыбнулся. — Нет, сударь! Из нас двоих глупцом является лишь один.

Купец сказал упавшим голосом:

— Тогда придется признать, что мы договорились.

6.

Горов был освобожден на тридцатый день, и пятьсот фунтов желтейшего золота заняли его место. Вместе с ним было отпущено и хранившееся в неприкосновенности омерзительное устройство — его корабль.

Затем, как и ранее на пути к асконийской

системе, цилиндрический строй из округлых корабликов сопроводил их в обратный путь.

Пониетс наблюдал за слабо освещенной искоркой, представлявшей собой корабль Горова, пока голос самого Горова пробивался к нему вполне ясно, хотя и слабо, по узкому, закрытому от искажений эфирному лучу. Тот говорил:

— Но ведь это не то, что требовалось, Пониетс. Трансмутатор не подойдет. Кстати, откуда ты его взял?

— Ниоткуда, — терпеливо отвечал Пониетс. — Я его слепил из камеры для облучения пищи. На самом деле он никуда не годится. Он пожирает столько энергии, что не может эксплуатироваться в серьезных масштабах — иначе Установление использовало бы трансмутацию, вместо того чтоб рыскать по всей Галактике в поисках тяжелых металлов. Это один из стандартных трюков, используемых всеми купцами, хотя я еще не видел такого трансмутатора, который превращал бы железо в золото. Но он впечатляет и работает — хотя и временно.

— Отлично. Но данный трюк пользы не принес.

— Он вытащил тебя из этого поганого места.

— Но ведь нужно совсем не это! Тем более, что

как только мы стряхнем наш заботливый эскорт, мне придется возвращаться.

— Чего ради?

— Ты же сам объяснял своему политикану, — голос Горова почти срывался. — Вся суть твоей сделки основывалась на том, что трансмутатор является средством, а не самодовлеющей ценностью; что покупатель получает золото, а не машину. Это хорошая психология, поскольку она сработала, но…

— Но? — настаивал Пониетс мягко и упорно.

Голос в приемнике стал пронзительным.

— Но мы же хотели продать им настоящую машину: что-нибудь такое, что они захотели бы использовать открыто; что-нибудь, побуждающее их просто из интереса заняться атомной техникой.

— Я все это понимаю, — вежливо сказал Пониетс. — Ты это уже объяснял. Но посмотри, что же последует из моей сделки. Пока этот трансмутатор продержится, Ферл будет чеканить золото; а проработает эта штука достаточно долго, чтобы он смог купить себе следующие выборы. Теперешний Великий Мастер долго не протянет.

— Ты рассчитываешь на благодарность? — холодно спросил Горов.

— Нет, на разумный интерес. Трансмутатор принесет ему избрание; прочие механизмы…

— Нет! Нет! Твои предпосылки ошибочны. Не трансмутатору он будет признателен, а старому доброму золоту. Вот что я стараюсь растолковать тебе.

Пониетс ухмыльнулся и устроился поудобнее. Отлично. Хватит поддразнивать беднягу Горова: тот был уже на пределе. Купец сказал:

— Не так быстро, Горов. Я не кончил. Другие вещички уже пущены в дело.

Последовало короткое молчание. Затем голос Горова зазвучал сдержаннее.

— Какие еще вещички?

Пониетс сделал машинальный и бесполезный в данном случае жест.

— Видишь этот эскорт?

— Вижу, — бросил Горов. — Расскажи, что за штучки.

— Расскажу, если будешь слушать. Нас эскортирует личный флот Ферла: особая честь, оказанная ему Великим Мастером. Он умудрился провернуть это дело.

— И что?

— И куда же, ты думаешь, он нас сопровождает? На свои рудники у границ Асконы, вот куда.

Слушай! — Пониетс внезапно пришел в ярость. — Говорил я тебе или нет, что ввязался в это дело, чтобы делать деньги, а не спасать планеты? Отлично. Я продал этот трансмутатор за просто так. За просто так, если не считать риска газовой камеры, а это не покрывает квоты.

— Вернемся к рудникам, Пониетс. Они-то к чему имеют отношение?

— К прибыли. Мы будем грузить олово, Горов. Столько олова, сколько влезет в эту старую посудину до самого последнего кубического фута, а затем еще и для тебя. Я спускаюсь с Ферлом вниз для погрузки, а ты, старина, будешь прикрывать меня сверху всеми стволами, какими располагаешь — на тот случай, если Ферл относится к этому делу не так юмористически, как старается показать. Это олово и есть моя прибыль.

— За трансмутатор?

— За весь мой груз атомной техники. За двойную цену плюс премия, — он почти извинительно пожал плечами. — Я признаю, что накрыл Ферла изрядно, но я ведь должен выполнить квоту, не так ли?

Горов явно запутался. Он сказал слабым голосом:

— Не можешь ли ты объяснить подробнее?

— Чего тут объяснять? И так все ясно, Горов. Гляди сам, эта хитрая бестия думала, что поймала меня в надежную ловушку, поскольку его слово перед Великим Мастером весомее моего. Да, он взял трансмутатор. На Асконе это страшное преступление. Но в любое время он мог заявить, что заманил меня в ловушку из чисто патриотических мотивов, и объявить меня продавцом запрещенных товаров.

— Это было очевидно.

— Несомненно, но, как оказалось, словам были противопоставлены не только слова. Видишь ли, Ферл никогда не слышал и даже не подозревал о существовании микропленочного рекордера.

Горов внезапно расхохотался.

— Вот именно, — сказал Пониетс. — Он владел ситуацией. Я получал по заслугам. Но когда я с видом побитой собаки установил ему трансмутатор, то приделал к этой штуковине рекордер, а на следующий день при повторном осмотре снял его. Я заполучил отличную видеозапись его святая святых, где он сам, бедняга Ферл, орудовал трансмутатором, выжимая из него последние эрги и кудахча над своим первым куском золота, словно над яйцом, которое только что снес.

— И ты показал ему результат?

— Через два дня. Этот лопух в жизни не видел объемных изображений со звуком и цветом. Он уверяет, что не суеверен, но если ты сможешь показать мне другого столь же испуганного взрослого человека, назови меня салагой. Когда же я разъяснил Ферлу, что установил рекордер на городской площади, настроив так, чтобы тот включился в полдень, когда миллион фанатичных асконийцев соберется посмотреть запись, а вслед за тем — разорвать его на кусочки, он через полсекунды валялся у меня в ногах и что-то лопотал. Он готов был заключить любую сделку.

— А ты, — Горов давился от смеха, — ты в самом деле... я хочу сказать, действительно ли ты установил рекордер на городской площади?

— Нет, но это безразлично. Он заключил сделку. Он купил все штучки, что были у меня, а также все, что были у тебя, за такое количество олова, которое мы сможем увезти. В тот миг он мог поверить, что я способен на все. Соглашение заключено письменно, и ты получишь копию перед тем, как я спущусь с ним вместе — просто еще одна предосторожность.

— Но ты подорвал его "я", — сказал Горов. — Будет ли он использовать наши штучки?

— Почему бы и нет? Для него это единствен-

ный способ возместить свои потери, а если он извлечет из них еще и деньги, то спасет свою честь. И он будет следующим Великим Мастером — и к тому же наиболее стоящим из всех, чьей благосклонности мы бы добивались.

— Да, — сказал Горов, — это выгодная сделка. Но твои методы определенно не очень пристойны. Неудивительно, что тебя выкинули из семинарии. Неужели у тебя нет чувства морали?

— А каковы ставки? — безразлично произнес Пониетс. — Ты же знаешь, что говорил о чувстве морали Сальвор Хардин.

Часть V. Т О Р Г О В Ы Е К О Р О Л И

1.

КУПЦЫ — ...С психоисторической неизбежностью экономический контроль Установления возрастал. Купцы богатели, — а с богатством приходит власть...

Иногда забывают, что Гобер Мэллоу начал жизнь как обычный купец. Но никогда не забудется, что кончил он ее как первый из Торговых Королей...

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Джорейн Сатт соединил кончики тщательно наманикюренных пальцев и сказал:

— Это немного загадочно. В сущности — строго между нами — это, может быть, еще один из кризисов Хари Селдона.

Человек, сидевший напротив, полез за сигаретой в карман своей короткой смирнианской куртки.

— Я не знал об этом, Сатт. Как правило, политики начинают вопить о Селдоновском кризисе при каждых очередных выборах на пост мэра.

Сатт едва заметно улыбнулся.

— Я не веду избирательной кампании, Мэллоу. Мы столкнулись с атомным оружием, и мы не знаем, откуда оно берется.

Гобер Мэллоу, Старший Купец со Смирно, спокойно, почти безразлично затянулся.

— Валяйте дальше. Если вам есть еще что сказать, выкладывайте.

Мэллоу никогда не допускал с людьми Установления такой ошибки, как излишняя вежливость. Да, пусть он был родом со Внешних Областей, — человек остается человеком независимо от места своего рождения.

Сатт указал на трехмерную звездную карту на столе. Он подрегулировал настройку, и сгусток из полудюжины звездных систем запылал красным.

— Это, — сказал он спокойно, — Кореллианская Республика.

Торговец кивнул.

— Я там бывал. Вонючая крысиная нора! Полагаю, что вы можете именовать ее республикой, но всякий раз Коммдором там избирается кто-нибудь из семейства Арго. А если это кому-нибудь не понравится, то с ним может случиться всякое, — он поджал губу и повторил: — Я там бывал.

— Но вы вернулись, а это случается не всегда. Три неприкосновенных согласно Конвенции торговых корабля исчезли за последний год в пределах территории Республики. А корабли эти были вооружены всеми стандартными атомными пушками и оснащены защитой из силовых полей.

— Каковы были последние сообщения, поступившие с кораблей?

— Обычные отчеты. Ничего более.

— Что говорит Корелл?

Глаза Сатта насмешливо блеснули.

— У них не спросишь. Главнейший актив Установления на Периферии — это слава о его могуществе. Не думаете ли вы, что мы можем потерять три корабля, а потом спросить — куда они делись?

— Ну что ж, тогда попробуйте пояснить, чего вы от меня хотите.

Джорейн Сатт не тратил попусту времени на такую роскошь, как раздражение. Будучи секретарем мэра, он сдерживал советников от оппозиции, искателей работы, реформаторов, а также помешанных, утверждавших, будто они разгадали во всей полноте будущий исторический путь, разработанный Хари Селдоном. При наличии такого опыта рассердить его было не так-то легко. Он начал по порядку:

— Секундочку. Видите ли, исчезновение трех кораблей в одном и том же секторе за один год не может быть случайностью, а атомная энергия может быть побеждена лишь еще большей атомной мощью. Автоматически возникает вопрос: если Корелл имеет атомное оружие, то откуда он его получает?

— Ну и откуда же именно?

— Есть две возможности. Либо кореллианцы изготовили его сами…

— Очень натянуто!

— Очень. Но другая возможность заключается в том, что мы столкнулись с фактом измены.

— Вы так думаете? — голос Мэллоу был бесстрастен.

Секретарь сказал успокаивающе:

— В такой возможности нет ничего сверхъестественного. С тех пор, как Четыре Королевства приняли Конвенцию Установления, мы вынуждены иметь дело с немалым количеством инакомыслящего народа в каждом из них. Все бывшие королевства имеют своих претендентов на престол и прежних дворян, которые вряд ли могут возлюбить Установление. Может быть, кто-то из них приступил к активной деятельности.

Мэллоу начал медленно краснеть.

— Понятно. Так что же вы хотите сообщить мне? Я смирниец.

— Я знаю. Вы смирниец — родились на Смирно, одном из бывших Четырех Королевств. Вы человек Установления лишь по воспитанию. По рождению вы внешнеземелец и иностранец. Без сомнения, дед ваш был бароном во времена войн с Анакреоном и Лорисом, а ваши фамильные поместья были отобраны, когда Сеф Сермак перераспределил землю.

— Нет, клянусь Черным Космосом, нет! Мой дед был потомственным бедняком, из тех, кого именуют космическим отродьем, и умер на погрузке угля за нищенскую плату, еще до того, как Установление взяло верх. Я ничем не обязан старому

режиму. Но я родился на Смирно, и я не стыжусь ни Смирно, ни смирнийцев, клянусь Галактикой! Ваши хитроумные намеки на измену не вгонят меня в такую панику, чтобы я стал вылизывать плевки Установления. А теперь вы можете либо давать свои указания, либо выдвигать обвинения. Мне все равно.

— Дорогой мой Старший Купец, мне ни на электрон не интересно, был ли ваш дед королем Смирно или же величайшим нищим планеты. Я процитировал эту чушь о вашем происхождении и ваших предках, чтобы показать, что я ими не интересуюсь. Видимо, вы упустили этот момент. Вернемся к делу. Вы смирниец. Вы знаете народ Внешних Областей. Кроме того, вы купец — и вдобавок один из лучших. Вы были на Корелле и знаете кореллианцев. Вот туда-то вам и следует отправиться.

Мэллоу глубоко вздохнул:

— Как шпиону?

— Вовсе нет. Как купцу — но держите глаза открытыми. Если вам удастся выяснить, откуда берется их мощь... Я могу напомнить вам, поскольку вы смирниец, что на двух из пропавших торговых кораблей были смирнийские экипажи.

— Когда я должен стартовать?

— А когда будет готов ваш корабль?

— Через шесть дней.

— Вот тогда-то вы и стартуете. Обо всех подробностях узнаете в Адмиралтействе.

— Отлично! — торговец встал, крепко пожал Сатту руку и зашагал прочь.

Некоторое время Сатт, выжидая, осторожно массировал затекшие пальцы; затем, пожав плечами, он вошел в кабинет мэра.

Мэр выключил видеоэкран и откинулся в кресле.

— Что ты думаешь обо всем этом, Сатт?

— Может быть, он просто хороший актер, — сказал Сатт и задумчиво поглядел вдаль.

2.

Вечером того же дня в холостяцкой квартире Джорейна Сатта на двадцать первом этаже "Хардиновского Здания" Публис Манлио потихоньку потягивал вино.

Именно тщедушное, стареющее тело Публиса Манлио вмещало в себя два крупнейших поста Установления. Он был Иностранным секретарем в кабинете мэра, а для всех внешних солнц, исключая лишь само Установление, он был к тому же Примасом Церкви, Подателем Священной Пищи, Владыкой Храмов и носителем почти бес-

конечного множества других замысловатых, но звучных титулов.

Манлио говорил:

— Но он согласился на твое предложение отправить этого купца. Это уже кое-что.

— Этого очень мало, — сказал Сатт. — Никаких результатов до поры ждать не приходится. Вся история есть грубейший из вариантов военной хитрости, поскольку мы не можем предвидеть ее развитие до конца. Это просто закидывание веревки в надежде, что где-то по ее длине окажутся силки.

— Правда. А этот Мэллоу человек способный. Что если он не подойдет на роль подсадной утки?

— Это риск, на который надо идти. Если измена существует, то в ней замешаны способные люди. Если же ее нет, нам потребуется способный человек, чтобы выяснить истину. А Мэллоу будут стеречь. Твой бокал пуст.

— Нет, спасибо. Я выпил достаточно.

Наполнив свой бокал, Сатт терпеливо ждал, пока его собеседник предавался тревожным раздумьям. В чем бы эти раздумья ни заключались, толку в них было мало, ибо примас внезапно, почти взорвавшись, выпалил:

— Сатт, что у тебя на уме?

— Я скажу тебе, Манлио, — тонкие губы Сатта дрогнули. — Мы в разгаре Селдоновского кризиса.

Манлио уставился на него и тихо спросил:

— Откуда ты знаешь? Или Селдон опять появился в Своде Времени?

— Это необязательно, друг мой. Подумай сам, тут все почти очевидно. С тех пор как Галактическая Империя забросила Периферию и предоставила нас самим себе, мы никогда не встречались с противником, обладающим атомной энергией. Теперь же, впервые, он у нас есть. Даже взятый сам по себе этот факт кажется значительным. Но это еще не все. Ибо в первый раз за семьдесят лет мы столкнулись с крупным политическим кризисом у себя дома. Следует думать, что синхронизация обоих кризисов, внутреннего и внешнего, снимает все сомнения.

Глаза Манлио сузились.

— Если это все, то этого недостаточно для беспокойства. До сих пор было два Селдоновских кризиса, и оба раза Установлению грозила гибель. Пока эта опасность не появится вновь, о третьем кризисе говорить не приходится.

Сатт терпеливо выслушал его.

— Эта опасность приближается. Любой дурак заметит кризис, когда тот уже разразился. Настоящая же услуга государству — распознать кризис в зародыше. Суди сам, Манлио. Мы движемся по запланированной истории. Мы знаем, что Хари Селдон рассчитал исторические вероятности будущего. Мы знаем, что когда-нибудь мы воссоздадим Галактическую Империю. Мы знаем, что это займет тысячу лет или около того. И мы знаем, что за этот период мы столкнемся с определенными кризисами. Далее, первый кризис наступил спустя пятьдесят лет после основания Установления, а второй — через тридцать лет после первого. С тех пор прошло почти семьдесят пять лет. Время, Манлио, настало время.

Манлио неуверенно почесал нос.

— Ты подготовился к этому кризису?

Сатт кивнул.

— А я, — продолжал Манлио, — должен ли я играть в нем какую-либо роль?

Сатт снова кивнул.

— Перед тем, как встретить внешнюю угрозу атомной мощи, мы должны будем привести в порядок собственный дом. Эти купцы…

— Ну? — примас напрягся, и его взгляд стал пронзительным.

— Вот именно. Эти купцы. Они полезны, но они стали слишком сильными и вышли из-под контроля. Они внешнеземельцы, воспитанные вне религии. С одной стороны, мы вкладываем в их руки знание, с другой — снимаем сильнейшее средство нашей власти над ними.

— А если мы сможем доказать наличие предательства?

— Если сможем, то прямые действия будут очевидны и достаточны. Но это ничегошеньки не значит. Даже если среди них и нет изменников, они формируют элемент неопределенности в нашем обществе. Они не привязаны к нам ни патриотизмом, ни общностью происхождения, ни даже религиозным почтением. Под их светским руководством внешние провинции, которые со времен Хардина смотрят на нас как на Священную Планету, могут отколоться.

— Все это я вижу, но меры защиты…

— Меры надо принимать быстро, пока Селдоновский кризис не обострился. Когда снаружи атомное оружие, а внутри — растущая недоброжелательность, ставки могут сделаться слишком серьезными, — Сатт опустил пустой бокал, который до этого вертел в пальцах. — Это явно твое дело.

— Мое?

— Я этого сделать не могу. Я назначен на свою должность и не располагаю законодательной властью.

— А мэр…

— Невозможно. Он — крайне скептичная личность. Он проявляет энергию, лишь только стараясь избегнуть ответственности. Но если возникнет независимая партия, которая сможет угрожать его переизбранию, он, пожалуй, позволит управлять собой.

— Но, Сатт, я не обладаю способностями к практической политике.

— Предоставь это мне. Кто знает, Манлио? Со времен Сальвора Хардина власть примаса и мэра никогда не объединялась в одном человеке. Но теперь такое может повториться — если твоя работа будет выполнена успешно.

3.

На противоположном конце города, в более простой обстановке, Гобер Мэллоу присутствовал на второй встрече. Он долго слушал собеседника, а затем осторожно произнес:

— Да, Твер, я слыхал о ваших кампаниях за представительство купцов в совете. Но почему именно я?

Джейм Твер, который любил по каждому поводу напоминать о том, что он был среди первых внешнеземельцев, получивших юридическое образование на Установлении, просиял.

— Я знаю что делаю, — сказал он. — Вспомните, где я вас впервые встретил в прошлом году.

— На Конвенте Купцов.

— Правильно. Вы вели заседание. Вы сначала пригвоздили этих краснорожих бугаев к их креслам, а потом заткнули за пояс и ушли восвояси. И с народными массами Установления у вас все в порядке. Вы обладаете обаянием — или, по крайней мере, устойчивой и отчаянной популярностью, что то же самое.

— Очень хорошо, — сухо сказал Мэллоу. — Но почему именно сейчас?

— Потому что сейчас наступил наш шанс. Знаете ли вы, что Секретарь по Образованию подал в отставку? Об этом вскоре будет объявлено публично.

— А вы откуда знаете?

— Это… неважно… — он с отвращением помахал рукой. — Знаю и все. Акционистская партия раскалывается, и мы можем сейчас же ее уничтожить, подняв вопрос о равных правах для купцов; или, точнее, об их отношении к демократии — за

или против.

Мэллоу развалился в кресле, разглядывая свои толстые пальцы.

— Н-да. Сожалею, Твер. На следующей неделе я отбываю по делам. Вам придется найти кого-то другого.

Твер воззрился на него.

— Дела? Что еще за дела?

— Абсолютно сверхсекретные. Приоритет "три А". И все прочее в том же роде. Имел беседу с личным секретарем мэра.

— Со змеем Саттом? — Джейм Твер оживился. — Это только трюк. Это космическое отродье старается избавиться от вас, Мэллоу...

— Да погодите же вы! — Мэллоу стукнул кулаком по ладони другой руки. — Не кипятитесь. Если это трюк, я рассчитаюсь с ними по возвращении. Если же нет, то ваш змей Сатт играет нам на руку. Послушайте, близится Селдоновский кризис.

Мэллоу ждал реакции, но ее не последовало. Твер просто непонимающе глядел на него.

— Что это значит — Селдоновский кризис?

— Галактика! — От разочарования Мэллоу буквально взорвался гневом. — Вы что, ворон считали в школе? Что вы имеете в виду, задавая

такой дурацкий вопрос?

Старший из двоих собеседников нахмурился.

— Если вы объясните…

Последовала долгая пауза.

— Я объясню, — брови Мэллоу опустились, и он заговорил, не торопясь. — Когда Галактическая Империя по краям начала отмирать, и когда эти края Галактики вернулись к варварству и отвалились, Хари Селдон и его банда психологов разместила колонию — так называемое Установление — здесь, в самой гуще свары, чтобы мы могли пестовать искусство, науку и технологию и образовать ядро Второй Империи.

— Ах да, да…

— Я не кончил, — холодно произнес торговец. — Будущий курс Установления был намечен в согласии с психоисторической наукой, в ту пору очень развитой, и все условия подобраны были так, чтобы вызвать ряд кризисов, которые заставили бы нас по возможности быстро следовать к будущей империи. Каждый кризис, каждый Селдоновский кризис отмечает эпоху в нашей истории. Сейчас мы близимся к одному из них — третьему.

Твер пожал плечами.

— Думаю, что об этом упоминалось в школе, но

я окончил ее давно — раньше вас.

— Вероятно. Ладно, оставим это. Дело в том, что меня отправляют подальше, в самую сердцевину развивающегося кризиса. Нельзя предугадать, с чем я вернусь, а выборы в совет проходят каждый год.

Твер взглянул на него.

— Вы идете по какому-то следу?

— Нет.

— У вас есть определенные планы?

— Нет даже и малейшего намека на план.

— Что ж…

— Это ничего. Хардин как-то сказал: "Для успеха одного планирования недостаточно. Следует также импровизировать". Я буду импровизировать.

Твер неуверенно покачал головой, и они встали, глядя друг на друга. Мэллоу совершенно неожиданно и как бы невзначай сказал:

— Слушайте, а как насчет того, чтобы отправиться со мной? Да не смотрите так, дружище. Вы же были купцом до того, как решили, что политика интереснее торговли. По крайней мере, я так слыхал.

— А куда вы отправляетесь? Скажите хотя бы это.

— К Вассалийской Расселине. Пока мы не

окажемся в космосе, я не могу высказаться определеннее. Ну так что же?

— А может быть, Сатт решит, что я должен находиться в его поле зрения?

— Вряд ли. Коль скоро ему не терпится избавиться от меня, то почему бы заодно и не от вас? А кроме того, ни один купец не сунется в космос, не набрав экипаж по собственному выбору. Я беру с собой кого хочу.

Глаза его собеседника странно блеснули.

— Отлично. Я отправляюсь, — он протянул свою руку. — Впервые за последние три года я буду участвовать в путешествии.

Мэллоу схватил и потряс руку Твера.

— Хорошо! Чудесно! А сейчас я пойду собирать парней. Вы знаете, где стоит "Дальняя Звезда", не так ли? Тогда увидимся завтра. До свидания.

4.

Корелл был не таким уж редким историческим феноменом — республикой, правитель которой обладал всеми атрибутами абсолютного монарха, за исключением титула. Потому республика эта имела удовольствие жить при обычном деспотизме, не сдерживаемом даже двумя умеряющими влияниями законных монархий: королевской "честью" и придворным этикетом.

Экономика Корелла отнюдь не процветала. Времена Галактической Империи прошли, не оставив по себе ничего, кроме молчаливых воспоминаний и разрушенных структур. Времена Установления еще не настали — а при яростной решимости правителя Корелла, Коммдора Аспера Арго, с его строгими предписаниями насчет деятельности купцов и жесточайшим запретом на миссионерство, не настали бы никогда.

Космопорт сам по себе был старый и разваливающийся. Экипаж "Дальней Звезды", убедившись в этом, сразу помрачнел. Затхлые ангары создавали и затхлое настроение, и Джейм Твер лишь почесывался и бесился, раскладывая пасьянс.

Гобер Мэллоу задумчиво сказал:

— Хорошее место для торговли.

Он спокойно глядел сквозь иллюминатор. Пока что о Корелле больше сказать было нечего. Путь сюда прошел без приключений. Эскадрилья кореллианских кораблей, ринувшаяся наперехват "Дальней Звезде", состояла из крошечных, хромающих остатков былой славы и изношенных, неповоротливых громадин. Кореллианцы с опаской держались на расстоянии, и этот страх сохранялся у них доныне — уже неделю просьбы Мэллоу об аудиенции у местных властей остава-

лись без ответа.

— Здесь хорошая торговля, — повторил Мэллоу. — Можно назвать эти территории девственными.

Джейм Твер с раздражением глянул вверх, отбросив карты.

— Какого дьявола вы собираетесь здесь делать, Мэллоу? Экипаж ропщет, офицеры обеспокоены, а я задумываюсь…

— Задумываетесь? О чем же?

— О ситуации. И о вас. Что мы делаем?

— Ждем.

Пожилой купец фыркнул и покраснел. Он заворчал:

— Вы слепы, Мэллоу. Вокруг космодрома стража, наверху корабли. А может быть, они готовятся сделать из нас дырку в земле?

— У них была на это целая неделя.

— Может быть, они ждут подкрепления, — взор Твера был проницателен и тверд.

Мэллоу рывком уселся.

— Да, я об этом думал. Видите ли, тут возникает куча проблем. Прежде всего, мы добрались сюда без труда. Это, однако, может ничего не означать, ибо всего лишь три корабля из более чем трехсот исчезли в прошлом году. Процент невысок. Но это

может означать также, что число их кораблей, оснащенных атомным оружием, невелико, и они стараются не демонстрировать их без необходимости, пока это число не возрастет. Но, с другой стороны, это может означать, что у них вовсе нет атомной энергии. Или она у них есть и держится втайне, из страха, что нам уже что-то известно. В конце концов, одно дело — пиратствовать против легковооруженных торговых кораблей. Совсем иное — дурачиться с аккредитованным посланником Установления, когда самый факт его появления может означать, что Установление что-то подозревает. Объединив все это…

— Погодите, Мэллоу, погодите, — Твер поднял руки. — Вы просто подавили меня своими речами. К чему вы клоните? Без этих ваших "если, может быть".

— Вам придется вникнуть в "если, может быть", иначе вы ничего не поймете, Твер. Они, подобно нам, выжидают. Они не знают, что я здесь делаю, а я не знаю, чем они располагают. Но я в менее выгодном положении, поскольку я один, а их — целая планета и, может быть, с атомной энергией. Я не могу позволить себе проявить слабость. Конечно, это опасно. Конечно, нас может ждать дыра в земле. Но мы это знали с самого начала.

Что же еще остается делать?

— Я не… А это еще кто?

Мэллоу спокойно поднял голову и подстроил приемник. На засветившемся экране появились резкие черты вахтенного сержанта.

— Говорите, сержант.

— Извините, капитан, — сказал сержант. — Люди пустили на борт миссионера с Установления.

— Кого? — лицо Мэллоу побагровело.

— Миссионера, капитан. Он нуждается в госпитализации, капитан…

— От таких дел, сержант, в ней многие будут нуждаться. Прикажите людям занять боевые посты.

Комната отдыха для экипажа была почти пуста. Спустя всего лишь пять минут после приказа все, даже сменившиеся с вахты, находились у своих орудий. Именно быстрота являлась наибольшим преимуществом в анархических регионах межзвездного пространства Периферии, и именно быстротой превыше всего отличались экипажи на кораблях старших купцов.

Мэллоу вошел не спеша и оглядел миссионера со всех сторон. Затем его взгляд скользнул на лейтенанта Тинтера, который неловко переминался слева, и на вахтенного сержанта Демена, чье

невыразительное лицо и флегматичная фигура маячили справа. Старший Купец обернулся к Тверу и на миг задумавшись, сказал:

— Что ж… Твер, приведите сюда, только без ажиотажа, всех офицеров, за исключением координаторов и трассировщиков. Люди пускай остаются на своих постах до следующего распоряжения.

Во время пятиминутной задержки Мэллоу пнул дверь в туалет, заглянул за бар, отдернул занавески на толстых окнах. Еще на полминуты он вообще покинул помещение, а затем вернулся, что-то отвлеченно мурлыча себе под нос. Комната заполнилась. Последним вошел Твер и тихо затворил за собой дверь.

Мэллоу спокойно сказал:

— Во-первых, кто пустил этого человека без моего указания?

Вахтенный сержант шагнул вперед. Все взгляды обратились на него.

— Простите, капитан. Это не был кто-то конкретно. Это было вроде общего соглашения. Он же один из нас, можно сказать, а эти чужестранцы здесь…

Мэллоу резко оборвал его.

— Я симпатизирую вашим чувствам, сержант,

и понимаю их. Эти люди были под вашим началом?

— Да, капитан.

— Когда все кончится, они на неделю будут заперты в своих каютах. Вы же отстраняетесь от руководящих обязанностей на то же время. Понятно?

Лицо сержанта не дрогнуло, но плечи чуть поникли. Он четко произнес:

— Да, капитан.

— Вы можете идти. Займите свое место.

Дверь за ним закрылась. Поднялся ропот. Твер вмешался.

— За что вы его наказали, Мэллоу? Вы же знаете, что эти кореллианцы убивают захваченных миссионеров.

— Поступок, противоречащий моим приказам, плох сам по себе, пусть даже другие причины говорят в его пользу. Никто не должен был покидать корабль или входить в него без разрешения.

Лейтенант Тинтер недовольно пробурчал:

— Семь дней бездействия! Вы не можете в таких условиях поддерживать дисциплину.

Мэллоу сказал ледяным тоном:

— Я могу. При идеальных условиях в дисциплине нет особой доблести. Я должен ее добивать-

ся перед лицом смерти, иначе она бесполезна. Где этот миссионер? Подайте его сюда.

Торговец уселся. Одетую в алый плащ фигуру осторожно подвели к нему.

— Как ваше имя, преподобный?

— А?

Закутанная в алое фигура повернулась к Мэллоу. Глаза миссионера были широко раскрыты, на одном виске виднелся синяк. На протяжении всего предыдущего отрезка времени он молчал и, насколько Мэллоу мог заметить, даже не шевельнулся.

— Ваше имя, преподобный?

Миссионер вдруг лихорадочно пробудился к жизни. Его руки раскинулись для объятий.

— Сын мой, дети мои. Пусть покровительственная десница Галактического Духа вечно пребудет над вами.

Твер выступил вперед с обеспокоенным видом и хрипло произнес:

— Этот человек болен. Кто-нибудь, уложите его в постель. Прикажите его уложить, Мэллоу, и позаботьтесь о нем. Он серьезно ранен.

Могучая рука Мэллоу остановила его.

— Не вмешивайтесь, Твер, или я выгоню вас из комнаты. Ваше имя, преподобный?

Руки миссионера сложились во внезапной мольбе.

— Вы люди просвещенные, спасите меня от язычников, — слова из него так и посыпались. — Спасите меня от этих скотов, этих неразумных, что гонятся за мной, огорчая Галактический Дух своими преступлениями. Я Джорд Парма с анакреонских миров. Я был посвящен на Установлении; на самом Установлении, дети мои. Я жрец Духа, посвященный во все таинства, явившийся сюда по зову внутреннего голоса, — он задыхался. — Я пострадал от рук необращенных. Раз вы — дети Духа, то во имя этого Духа защитите меня от них!

Из металлически рявкнувшего ящика аварийной тревоги грянул голос:

— В поле зрения подразделения противника! Просим инструкций!

Все взгляды машинально обратились на динамик.

Мэллоу яростно выругался. Он включил обратную связь и гаркнул:

— Сохраняйте бдительность! Это все!

Отключившись, он подошел к толстым занавескам, которые при его прикосновении отлетели в стороны, и мрачно выглянул наружу.

Вражеские подразделения! Как же! Их было несколько тысяч — в лице отдельных представителей кореллианской толпы. Валом валящая чернь окружила порт со всех сторон, и в холодном, резком свете магниевых факелов передние ее ряды стали подступать все ближе и ближе.

— Тинтер! — торговец не оборачивался, но затылок его покраснел. — Запустите наружный динамик и выясните, чего они хотят. Спросите, есть ли среди них представитель закона. Не давайте обещаний и не угрожайте, иначе я убью вас.

Тинтер повернулся и ушел.

Мэллоу ощутил жесткую руку на своем плече и стряхнул ее. Это был Твер. Его голос зазвучал гневным шипением.

— Мэллоу, вы обязаны удержать этого человека. Иначе невозможно будет сохранить честь и благопристойность. Он с Установления и, помимо всего, он жрец. Эти дикари снаружи... Вы слышите меня?

— Я слышу вас, Твер, — голос Мэллоу был резок. — У меня здесь есть другие дела, кроме как охранять миссионеров. Я буду, сударь, делать то, что захочу и, клянусь Селдоном и всей Галактикой, если вы попытаетесь остановить меня, я

заткну вашу вонючую глотку. Не становитесь у меня на пути, Твер, или это будет ваш конец.

Он повернулся и шагнул мимо него.

— Эй, вы! Преподобный Парма! Вы знали, что согласно конвенции, миссионеры Установления не могут вступать на кореллианскую территорию?

Миссионер дрожал.

— Я могу направляться всюду, куда поведет меня Дух, сын мой. Если невежественные отказываются от просвещения, то не есть ли это еще более явный знак их нужды в нем?

— Речь не об этом, преподобный. Вы здесь находитесь, нарушая законы и Корелла, и Установления. Я не могу защитить вас на законном основании.

Руки миссионера снова поднялись. Прежнее его замешательство исчезло. Снаружи доносились хриплые выкрики из внешней переговорной системы и слабый, раскатистый ответный ропот разъяренной толпы. При этих звуках глаза его помутились.

— Вы слышите их? Зачем говорите вы мне о законе, о писанном людьми законе? Есть высшие законы. Разве не сказал Галактический Дух: ты не должен стоять в бездействии, когда причиняется

вред твоим сотоварищам. И разве не говорил он: ибо так, как ты поступаешь со смиренными и беззащитными, так поступлено будет и с тобой. Или у вас нет пушек? Или у вас нет корабля? Не стоит ли за вами Установление? И не окружает ли вас повсюду Дух, правящий Вселенной? — он остановился, переводя дыхание.

Тут гулкий звук внешних динамиков "Дальней Звезды" стих, и возвратился обеспокоенный лейтенант Тинтер.

— Говорите! — кратко приказал Мэллоу.

— Капитан, они требуют выдать им Джорда Парму.

— А в противном случае?

— Разнообразные угрозы, капитан. Трудно понять их как следует. Их так много, и они кажутся совершенно безумными. Там есть некто, утверждающий, что он возглавляет район и обладает полицейской властью, но он явно не владеет собой.

— Владеет или нет, — пожал плечами Мэллоу, — но он представитель закона. Скажите им, что если этот управитель или полицейский или кто он там, приблизится к кораблю в одиночестве, он получит преподобного Джорда Парму.

И тут в его руках вдруг появилось оружие. Мэл-

лоу добавил:

— Мне неизвестно, что такое — нарушение субординации. Я с подобным не сталкивался. Но если здесь кто-либо думает, что может поучать меня, мне придется проучить его в ответ — своими методами.

Ствол медленно повернулся и нацелился на Твера. Лицо пожилого купца с некоторым усилием приобрело нормальный вид, руки разжались и опустились. Он тяжело, с присвистом втянул носом воздух.

Тинтер вышел, и через пять минут от толпы отделилась щуплая фигура. Она приближалась медленно и неохотно, явно деморализованная страхом. Дважды человек оборачивался назад, и дважды недвусмысленные угрозы многоголового чудовища подгоняли его.

— Все в порядке, — Мэллоу повел своим ручным бластером, все еще не вкладывая его в кобуру. — Грун и Упшур, выведите его.

Миссионер завизжал. Негнущиеся пальцы его простерлись вверх, а широкие рукава упали, обнажив тонкие, жилистые руки. Внезапно последовала мгновенная, едва заметная вспышка света. Мэллоу моргнул и снова сделал пренебрежительный жест.

Вопли вырывавшегося из двойных объятий миссионера лились потоком:

— Будь проклят предатель, оставляющий ближнего своего злу и смерти. Пусть оглохнут уши, глухие к мольбам беспомощного. Пусть ослепнут глаза, слепые к невиновности. Пусть навечно почернеет душа, что общается с мраком…

Твер плотно зажал уши ладонями.

Мэллоу передернул свой бластер и отложил его.

— Разойдитесь по своим местам, — сказал он обыденным тоном. — Продолжайте наблюдение в течение шести часов после того, как толпа разойдется. Затем в течение сорока восьми часов нести удвоенную вахту. Дальнейшие инструкции по истечении этого времени. Твер, пойдемте со мной.

Они оказались наедине в личной каюте Мэллоу. Мэллоу указал на стул, и Твер присел. Его приземистая фигура казалась придавленной. Мэллоу саркастически взглянул на него.

— Твер, — сказал он. — Я разочарован. Видно, три года занятий политикой отучили вас от купеческих обычаев. Помните, на Установлении я могу быть демократом, но мой корабль будет управляться так, как я того желаю, одной лишь

тиранией. Прежде мне никогда не приходилось обнажать бластер против своих людей, и я бы не сделал этого и сейчас, если бы вы не вылезли вперед. Твер, вы не занимаете официальной должности и находитесь здесь по моему приглашению, и я продолжаю соблюдать по отношению к вам вежливость — но наедине. Однако отныне в присутствии моих офицеров и экипажа я для вас "капитан", а не "Мэллоу". А когда я отдам приказ, в ваших же интересах вскочить с места быстрее, чем рекрут третьего класса, иначе вы окажетесь в трюме в кандалах. Понятно?

Партийный лидер сделал глотательное движение. Он неохотно произнес:

— Мои извинения.

— Принимаю! Не хотите ли пожать мне руку?

Вялые пальцы Твера исчезли в огромной лапе Мэллоу. Твер сказал:

— Мои намерения были искренними. Нелегко выкинуть человека, которого тут же линчуют. Этот управитель или кто он там, с трясущимися поджилками, не сможет спасти его. Это убийство.

— Ничем не мог помочь. Но, по правде говоря, данное происшествие плохо пахнет. Разве вы не обратили внимания?

— На что я должен был обратить внимание?

— Этот космопорт находится в самой глубине сонного, отдаленного района. И вдруг сбегает миссионер. Откуда? Он приходит сюда. Совпадение? Собирается огромная толпа. Откуда? Ближайший мало-мальски населенный город должен быть не менее чем в ста милях. Но они появились через полчаса. Каким образом?

— Каким? — откликнулся Твер.

— А если миссионера доставили сюда и выпустили на нас как приманку? Наш друг, преподобный Парма, был заметно потрясен. Он как будто не имел времени придти в себя.

— Грубое обращение… — пробормотал Твер с горечью.

— Может быть! А может быть, они хотели заставить нас проявить рыцарственность и галантность, глупо защищая его. Он находился здесь, нарушая законы Корелла и Установления. Удержи я его — и это явилось бы актом войны против Корелла, и Установление не имело бы законных оснований защищать уже нас.

— Это… это очень натянуто.

Взревел динамик, опередив ответ Мэллоу.

— Капитан, получено официальное сообщение.

— Немедленно доставить!

Из прорези со щелчком выскочил блестящий цилиндр. Мэллоу открыл его и вытряхнул листок, пропечатанный серебром. Он уважительно потер его пальцами и сказал:

— Телепортировано прямо из столицы. Из личной резиденции Коммдора.

Мгновенно прочитав сообщение, он коротко рассмеялся.

— Так значит, моя идея была натянутой?

Он бросил листок Тверу, добавив при этом:

— Через полчаса после того, как мы выдали миссионера, нам наконец пришло очень вежливое приглашение от августейшей особы Коммдора посетить его — на восьмые сутки ожидания. Я думаю, что мы прошли испытание.

5.

Коммдор Аспер был человеком из народа, по его собственному утверждению. Венчик сохранившихся на его голове седых волос вяло свисал на плечи, сорочка нуждалась в стирке, разговаривал он в нос.

— В этом нет ничего показного, Купец Мэллоу, — сказал он. — Никакой лживости. Во мне вы видите лишь первого гражданина государства. Вот что подразумевает звание Коммдора, и это

— единственный мой титул.

Казалось, все это внушало ему необыкновенную радость.

— В сущности, я рассматриваю данное обстоятельство как одну из крепчайших связей между Кореллом и вашим народом. Я понимаю, что вы не меньше нас наслаждаетесь республиканскими благами.

— Именно так, Коммдор, — серьезно сказал Мэллоу, мысленно протестуя против такого сравнения. — Данный аргумент является, с моей точки зрения, весомым доказательством в пользу дальнейшего мира и дружбы между нашими правительствами.

— Мир! Ах! — редкая седая бородка Коммдора задергалась в соответствии с сентиментальными гримасами его лица. — Не думаю, что на Периферии есть кто-либо ближе меня принимающий к сердцу идеалы мира. Я могу сказать откровенно — с тех пор, как я сменил моего знаменитого отца на посту руководителя государства, царивший повсюду мир никогда не был нарушен. Может быть, мне не стоило бы этого говорить, — он вежливо кашлянул, — но мне рассказывают, что мой народ или, скорее, мои сограждане, зовут меня Аспером Возлюбленным.

Взгляд Мэллоу бродил по хорошо ухоженному саду. Вероятно, рослые парни со странным на вид, но явно смертоносным оружием в руках, скрывавшиеся в темных углах, были предосторожностью против него самого. Это можно было понять. Но высоченные, окованные стальными балками стены, окружавшие это место, явно только что были дополнительно укреплены. Неужели столь Возлюбленный Аспер нуждался в этом? Мэллоу сказал:

— Я счастлив, что мне предстоит вести дела с вами, Коммдор. Деспоты и монархи окружающих миров, которым не выпала милость иметь просвещенное руководство, часто не обладают качествами, делающими правителя возлюбленным.

— Какими же?.. — в голосе Коммдора послышались осторожные нотки.

— Такими, как забота об интересах своего народа. Но вы, со своих позиций, все поймете.

Коммдор разглядывал усыпанную гравием дорожку, по которой они не спеша прогуливались. Его заложенные за спину руки поглаживали одна другую.

Мэллоу вкрадчиво продолжал:

— До сих пор торговля между нашими наро-

дами страдала от ограничений, наложенных на наших купцов вашим правительством. Конечно, для вас давно стало очевидным, что Неограниченная торговля…

— Свободная торговля! — пробормотал Комммдор.

— Пусть Свободная торговля. Вы должны видеть, что она будет выгодна для нас обоих. У вас существуют вещи, нужные нам, а у нас — вещи, нужные вам. Для неуклонного процветания необходим лишь взаимообмен. Для просвещенного правителя, подобного вам, друга народа — я бы осмелился сказать, представителя народа — не требуется дальше развивать эту тему. Я не буду оскорблять ваш интеллект дальнейшими разглагольствованиями.

— Правильно! Я-то все подметил давно. Ну а вы? — его голос зазвучал жалобным хныканьем. — Ваш народ всегда был таким неблагоразумным. Я одобряю любую торговлю, которую в состоянии поддержать наша экономика, но не на ваших условиях. Я здесь не единственный хозяин, — голос его окреп. — Я — лишь служитель общественного мнения. Мой народ не примет коммерции, несущей с собой принудительную религию.

Мэллоу весь подобрался.

— Принудительную религию?

— Ведь, в сущности, пока всегда обстояло так. Уж конечно вы помните историю с Асконой, двадцать лет назад. Сперва они купили кое-что из ваших товаров, а затем ваши люди попросили о полной свободе миссионерства для того, чтобы с товарами можно было правильно обращаться, и чтобы воздвигнуть Храмы Здоровья. А затем последовало основание религиозных школ; право автономии для всех служителей религии; и что же в итоге? Аскона теперь составная часть системы Установления, и Великий Мастер не может считать собственностью даже надетое на себя белье. О нет! О нет! Честь независимого народа никогда не перенесет подобного.

— Я не предлагаю ничего из перечисленного вами, — вставил Мэллоу.

— Да?

— Да! Я Старший Купец. Моя религия — деньги. Весь этот мистицизм и фокусы-покусы миссионеров меня раздражают, и я рад, что вы отказываетесь потакать им. Это в еще большей степени делает вас человеком в моем духе.

Коммдор визгливо и отрывисто рассмеялся.

— Отлично сказано! Установлению следовало

бы раньше прислать человека вашего калибра.

Он дружески положил руку на могучее плечо торговца.

— Но, мой милый, вы мне рассказали лишь половину. Вы изложили, чего в вашей уловке нет. Скажите же, в чем ее суть?

— Единственная уловка, Коммдор, заключается в том, что вы будете отягощены огромными богатствами.

— В самом деле? — тот фыркнул. — Но для чего мне богатства? Подлинное богатство — это любовь собственного народа. Она у меня есть.

— Вы можете иметь и то, и другое, ибо допустимо собирать золото одной рукой, а любовь — другой.

— Если б это было возможно, молодой человек, то я бы проявил интерес к такой замечательной возможности. Как же вы собираетесь ее осуществить?

— О, многими путями. Сложность заключается в выборе между ними. Погодите… Ну, к примеру, предметы роскоши. Вот хотя бы эта вещь…

Мэллоу осторожно достал из внутреннего кармана плоскую цепочку из полированного металла.

— Вот это, например.

— Что это?

— Эту вещицу надо продемонстрировать. Можете вы доставить сюда женщину? Подойдет любая молодая особа женского пола. И еще зеркало, в полный рост.

— Гм-м… Тогда пройдемте в дом.

Коммдор именовал свое обиталище домом. Население, без сомнения, величало его дворцом. На прямолинейный взгляд Мэллоу оно слишком уж смахивало на крепость. Оно было построено на возвышенности, господствовавшей над столицей. Стены были толстыми и укрепленными. Подходы охранялись, и вся архитектура была предназначена для обороны. Как раз подходящее жилище для Аспера Возлюбленного, раздраженно подумал Мэллоу.

Перед ними появилась девушка. Она низко поклонилась Коммдору, который сказал:

— Это одна из служанок Коммдоры. Она подойдет?

— Вполне!

Коммдор, внимательно посмотрев, как Мэллоу защелкнул цепочку на талии девушки, фыркнул:

— И это все?

— Не задернете ли вы занавеску, Коммдор? Юная дама, около защелки есть кнопочка. Не

сдвинете ли вы ее вверх, пожалуйста? Давайте, это вам не повредит.

Девушка сделала, как ей было велено, отрывисто вздохнула, взглянула на свои руки и ахнула.

Ее талия стала источником бледного, струящегося и разноцветного свечения, которое окутало ее с ног до головы и сверху соединилось в мерцающую коронку из жидкого огня. Словно кто-то сорвал с неба полярное сияние и скроил из него плащ. Девушка ступила к зеркалу и замерла в восхищении.

— Теперь возьмите это, — Мэллоу подал ей ожерелье из серых камешков. — Наденьте на шею.

Каждый из камешков, едва попав в сияющее поле, превратился в отдельный огонек, подрагивающий и искрящийся пурпуром и золотом.

— Как вам это нравится? — спросил у нее Мэллоу.

Девушка не ответила, но в глазах ее был восторг. Коммдор сделал знак, и она неохотно надавила кнопку. Все великолепие померкло. Она ушла, унося с собой воспоминания.

— Это вам, Коммдор, — сказал Мэллоу, — для Коммдоры. Считайте это маленьким подарком от Установления.

— Хм-м-м… — Коммдор вертел в руках пояс и

ожерелье, словно прикидывая их вес. — Как это делается?

Мэллоу пожал плечами.

— Это вопрос к нашим техническим специалистам. Но вы сможете это использовать, и, заметьте себе, без помощи жрецов.

— Ну что ж, но ведь это, в конце концов, всего лишь дамские побрякушки. Что можете вы сделать с ними? Откуда возьмутся деньги?

— Вы ведь даете балы, приемы, банкеты?

— О да.

— Вы осознаете, сколько заплатят женщины за такие украшения? По меньшей мере десять тысяч кредитов.

Коммдор остолбенел.

— Эге!

— А так как устройство питания этой вещицы проработает не более шести месяцев, появится необходимость частых замен. Мы же можем продать вам таких штучек столько, сколько вы пожелаете, в обмен на количество сварочного железа, эквивалентное тысяче кредитов. Вот вам и девятисотпроцентная прибыль.

Коммдор вцепился в свою бородку и, казалось, погрузился во впечатляющие умственные подсчеты.

— Галактика, как они будут грызться за них. Я же буду поддерживать запасы на низком уровне, и пусть они торгуются. Конечно, им не стоит знать, что я лично…

Мэллоу сказал:

— Если вам угодно, мы можем объяснить это деятельностью подставных корпораций. Ну а теперь возьмем весь ряд наших изделий для домашнего хозяйства. У нас есть складывающиеся печи, которые поджарят самое жесткое мясо до нужной кондиции в две минуты. У нас есть ножи, не требующие заточки. У нас есть эквивалент целой прачечной, которую можно запихать в маленькую кладовку, и работает она совершенно автоматически. А также посудомоечные машины. А также полотеры, полировщики мебели, пылепоглотители, регуляторы освещения — все, что вам угодно. Подумайте о росте вашей популярности, если вы сделаете все это доступным для общественности. Подумайте о росте объема ваших, э… мирских благ, коли все эти изделия сделаются правительственной монополией с девятисотпроцентной прибылью. Для людей они будут куда ценнее уплаченных за них денег, и никто не обязан будет знать, какую сумму вы сами платите за них. И, заостряю ваше внимание,

ничто из этого не требует наблюдения жрецов. Все будут счастливы.

— Кроме вас, кажется. А вы что от этого будете иметь?

— То, что имеет каждый купец согласно законам Установления. Мои люди и я — мы получим половину всей прибыли. Вы только купите все, что я хочу вам продать, и мы оба отлично разберемся. Отлично.

Коммдор наслаждался своими мыслями.

— Так чем, вы сказали, надо вам платить? Железом?

— Да, и углем, и бокситами. А также табаком, перцем, магнием, древесиной. Всего этого у вас в избытке.

— Звучит хорошо.

— Я тоже так думаю. О да, кстати, еще одна вещь, Коммдор. Я могу переоснастить ваши фабрики.

— Эге! Как это?

— Ну, возьмем ваши сталелитейные заводы. У меня есть удобные маленькие приспособления, которые вытворяют со сталью такое, что производственные затраты снизятся до одного процента от теперешнего уровня. Вы сможете вдвое снизить цены и по-прежнему делить с

производственниками высочайшую прибыль. Серьезно, я мог бы показать, что я имею в виду, если вы разрешите демонстрацию. У вас есть сталелитейный завод в этом городе? Показ не займет много времени.

— Это можно устроить, Купец Мэллоу. Но завтра, завтра. Не отобедаете ли вы с нами нынче вечером?

— Мои люди… — начал было Мэллоу.

— Пусть приходят все, — сказал Коммдор экспансивно. — Символический дружественный союз наших наций. Это даст нам повод для дальнейших дружественных дискуссий. Но только одно, — его лицо вытянулось и стало неумолимым, — ни слова о вашей религии. Не думайте, что все это — лазейка для миссионеров.

— Коммдор, — сухо заявил Мэллоу, — даю вам слово, что религия подорвет мои доходы.

— Тогда пока достаточно. Вас проводят на ваш корабль.

6.

Коммдора была намного моложе своего мужа. Выражение ее бледного лица было непроницаемым, черные волосы зачесаны назад гладко и туго.

— Вы закончили все вопросы, мой добрый и

благородный супруг? — спросила она язвительным тоном. — Все, все закончили? Может быть, теперь я смогу даже выйти в сад, когда мне захочется?

— Не надо устраивать сцен, Лисия, моя дорогая, — сказал Коммдор мягко. — Молодой человек сегодня вечером будет на обеде, и ты сможешь поговорить с ним о чем хочешь и даже развлечься, слушая все, о чем буду говорить я. Где-нибудь во дворце нужно отвести помещение для его людей — пусть звезды сократят их число.

— Небось они окажутся прожорливы как свиньи, слопают каждый по половине туши и выдуют по бочке вина. А ты будешь стонать ночами, подсчитывая расходы.

— А может и не буду. Невзирая на твое мнение, обед будет роскошным.

— Ах, понятно, — она с презрением уставилась на него. — Ты очень любезен с этими варварами. Может быть, именно поэтому мне не разрешили присутствовать при разговоре. Может быть, твоя сморщенная душонка строит козни против моего отца.

— Вовсе нет.

— Да, так я тебе и поверила. Если когда-нибудь несчастную женщину приносили в жертву по-

литике и принуждали к непривлекательному замужеству, так это именно меня. Я могла бы подобрать более подходящего человека среди грязных переулков моей родной планеты.

— Так-так, а вот что я вам скажу, госпожа моя. Может быть, вам понравится возвращение на вашу родную планету? Только при этом, чтобы оставить себе в виде сувенира ту часть вашего тела, с которой я знаком лучше всего, я прикажу отрезать вам язычок. И, — он нагнул голову вбок, что-то прикидывая, — и в дополнение, в качестве завершающего штриха к вашей красоте также ваши ушки и кончик носика.

— Ты не осмелишься, мопсик. Мой папа размелет ваш игрушечный народец в метеорную пыль. В сущности, он может это сделать в любом случае, коли я скажу ему, что ты имеешь дело с этими варварами.

— Хм-м-м. Ладно, не стоит грозиться. Можешь сама расспросить вечером нашего гостя. И кстати, госпожа моя, не давай воли своему игривому язычку.

— Это что, твой приказ?

— Вот, возьми это — и помалкивай.

Цепочка оказалась на ее поясе, ожерелье — на шее. Коммдор сам нажал кнопку и отошел.

Коммдора вытянула руки, затаив дыхание. Она осторожно потрогала ожерелье и снова ахнула.

Коммдор довольно потер ладони и сказал:

— Можешь надеть это вечером. Я достану тебе еще. А теперь помалкивай.

Коммдора замолчала.

7.

Джейм Твер суетился и переминался с ноги на ногу. Он сказал:

— А у вас-то отчего унылая физиономия?

Гобер Мэллоу оторвался от своих раздумий.

— У меня унылая физиономия? Это кажется.

— Вчера что-то случилось? Я имею в виду — помимо банкета, — и со внезапной убежденностью Твер спросил: — Мэллоу, у вас есть какой-то повод для беспокойства, не так ли?

— Для беспокойства? Нет. Совсем наоборот. В сущности, все выглядит, как если бы я всем своим весом навалился на дверь и обнаружил, что она уже отворена. Мы слишком легко попадем на этот завод.

— Вы подозреваете западню?

— О, ради Селдона, не впадайте в мелодраматичность, — Мэллоу подавил раздражение и в тоне обычной беседы добавил: — Легкий вход говорит лишь о том, что увидеть там будет нечего.

— В смысле атомной энергии? — Твер призадумался. — Я вам скажу вот что. Здесь, на Корелле, нет практически никаких указаний на использование атомной энергии в экономике. А замаскировать следы разнообразных воздействий, которые повсюду оставляют фундаментальные технологии вроде атомной, было бы адски трудно.

— Не так уж трудно — если она только начала развиваться и употребляется лишь в военной промышленности. Тогда ее можно обнаружить разве что в доках и на сталелитейных заводах.

— Значит, если мы ее не увидим, то…

— Значит, ее у них нет — или они ее не показывают. Бросьте монетку или загадайте.

Твер покачал головой.

— Хотел бы я вчера быть с вами.

— Я тоже хотел бы этого, — сказал Мэллоу с каменным видом. — Я не возражаю против моральной поддержки. К несчастью, условия встречи оговаривал Коммдор, а не я. А вот подъезжает что-то, смахивающее на королевский мобиль, чтобы эскортировать нас на завод. Вы взяли все приспособления?

— Все до единого.

Огромный завод нес в себе тот запах распада, который никакие косметические ремонты не могут убрать полностью. Сейчас он был пуст и неестественно тих, приняв непривычных гостей — Коммдора со своим двором.

Мэллоу с легкостью поднял стальную полосу и грохнул ею, водрузив на две подпорки. Он взял протянутый Твером инструмент и, сжав кожаную рукоять, вытянул его из свинцового футляра.

— Инструмент, — сказал он, — опасен так же, как и циркулярная пила. Просто надо держать пальцы подальше.

Говоря это, он быстро провел щелеобразным соплом по всей высоте стальной полосы, и та тихо и мгновенно распалась на две части.

Все единодушно подскочили, и Мэллоу рассмеялся. Он подобрал одну из половинок и подпер ее коленом.

— Вы можете отрегулировать глубину разреза с точностью до одной сотой дюйма, и двухдюймовая полоса будет разрезана посередке так же легко, как эта железка. Если вы точно оцените толщину, то сможете положить сталь на деревянный стол и рассечь металл, не поцарапав дерева.

При каждой фразе атомный резак двигался, и выдолбленный кусок стали летел через поме-

щение.

— Вот это, — продолжал Мэллоу, — снятие стружки со стали.

Он снова взял ножницы.

— Или, допустим, вы имеете плоскость. Хотите ли вы уменьшить толщину полосы, сгладить шероховатости, удалить коррозию? Следите!

С другой половины полосы стала слетать тонкая, прозрачная лента, сперва шести-, потом восьми-, потом двенадцатидюймовой ширины.

— Или сверлить? Принцип тот же.

Теперь все столпились вокруг. Это смахивало на демонстрацию ловкости рук, трюки бродячего фокусника, действие из водевиля, на ходу превращающееся в искусное коммивояжерство. Коммдор Аспер щупал кусок стали. Высшие чины правительства приподнимались на цыпочки, заглядывали друг другу за плечи и перешептывались, а Мэллоу между тем прикосновениями атомного сверла пробивал чистые, совершенные по форме отверстия в закаленной стали дюймовой толщины.

— И еще одна демонстрация. Кто-нибудь, принесите два коротких куска трубы.

Из взволнованной и сосредоточенной толпы выделился Почетный Камергер чего-то-там-тако-

го и послушно помчался исполнять поручение, не брезгуя замарать руки подобно простому рабочему.

Мэллоу поставил куски трубы вертикально, обрезал концы одним движением инструмента и соединил свежие срезы.

И они превратились в цельную трубу! Чистые концы, на которых отсутствовали шероховатости даже атомарного размера, при соединении образовали единое целое.

Когда Мэллоу оглядел свою аудиторию, он запнулся на первом же слове. Что-то в его груди возбужденно и пронзительно встрепенулось, под ложечкой заколoло и похолодело.

Во всеобщем смятении личные телохранители Коммдора тоже пробрались в передние ряды, и Мэллоу впервые оказался достаточно близко, чтобы как следует разглядеть их необычное оружие.

Оно было атомным! Ошибиться было невозможно: оружие взрывного действия, стреляющее пулями, не могло бы иметь подобный ствол. Но не это было главным. Это вообще ничего не значило.

На рукоятях этого оружия были глубоко выгравированы и сохраняли следы уже стертого золота Звездолет и Солнце!

Те самые Звездолет и Солнце, что были оттиснуты на переплетах каждого из огромных томов Энциклопедии, начатой Установлением и все еще не оконченной. Те самые Звездолет и Солнце, что тысячелетиями осеняли знамя Галактической Империи.

Мэллоу заговорил, с трудом пробиваясь сквозь собственные мысли.

— Проверьте эту трубу! Она цельная. Но это еще не идеал: соединение, разумеется, надо делать не вручную.

Нужды в дальнейших фокусах не было. Все завершилось. Мэллоу прорвался. Он нашел то, что хотел. На уме у него было лишь одно: золотой шар со стилизованными лучами и косая сигарообразная форма космического корабля.

Звездолет и Солнце Империи!

Империи! Эти слова буквально впивались в мозг! Прошло полтора века, но Империя все еще существовала где-то в глубинах Галактики. И теперь она снова приближалась к Периферии.

Мэллоу улыбнулся.

9.

"Дальняя Звезда" уже два дня находилась в космосе, когда Гобер Мэллоу, находясь в своей личной каюте, вызвал старшего лейтенанта Драв-

та и вручил ему конверт, катушку микропленки и серебристый сфероид.

— Спустя час, лейтенант, вы станете исполнять обязанности капитана "Дальней Звезды" до моего возвращения — или навсегда.

Дравт сделал попытку подняться, но Мэллоу повелительным жестом усадил его опять.

— Успокойтесь и слушайте. Конверт содержит точное местоположение планеты, к которой вы направитесь. Там вы будете ждать меня в течение двух месяцев. Если до их истечения вас обнаружит Установление, то моим отчетом о путешествии станет эта микропленка. Если, однако, — и голос его помрачнел, — я не вернусь через два месяца, а корабли Установления вас не обнаружат, вы отправитесь на планету Терминус и вручите там капсулу в качестве отчета. Вы все поняли?

— Да, капитан.

— И ни вы, ни кто-либо из экипажа никогда не должны хоть в чем-нибудь дополнять мой официальный отчет.

— А если нас будут расспрашивать, капитан?

— Вы ничего не знаете.

— Да, капитан.

Разговор закончился, и спустя пятьдесят минут

спасательная шлюпка легко оттолкнулась от борта "Дальней Звезды".

10.

Онум Барр был старым человеком — слишком старым, чтобы бояться. Со времен последних беспорядков он жил уединенно, в самом захолустье, с теми книгами, которые он смог спасти из руин. Он ничего не боялся потерять, тем более — остаток своей изношенной жизни, и потому встретил неожиданное вторжение, не моргнув глазом.

— Ваша дверь была открыта, — пояснил незнакомец.

Он говорил жестко, глотая слова. Барр не преминул заметить на его бедре странное оружие из голубоватой стали. В полумраке своей комнатушки Барр также увидел свечение силового поля, окружавшее этого человека. Он устало произнес:

— Нет причин ее запирать. Вам что-то от меня нужно?

— Да.

Незнакомец остался стоять в центре комнаты. Он был крупным, рослым человеком.

— Здесь живете только вы.

— Это место уединенное, — согласился Барр, но к востоку находится город. Я могу показать вам дорогу.

— Попозже. Могу я сесть?

— Если стулья вас выдержат, — сказал старик серьезно.

Стулья тоже были старыми. Остатки былого блеска.

Незнакомец сказал:

— Меня зовут Гобер Мэллоу. Я прибыл из дальней провинции.

Барр кивнул и улыбнулся.

— Ваш язык давно выдал вас. Я Онум Барр с Сивенны — и некогда патриций Империи.

— Так значит, это в самом деле Сивенна. У меня были только старые карты для ориентировки.

— Они, видимо, и вправду старые, раз положение звезд уже успело измениться.

Барр сидел совершенно спокойно, пока его гость смотрел куда-то задумчивым взглядом. Старик заметил, что атомное защитное поле вокруг пришельца исчезло, и горько признался сам себе, что его персона больше не устрашает незнакомцев — и даже, к сожалению (а может быть — к счастью?), его врагов. Он сказал:

— Мой дом беден, и мои запасы скудны. Вы можете разделить их со мной, если ваш желудок справится с черным хлебом и сушеным зерном.

Мэллоу покачал головой.

— Нет, я ел, и я не могу задерживаться. Все, что мне нужно — это объяснения, как добраться до центра здешнего руководства.

— Дать их достаточно легко. Как бы я ни был беден, это ничего у меня не отнимет. Вы имеете в виду столицу планеты или имперского сектора?

Глаза молодого человека прищурились.

— Разве это не одно и то же? Разве это не Сивенна?

Старый патриций медленно кивнул.

— Сивенна, да. Но Сивенна больше не является столицей Норманнского сектора. Ваша старая карта все-таки подвела вас. Звезды могут не сдвигаться с места веками, но политические границы слишком зыбки.

— Это плохо. В сущности, очень плохо. А далеко ли новая столица?

— Она на Орше II. В двадцати парсеках. Ваша карта укажет вам. Насколько она стара?

— Ей сто пятьдесят лет.

— Такая старая? — старик вздохнул. — С тех пор история развивалась бурно. Вы хоть что-нибудь о ней знаете?

Мэллоу покачал головой. Барр сказал:

— Вы счастливец. Для провинций это были тяжелые времена, исключая правление Станнелла

VI, а он умер пятьдесят лет назад. С тех пор — мятежи и гибель, гибель и мятежи.

Барр остановился, не желая показаться слишком болтливым. Жить здесь было одиноко, и так мало представлялось случаев поговорить с кем-либо.

Мэллоу сказал с неожиданной резкостью:

— Гибель? Да? Вы говорите так, словно провинция оскудела.

— Возможно, не в абсолютном смысле. Физические ресурсы двадцати пяти первоклассных планет исчерпаются не так-то быстро. Однако в сравнении с изобилием прошлого века мы давно катимся под гору, и нет никаких признаков поворота вспять — во всяком случае, пока. А вы-то зачем всем этим интересуетесь, молодой человек? Вы — сама жизнь, взор ваш сверкает!

Торговец чуть покраснел: эти потухшие глаза, казалось, слишком глубоко заглянули в его собственные и улыбнулись увиденному там. Он сказал:

— Послушайте, я — купец издалека, с края Галактики. Я нашел разные старые карты и путешествую в поисках новых рынков сбыта. Естественно, рассказы об опустошенных провинциях меня беспокоят. Нельзя получить деньги

в том мире, где денег нет. Как насчет Сивенны, к примеру?

Старик подался вперед.

— Я не могу сказать. Может быть, она на что-то годится и сейчас. Но неужто вы купец? Вы больше похожи на воина. Вы не убираете руки с оружия, а на вашей скуле заметен шрам.

Мэллоу мотнул головой.

— Там, откуда я прибыл, не очень-то много законности. Драки и шрамы входят в накладные расходы купца. Но драки имеют смысл только тогда, если по завершении они приносят деньги, и я бываю особенно рад, если мне предоставляется возможность получить их без драки. Так найду ли я здесь достаточно денег, чтобы оправдать драки? Поскольку, кажется, ввязаться в драку здесь легче легкого.

— Вы правы, легче легкого, — согласился Барр. — Вы можете присоединиться к остаткам войск Вискарда среди Красных Звезд. Правда, я не знаю, посчитаете ли вы это драками или пиратством. Или же вы можете примкнуть к нынешнему милостивому вице-королю — милостивому по праву убийства, грабежа, насилия, и по слову мальчишки-Императора, которого с тех пор заслужено прикончили.

Высохшие щеки патриция порозовели. Его веки опустились, потом глаза сверкнули вновь.

— Вы как будто не очень дружелюбно настроены по отношению к вице-королю, патриций Барр, — заметил Мэллоу. — А что если я один из его шпионов?

— Ну и что? — горько произнес Барр. — Что вы можете у меня отобрать?

Он обвел иссохшей рукой пустые стены разваливающегося домика.

— Вашу жизнь.

— Она легко покинет меня. Она уже пять лет медлит со мной расстаться. Но вы не из людей вице-короля. Будь вы одним из них, даже сейчас инстинкт самосохранения не дал бы мне вымолвить и слова.

— Откуда вы это знаете?

Старик усмехнулся.

— Вы, оказывается, подозрительны. Серьезно, держу пари — вы думаете, что я стараюсь втянуть вас в заговор против правительства. Нет, нет. Я покончил с политикой.

— Покончили с политикой? Разве человек может с ней покончить? Какими словами вы описывали вице-короля, дайте вспомнить. Убийства, грабежи, и так далее, и тому подобное. Вы не

оставляете впечатления объективного человека. Вовсе нет. Нет, коли вы утверждаете, что покончили с политикой.

Старик пожал плечами.

— Воспоминания жгут, когда они подступают внезапно. Слушайте и судите сами! Когда Сивенна была столицей провинции, я являлся патрицием и членом провинциального сената. Мой род стар и почтенен. Один из моих прадедов… Нет, это неважно. От былой славы мало проку.

— Полагаю, — сказал Мэллоу, — произошла гражданская война или революция.

Лицо Барра помрачнело.

— Гражданские войны стали хроническими в эти времена вырождения, но Сивенна держалась от них в стороне. При Станнелле VI она почти достигла былого процветания. Но его сменили слабые Императоры, а слабые Императоры подразумевают сильных вице-королей, а наш последний вице-король — тот самый Вискард, остатки войск которого все еще гоняются за добычей среди Красных Звезд — нацелился на императорский пурпур. Он не был первым. И если б он преуспел, он не был бы первым из преуспевших. Но он проиграл, ибо когда императорский адмирал подошел со своим флотом к провинции,

Сивенна сама восстала против мятежного вице-короля, — он печально замолк.

Мэллоу обнаружил, что, напрягшись, сидит на краю стула, и тихо отодвинулся назад.

— Пожалуйста, продолжайте, уважаемый патриций.

— Благодарю вас, — устало произнес Барр. — С вашей стороны очень любезно шутить над стариком. Они восстали; точнее, мы восстали, ибо я был одним из не самых главных предводителей. Вискард бежал с Сивенны, едва опередив нас, и планета, а с ней и вся провинция, были открыты адмиралу со всеми выражениями лояльности Императору. Почему мы так поступили, я не совсем понимаю. Может быть, мы чувствовали верность хотя бы символу, если не личности Императора — жестокого и злобного ребенка. Может быть, мы боялись ужасов осады.

— И что же? — мягко настаивал Мэллоу.

— И что же, — последовала мрачный ответ, — это не удовлетворило адмирала. Он желал славы завоевателя мятежной провинции, а его люди жаждали добычи, без которой немыслимо подобное завоевание. Так что когда народ, собравшись во всех крупных городах, приветствовал Императора и его адмирала, тот захватил все арсеналы и

приказал открыть огонь по населению из атомных бластеров.

— Под каким предлогом?

— Под тем предлогом, что народ восстал против своего вице-короля, императорского помазанника. А новым вице-королем стал сам адмирал — за доблесть месячной резни, грабежа и кошмаров. Я имел шестерых сыновей. Пятеро из них погибли — при разных обстоятельствах. Я имел дочь. Я надеюсь, что она тоже в конце концов погибла. Я спасся, потому что я стар. Я укрылся здесь, и я слишком стар, чтобы внушить опасения даже нашему вице-королю, — он склонил седую голову. — Они не оставили мне ничего, потому что я помог изгнать мятежного губернатора и лишил адмирала его славы.

Мэллоу помолчал, выжидая.

— Что же стало с вашим шестым сыном? — спросил он наконец мягким тоном.

— А! — Барр едко рассмеялся. — Он в безопасности, поскольку он присоединился к войскам адмирала под вымышленным именем, как простой солдат. Он артиллерист личного флота вице-короля. О нет, я же читаю вопрос в ваших глазах. Он вполне обыкновенный сын. Он навещает меня при возможности и помогает, чем

может. Он поддерживает во мне жизнь. И когда-нибудь наш великий и славный вице-король будет ползать в ожидании смерти, а мой сын станет его палачом.

— И все это вы рассказываете незнакомцу? Вы подвергаете опасности своего сына.

— Нет. Я помогаю ему, выводя на сцену еще одного союзника. А если бы я был не заклятым врагом, а преданным другом вице-короля, я бы посоветовал ему заполнить кораблями весь внешний космос, вплоть до края Галактики.

— А там нет кораблей?

— Разве вам попался хоть один? Или какая-нибудь космическая стража допрашивала вас при подходе? Когда кораблей недостает, а каждая из пограничных провинций охвачена своей долей интриг и беззакония, ни у одной из них нет возможности выделить корабли для охраны от внешних варварских солнц. И никакая опасность не угрожала нам со стороны отломившегося края Галактики — пока не пришли вы.

— Я? Я не составляю опасности.

— За вами появятся другие.

Мэллоу тихо покачал головой.

— Я не уверен, что вполне понимаю вас.

— Послушайте! — голос старика зазвучал воз-

бужденно. — Я узнал вас, когда вы только вошли. Вы имеете силовую защиту вокруг своего тела — по крайней мере имели, когда я вас увидел впервые.

Смущенное молчание.

— Да… имел.

— Хорошо. Это было ошибкой, хотя вы этого и не знали. А я кое-что знаю. В нынешние времена упадка немодно быть ученым. События мчатся и давят, и тот, кто не может противостоять их натиску с атомным бластером в руке, сметается прочь, подобно мне. Но я был ученым, и я знаю, что за всю историю атомной техники портативная силовая защита никогда не была изобретена. У нас есть силовая защита — огромные, громыхающие установки, которые могут защитить город или даже корабль, но не одного-единственного человека.

— А-а… — Мэллоу выпятил нижнюю губу. — И какой вывод сделали вы из этого?

— Сквозь космос просачиваются всякие истории. Они движутся необычными путями и с каждым парсеком все более искажаются, но… Когда я был молод, как-то появился небольшой корабль со странными людьми, которые не знали наших обычаев и не могли объяснить, откуда они

прибыли. Они толковали о волшебниках на краю Галактики: волшебниках, которые светятся в темноте, которые летают по воздуху без посторонней помощи, которых не может поразить оружие. Мы смеялись. Я тоже смеялся. Я забыл обо всем этом и не помнил до сегодняшнего дня. Но вы светитесь в темноте, и я не думаю, что мой бластер, будь он у меня, мог бы поразить вас. Скажите, можете ли вы, сидя вон там, подняться в воздух?

Мэллоу спокойно ответил:

— Ничего такого я не умею.

Барр улыбнулся.

— Я удовлетворен ответом. Я не имею привычки допрашивать своих гостей. Но если волшебники существуют, и вы — из них, то в один прекрасный день может случиться целый наплыв таких как вы. Возможно, это будет к лучшему. Может быть, нам требуется свежая кровь, — он беззвучно бормотал что-то про себя, потом медленно добавил: — Но дела могут повернуться и прямо противоположным образом. Наш новый вице-король тоже мечтает, подобно прежнему Вискарду.

— И тоже об императорской короне?

Барр кивнул.

— Мой сын наслышан о всяком. Находясь среди личного окружения вице-короля, этого трудно

избежать. И кое-что он рассказывает мне. Наш новый вице-король не откажется от короны, будь она ему предложена, но он готовит и пути к отступлению. Поговаривают, что не достигнув имперских высот, он думает сколотить новую империю на варварском побережье. Говорят также, но за это я не ручаюсь, что он уже отдал одну из своих дочерей в жены некоему царьку где-то в не занесенной на карты части Периферии.

— Если прислушиваться ко всем подобным историям…

— Я знаю. Их множество. Я стар и несу чушь. Но что же скажете вы? — и проницательные старые глаза вновь вперились в Мэллоу.

Торговец о чем-то размышлял.

— Я ничего не скажу. Но хотел бы спросить еще кое о чем. Имеет ли Сивенна атомную энергию? Нет, погодите, я понимаю, что познания в атомной технологии у вас есть. Я спрашиваю вот о чем: в порядке ли атомные генераторы, или при недавних грабежах они были уничтожены?

— Уничтожены? О нет. Скорее была бы сметена половина всей планеты, чем тронута хоть самая маленькая атомная станция. Они незаменимы, и они обеспечивают энергией флот… У нас самые крупные и мощные станции, не считая самого

Трантора, — добавил он едва ли не с гордостью.

— Так что же мне сделать для начала, чтобы получить возможность посмотреть на эти генераторы?

— Ничего! — решительно ответил Барр. — Вы не сможете приблизиться ни к одной военной зоне без того, чтобы вас тут же не подстрелили. И никто этого не сможет. Сивенна все еще лишена гражданских прав.

— Вы хотите сказать, что все энергостанции контролируются военными?

— Нет. В городах есть маленькие станции — те, что дают энергию для обогрева и освещения домов, работы транспорта и так далее. Но с ними дело обстоит почти так же. Их контролируют техники.

— Кто это такие?

— Это особая каста, наблюдающая за работой энергостанций. Эта честь является наследственной, молодежь постигает профессию в годы ученичества. Воспитание чувства долга, чести и все такое. Никто, кроме техника, не может войти на станцию.

— Понятно.

— Я не хочу сказать, однако, — добавил Барр, — что не было ни единого случая подкупа техников.

Во времена, когда за пятьдесят лет сменилось девять Императоров, семеро из которых были убиты; когда любой космический капитан грезит об узурпации вице-королевства, а каждый вице-король — об императорской власти, я готов допустить, что даже техник может стать жертвой подкупа. Но это потребует изрядной суммы, которой у меня нет. Есть ли она у вас?

— Деньги? Нет. Но разве подкуп делается только с помощью денег?

— А как же, раз за деньги покупается все остальное?

— Есть много вещей, которых не купить за деньги. А если вы теперь расскажете мне, где тут ближайший город с атомной станцией и как туда лучше всего добраться, я буду вам благодарен.

— Погодите! — Барр выбросил вперед свои худые руки. — Куда вы мчитесь? Вы явились сюда, но здесь только я не задаю вопросов. В городе, жителей которого до сих пор именуют мятежниками, к вам придерется первый же солдат или охранник, который услышит ваш акцент или увидит вашу одежду.

Он встал, порылся в потайном ящике старого сундучка и вытащил книжечку.

— Мой паспорт — поддельный. Я с ним бежал.

Он сунул паспорт в руку Мэллоу и крепко сжал его пальцы.

— Описание не подойдет, но если вы сможете заговорить им зубы, есть шанс, что присматриваться они не будут.

— А вы? Вы же остаетесь без документов.

Старый изгнанник цинично пожал плечами.

— Ну и что? И, кстати, будьте осторожнее, открывая рот! Ваше произношение — варварское, выражения необычные, то и дело с вашего языка слетают самые невероятные архаизмы. Чем меньше вы будете говорить, тем меньше подозрений к себе привлечете. А теперь я расскажу вам, как добраться до города…

Пятью минутами позже Мэллоу ушел.

Прежде чем уйти окончательно, он, однако, на миг возвратился к дому старого патриция. И когда Онум Барр на следующее утро вышел в свой маленький садик, он обнаружил под ногами ящик. В нем оказалась провизия — концентрированные продукты, которые употребляются во время космических полетов, незнакомые по вкусу и приготовлению.

Но они были хороши, и их хватило надолго.

11.

Техник был небольшого роста, с лоснящейся

от сытости кожей. Сквозь бахрому волос розово просвечивал череп. На пальцах были надеты толстые массивные кольца, одежда пахла благовониями, и к тому же он был первым человеком из встреченных Мэллоу на этой планете, который не выглядел голодным.

Рот техника недовольно скривился.

— Ну-ка, любезный, побыстрее. Меня ждут чрезвычайно важные дела. Вы, как видно, чужеземец.

Он, судя по всему, оценил костюм Мэллоу, явно не сивеннского покроя, и глаза его подозрительно сощурились.

— Я не из близких мест, — успокоительно произнес Мэллоу, — но к делу это не относится. Я имел честь отправить вам вчера небольшой подарок…

Нос техника задрался кверху.

— Я получил его. Любопытная безделушка. Может быть, при случае я ею воспользуюсь.

— У меня есть и другие, более интересные подарки. И вовсе не безделушки.

— О-о! — голос техника задумчиво застрял на этом звуке. — Думаю, я уже угадал, куда клонится разговор: такое случалось и раньше. Вы собираетесь предложить мне тот или иной пустяк:

немного кредитов, какой-нибудь плащ, второсортные драгоценности; все, что ваша душонка посчитает достаточным для подкупа техника, — его нижняя губа воинственно выпятилась. — И я знаю, что именно вы пожелаете получить в обмен. Других тоже осеняла такая же блестящая идея. Вы мечтаете быть принятым в наш клан. Вы мечтаете постигнуть тайны атомной техники и ухода за машинами. Вы думаете, что раз вы, сивеннские собаки — а за чужеземца вы себя выдаете, вероятно, для безопасности, — ежедневно подвергаетесь заслуженному наказанию за свой мятеж, то сможете выпутаться, окутав себя привилегиями и защитой гильдии техников.

Мэллоу собирался было что-то сказать, но техник внезапно заорал:

— А теперь убирайтесь, пока я не сообщил ваше имя протектору города. Или вы думаете, что я злоупотреблю оказанным мне доверием? Те сивеннские изменники, что были до меня — возможно, они поступили бы так! Но вы не с таким человеком имеете дело. Клянусь Галактикой, я поражаюсь, что сам не убил вас прямо сейчас голыми руками.

Мэллоу улыбнулся про себя. Вся речь была явно искусственна по тону и содержанию, так что

благородное негодование выродилось в скучный фарс.

Торговец с усмешкой глянул на две вялые руки — предполагаемое средство убийства — и сказал:

— Ваша мудрость, вы трижды ошиблись. Во-первых, я не креатура вице-короля, явившаяся для проверки вашей лояльности. Во-вторых, мой подарок такого рода, что сам Император при всем своем величии не имеет возможности его заполучить. В-третьих, взамен я прошу очень мало, в сущности, вообще ничего.

— Это вы так говорите! — техник снизошел до грубого сарказма. — Ну и что же это за императорский дар, который ваше бесподобное могущество пожелало вручить нам? Нечто, недоступное Императору? А? — он разразился насмешливыми взвизгиваниями.

Мэллоу поднялся и отодвинул стул.

— Я ждал три дня, чтобы увидеть вас, ваша мудрость, показ же займет лишь три секунды. Если вы соблаговолите вытащить тот бластер, рукоять которого я вижу близ вашей руки…

— Э?

— И выстрелить в меня, я буду очень вам благодарен.

— Что-о?

— Если я буду убит, вы можете сообщить полиции, что я пытался подкупить вас, дабы выведать секреты гильдии. Вы получите немалую награду. Если же я не буду убит, вы можете получить мое защитное поле.

Техник впервые обратил внимание на туманно-белое свечение, тесно окутывавшее его гостя, словно тот был окружен жемчужной пылью. Он поднял бластер и, в изумлении и недоверии зажмурив глаза, нажал на контакт.

Молекулы воздуха, захваченные внезапной волной атомного распада, были ободраны в светящиеся, жгучие ионы, обозначившие слепящую тонкую линию; она поразила Мэллоу в сердце — и расплескалась!

Терпеливое выражение на лице Мэллоу даже не изменилось; обрушившиеся на него атомные силы исчерпали себя, пробиваясь через этот хрупкий жемчужный свет, и, отброшенные, растаяли в воздухе.

Бластер техника упал на пол со стуком, на который никто не среагировал.

Мэллоу промолвил:

— Имеет ли Император личную силовую защиту? А вы можете ее иметь.

Техник заикался.

— Вы — техник?

— Нет.

— Тогда откуда вы это взяли?

— А вам-то что? — Мэллоу был холодно-презрителен. — Вы хотите ее?

На стол упала тонкая, узловатая цепочка.

— Вот она.

Техник вцепился в нее и начал нервно перебирать пальцами.

— Это полный комплект?

— Полный.

— Где источник энергии?

Палец Мэллоу указал на самый крупный узелок в свинцово-серой оболочке. Техник поднял взгляд, лицо его налилось кровью.

— Сударь, я техник старшего класса. Двадцать лет я работаю супервизором, и я учился в Транторианском университете у самого великого Блера. Если вы в своем адском шарлатанстве будете уверять меня, что маленький контейнер величиной в грецкий орех, чтоб ему взорваться, содержит атомный генератор, я через три секунды доставлю вас к протектору.

— Тогда объясните все сами, если сможете. Я заявляю, что это — полный комплект.

Постепенно успокоившись, техник закрепил

цепочку на поясе и, следуя жесту Мэллоу, надавил на кнопку. Его окружило свечение, сложившееся в смутный рельеф. Он поднял бластер, потом, заколебавшись, медленно отрегулировал его на почти безопасный минимальный уровень разряда. Затем он судорожно замкнул контакт, и атомный огонь безвредно расплескался об его руку.

Он рывком повернулся.

— А что если я пристрелю вас сейчас и оставлю защиту себе?

— Попробуйте! — сказал Мэллоу. — Неужто вы думаете, что я отдал вам мой единственный экземпляр?

И тут его тоже окутало свечение. Техник нервно хихикнул. Бластер стукнулся о стол. Техник сказал:

— И какая же это ничтожная мелочь нужна вам взамен?

— Я хочу увидеть ваши генераторы.

— Вы же понимаете, что это запрещено. За такое нас обоих выкинут в космос…

— Я не намерен прикасаться к ним или что-нибудь вообще с ними делать. Я хочу посмотреть на них — издали.

— А если я откажу вам?

— Если откажете, то у вас есть ваша защита, но у меня есть другие вещи. В частности, бластер, специально сконструированный, чтобы пробивать эту защиту.

— Хм-м-м, — глаза техника забегали. — Пойдемте со мной.

12.

Дом техника представлял собой небольшую двухэтажную пристройку к огромному кубическому зданию без окон, господствовавшему над центром города. Мэллоу перешел из одного строения в другое по подземному переходу и оказался в тихой, насыщенной озоном атмосфере энергостанции.

В течение пятнадцати минут он молча следовал за своим проводником. Его взгляд фиксировал все окружающее. Его пальцы ни к чему не прикасались. Наконец, техник сдавленно выговорил:

— Достаточно с вас? Я не могу доверять подчиненным в таком деле.

— А вообще можете? — иронически спросил Мэллоу. — С меня достаточно.

Они вернулись в кабинет техника, и Мэллоу задумчиво произнес:

— И все эти генераторы находятся в ваших руках?

— До единого, — подтвердил техник самодовольным тоном.

— И вы их поддерживаете в порядке?

— Именно так.

— А если они сломаются?

Техник негодующе замотал головой.

— Они не сломаются. Они никогда не ломаются. Они вечные.

— Вечность длится довольно долго. Только предположим…

— Это ненаучно — предполагать бессмысленные вещи.

— Отлично. Допустим, я взорву бластером какую-либо жизненно важную часть. Полагаю, ваши машины не защищены от действия атомных сил? Допустим, я расплавлю важный кабель или разобью кварцевую D-лампу.

— Что ж, тогда вы будете убиты, — яростно вскричал техник.

— Да, я это знаю, — Мэллоу тоже поднял голос, — но как насчет генератора? Сможете ли вы его починить?

— Сударь, — взревел техник, — вы получили взамен все, что хотели, по-честному! Теперь убирайтесь! Я вам ничего более не должен!

Мэллоу с наигранным почтением поклонился

и ушел.

Двумя днями позже он был уже там, где ожидала его "Дальняя Звезда", чтобы вернуться вместе со своим капитаном на планету Терминус.

А еще двумя днями позже защитное поле техника выключилось и, несмотря на все его старания и проклятия, так никогда и не засветилось снова.

13.

Мэллоу расслабился впервые за шесть месяцев. Он лежал на спине в "солнечной комнате" своего нового дома, раздевшись догола. Его огромные загорелые руки были раскинуты в стороны, мускулы их то вздувались в усилии, то, отдыхая, опадали.

Сидевший рядом человек сунул в зубы Мэллоу сигару и зажег ее. Попыхивая своей собственной, он сказал:

— Ты, должно быть, переработался. Вероятно, тебе надо было бы отдохнуть еще.

— Может быть и так, Джаэль, но уж лучше я отдохну в кресле Совета. Потому что я собираюсь занять это кресло, а ты собираешься мне помочь в этом.

Анкор Джаэль спросил, подняв брови:

— А какое я к этому имею отношение?

— Самое прямое. Во-первых, ты собаку съел на

политиканстве. Во-вторых, тебя вышиб из твоего министерского кресла Джорейн Сатт, а он из тех, кто скорее отдаст глаз, чем увидит меня в Совете. А ты, видно, не очень-то высокого мнения о моих шансах?

— Не очень, — согласился бывший министр образования. — Ты смирниец.

— Это не может быть законным препятствием. Я имею юридическое образование.

— Ну, ну, как бы не так. Предрассудки следуют только своим собственным законам. Ну а как насчет твоего человека — этого Джейма Твера? Он-то что говорит?

— Он уже почти год болтает о том, чтобы провести меня в Совет, — живо ответил Мэллоу, — но я перерос его. Он в любом случае не потянул бы. Не хватает глубины. Он громогласен и прямолинеен — но это только внешние проявления, приносящие больше вреда. Я же хочу подготовить настоящий удар. Я нуждаюсь в тебе.

— Джорейн Сатт — умнейший политик планеты, и он будет против тебя. Я не уверен, что смогу перехитрить его. И ты не надейся, — он сражается всерьез и не брезгует подлыми приемами.

— У меня есть деньги.

— Это поможет. Но понадобится куча денег,

чтобы купить свободу от предрассудков — тебе-то, грязному смирнийцу.

— У меня есть куча денег.

— Ладно, я пораскину мозгами насчет этого дела. Но чтоб ты потом не шел на попятный и не блеял, будто это я втянул тебя… Кто это там?

Уголки рта Мэллоу опустились. Он сказал:

— Думаю, что Джорейн Сатт собственной персоной. Он явился спозаранку, и это мне понятно. Я уже месяц увертываюсь от него. Послушай, Джаэль, пройди в соседнюю комнату и включи динамик, только потише. Я хочу, чтобы ты слушал.

Шлепая босыми ногами, он проводил советника, затем завернулся в шелковый халат. Синтезированный солнечный свет упал до нормальной яркости.

Секретарь мэра чопорно вступил в комнату. Величественный мажордом на цыпочках возвратился к двери и закрыл ее за собой. Мэллоу подтянул пояс и сказал:

— Выбирайте кресло, Сатт.

Сатт изобразил на лице слабую улыбку. Кресло, к которому он направился, было очень удобным, но он предпочел не рассиживаться, а, примостившись на краешке, сразу заявил:

— Сообщите для начала свои условия, и мы перейдем к делу.

— Какие условия?

— Вам что, надо обязательно услышать похвалу в свой адрес? Что ж, если так… Что, к примеру, вы делали на Корелле? Ваш отчет неполон.

— Я сдал его несколько месяцев назад. Тогда вы были им довольны.

— Да, — Сатт задумчиво потер лоб одним пальцем, — но с тех пор вы стали проявлять заметную активность. Мы многое знаем о ваших делах, Мэллоу. Мы знаем точно, сколько фабрик вы запустили; в какой спешке вы все это делаете и каких денег вам это стоило. И этот ваш дворец, — он огляделся с холодным безразличием, — который обошелся вам в сумму куда большую, чем моя годовая заработная плата; и дорога, которую вы пролагаете себе в высшие слои общества Установления — очень заметная и дорогостоящая дорога.

— Я понимаю: у вас под рукой есть ловкие шпионы. Но о чем, собственно, свидетельствуют добытые ими данные?

— О том, что у вас есть деньги, которых не было год назад. А это уже может указывать на кое-что существенное — например, на сделку, которую вы заключили на Корелле и о которой мы ничего

не знаем. Откуда вы получаете деньги?

— Мой дорогой Сатт, неужели вы в самом деле ждете, что я вам отвечу?

— Нет.

— Я так и думал. И как раз поэтому отвечу: прямо из казны Коммдора Корелла.

Сатт заморгал.

Мэллоу улыбнулся и продолжал:

— К несчастью для вас, деньги совершенно законные. Я Старший Купец, и вознаграждение я получил в виде определенного количества сварочного железа и хромита, в обмен на кое-какие безделушки, которые я смог ему поставить. Пятьдесят процентов дохода принадлежат мне согласно строго оговоренному контракту с Установлением. Вторая половина перейдет к правительству в конце года, когда все примерные граждане платят подоходный налог.

— В вашем отчете не упоминалось никаких торговых соглашений.

— Равным образом там не упоминалось, что у меня в тот день было на завтрак, имя моей нынешней любовницы и прочие не относящиеся к делу подробности, — улыбка Мэллоу переходила в насмешку. — Меня послали — цитирую ваши слова — держать глаза открытыми. Они никогда

и не закрывались. Вы хотели узнать, что произошло с захваченными торговыми кораблями Установления. Я ничего о них не слышал и не видел. Вы хотели выяснить, есть ли у Корелла атомная энергия. В моем отчете сообщается об атомных бластерах, принадлежащих личным телохранителям Коммдора. Других признаков я не обнаружил. А виденные мной бластеры сохранились со времен старой Империи и, насколько я могу представить, могли быть простыми муляжами. Таким образом, я следовал приказу, но за этими пределами я был и остаюсь свободным агентом. В соответствии с законами Установления Старший Купец имеет право открывать любые рынки сбыта и получать с них свою половину доходов. Каковы ваши возражения? Я их не вижу.

Сатт осторожно скосил глаза на стену и заговорил с плохо скрываемым гневом:

— Все купцы имеют обыкновение предварять свою торговлю религией.

— Я следую закону, а не обычаям.

— Бывают времена, когда обычаи могут являться высшим законом.

— Тогда подайте в суд.

Сатт поднял голову. Его мрачные глаза словно

ушли вглубь.

— Вы, в конце концов, смирниец. Видно, натурализация и образование не могут вычистить заразу в крови. Слушайте и попробуйте понять, хотя это никакой роли не играет. Дело не только в деньгах или рынках. Наука великого Хари Селдона доказывает, что от нас зависит будущая империя Галактики, и мы не должны сворачивать с этого имперского курса. Религия, которой мы располагаем, является всеобъемлющим инструментом достижения этой цели. С ее помощью мы поставили под контроль Четыре Королевства в тот самый момент, когда они едва не уничтожили нас. Это наиболее мощное средство для управления людьми и мирами. Главной целью развития торговли и купечества было более динамичное распространение религии, с тем, чтобы развеять всяческие сомнения и утверждать с полной уверенностью: прогресс новой техники и новой экономики всегда будет под нашим тщательным контролем.

Он сделал передышку, и Мэллоу спокойно вмешался:

— Я знаю теорию. Я ее вполне понимаю.

— В самом деле? Это больше, нежели я ожидал. Тогда вы понимаете, разумеется, что ваша по-

пытка торговли ради самой торговли, массовое производство никчемных штучек, которое может оказать на экономику планеты лишь поверхностное влияние, принесение межзвездной политики в жертву богу прибыли, разъединение атомной энергии с нашей религией, осуществляющей над ней контроль — все это может кончиться лишь дискредитацией и полным отрицанием той политики, которая успешно действовала целый век.

— И достаточно, — безразлично сказал Мэллоу, — ибо политика эта устарела, опасна и нереализуема. Как бы хорошо ваша религия ни сработала на Четырех Королевствах, практически ни один другой мир на Периферии ее не воспринял. Одна Галактика знает, сколько изгнанников с того времени, как мы взяли Королевства под свой контроль, успело распространить историю о том, как Сальвор Хардин использовал жречество и народные суеверия, чтобы низвергнуть независимость и власть светских монархов. А если бы этого было недостаточно, двадцатилетней давности история с Асконой ставит все точки над "и". На Периферии сейчас любой правитель скорее перережет себе глотку, чем дозволит жрецу Установления ступить на свою территорию. Я не заставляю Корелл или любой другой мир прини-

мать то, чего, как мне известно, они не хотят. Нет, Сатт. Если атомная энергия делает их опасными, то искренняя дружба, добытая торговлей, будет во много раз лучше, нежели ненадежное господство, основанное на ненавистном превосходстве чуждой духовной власти, которая, ослабни она хоть чуть-чуть, очень скоро рухнет и не оставит после себя ничего существенного, кроме вечного страха и ненависти.

Сатт произнес циничным тоном:

— Очень хорошо изложено. Итак, возвращаясь к началу беседы: каковы ваши условия? Что вы требуете за смену ваших взглядов на мои?

— Вы полагаете, что мои убеждения продаются?

— Почему бы и нет? — последовал холодный ответ. — Разве это не ваше дело — покупать и продавать?

— Только с выгодой, — сказал Мэллоу, не обидевшись. — Можете ли вы предложить мне что-либо больше того, что я уже получаю?

— Вы можете иметь три четверти от торгового дохода, а не половину.

Мэллоу коротко рассмеялся.

— Хорошее предложение. Вся торговля на ваших условиях упадет куда ниже десятой доли

теперешних моих доходов. Попробуйте что-нибудь получше.

— Вы можете получить место в Совете.

— Я и так его получу, без вас и наперекор вам.

Сатт внезапно сжал кулаки.

— Вы также можете спасти себя от тюремного заключения. Двадцать лет тюрьмы, если я захочу. Подсчитайте-ка прибыль.

— Прибыли нет никакой, но как вы можете исполнить такую угрозу?

— А как насчет суда за убийство?

— Чье убийство? — презрительно спросил Мэллоу.

Голос Сатта теперь звучал грубее, хотя и не громче, чем прежде.

— Убийство анакреонского жреца на службе Установления.

— Ах, значит так? А какие же у вас доказательства?

Секретарь мэра наклонился вперед.

— Мэллоу, я не шучу. Предварительное следствие закончено. Мне надо лишь подписать заключение, и дело "Установление против Гобера Мэллоу, Старшего Купца" начнется. Вы обрекли подданного Установления на пытки и смерть в руках чужеземной толпы, Мэллоу, и у вас есть

только пять секунд, чтобы отвратить наказание. Лично я хотел бы, чтобы вы действительно считали это блефом. Безопаснее иметь в вашем лице уничтоженного врага, а не сомнительно обращенного друга.

Мэллоу торжественно заявил:

— Ваше желание исполнено.

— Превосходно! — секретарь злобно улыбнулся. — Это мэр желал попробовать предварительно придти с вами к компромиссу, но не я. Вы свидетель, что я не слишком настаивал.

Дверь перед ним отворилась, и он вышел.

Мэллоу поднял взгляд на входящего в комнату Анкора Джаэля.

— Ты слышал? — спросил Мэллоу.

Политик плюхнулся прямо на пол.

— С тех пор, как я его знаю, никогда не видел этого змея в таком разъяренном состоянии.

— Отлично. Какой вывод ты из этого делаешь?

— Что ж, я скажу тебе. Внешняя политика давления с помощью духовных средств — это его идефикс, но мне следовало бы добавить, что конечные его цели отнюдь не духовные. Меня выкинули из кабинета именно за сходную аргументацию, о чем ты хорошо знаешь.

— Знаю. И каковы же эти недуховные цели,

согласно твоим наблюдениям?

Джаэль посерьезнел.

— Ну, он не глуп, поэтому он должен видеть банкротство нашей религиозной политики, которая за семьдесят лет едва ли завоевала для нас хоть одну планету. Он явно использует ее в своих собственных целях. Ну, а каждая догма, опирающаяся в основном на веру и эмоции — это опасное оружие: используя его против других, практически невозможно гарантировать, что оно не обратится против тебя самого. Уже сто лет мы поддерживаем ритуалы и мифологию, становящиеся все более почитаемыми, традиционными — и непоколебимыми. В некотором смысле они уже не находятся под нашим контролем.

— В каком смысле? — поинтересовался Мэллоу. — Не останавливайся. Я хочу знать твои мысли.

— Ну, допустим, что один человек, достаточно амбициозный, употребит силу религии против нас, а не для нас…

— Ты имеешь в виду Сатта?..

— Ты прав. Я имею в виду Сатта. Послушай, дружище, если он во имя истинной веры сможет мобилизовать против Установления всяких там иерархов на вассальных планетах, что мы

сможем ему противопоставить? Взобравшись на самую верхушку стандартов благочестия, он может объявить войну ереси, представленной, к примеру, тобой, и в итоге сделаться королем. В конце концов не Хардин ли говаривал: "Атомный бластер — оружие хорошее, но оно может стрелять в обе стороны".

Мэллоу хлопнул себя по голому бедру.

— Прекрасно, Джаэль, тогда введи меня в Совет, и я смогу бороться с ним.

Джаэль помолчал, потом произнес со значением:

— А может, и не сможешь. Что это он болтал насчет жреца? Это неправда, не так ли?

— Совершенная правда, — беззаботно подтвердил Мэллоу.

Джаэль присвистнул.

— У него есть серьезные доказательства?

— Он должен их иметь, — Мэллоу поколебался, потом добавил: — Джейм Твер был с самого начала его человеком, хотя оба они не подозревали, что мне это известно. И Джейм Твер был свидетелем.

Джаэль покачал головой.

— Н-да. Это плохо.

— Плохо? Что в этом плохого? Этот жрец нахо-

дился на планете нелегально, вопреки законам самого Установления. Он, очевидно, был использован кореллианским правительством как приманка, вольно или невольно. По всем канонам здравого смысла я не имел выбора. Мне оставался только один вариант действий — и эти действия находились в строгом соответствии с законом. Если Сатт потащит меня в суд, он добьется лишь того, что выставит себя полным дураком.

Но Джаэль снова покачал головой.

— Нет, Мэллоу, ты кое-чего не улавливаешь. Я же говорил тебе — он играет подло. Он не собирается осудить тебя — он понимает, что не сможет этого сделать. Он желает разрушить твою репутацию в народе. Ты слышал его слова? Порой обычаи выше законов. Ты можешь выйти из зала суда незапятнанным, но если люди будут думать, что ты швырнул жреца собакам, популярности твоей настанет конец. Они признают, что ты действовал законно и даже разумно. Но все равно ты будешь в их глазах трусливым псом, бесчувственным грубияном, бессердечным монстром. И ты никогда не будешь избран в Совет. Ты даже можешь потерять звание Старшего Купца, если будешь голосованием лишен гражданства. Ведь ты не здешний уроженец. Неужели, по-твоему,

Сатт мог бы желать большего?

Мэллоу упрямо нахмурился.

— Пусть!

— Мой мальчик, — сказал Джаэль. — Я буду с тобой, но помочь не смогу. На виду будешь ты — в самом центре внимания.

14.

На четвертый день процесса Гобера Мэллоу, Старшего Купца, палата совета была в буквальном смысле переполнена. Единственный отсутствовавший советник слабо проклинал инцидент, приковавший его к постели с травмой головы. Галереи были забиты до боковых проходов и потолков — теми немногими из собравшейся толпы, кто сумел пробиться благодаря влиянию, богатству или дьявольскому упорству. Остальные заполнили площадь перед зданием, сбившись в кучки вокруг внешних объемных визоров.

Анкор Джаэль протолкнулся в палату при почти символической помощи полиции, а затем с едва ли меньшим трудом пробился к креслу Гобера Мэллоу. Мэллоу с облегчением обернулся.

— Клянусь Селдоном, ты едва успел. Все достал?

— Вот, бери, — сказал Джаэль. — Здесь все, что

ты просил.

— Хорошо. Как реагируют там, снаружи?

— Они совсем озверели, — лицо Джаэля дернулось. — Тебе никогда не следовало соглашаться на публичное слушание: ты мог бы добиться его отмены.

— Я этого не хотел.

— Поговаривают о самосуде. А люди Публиса Манлио на других планетах…

— Как раз хотел спросить тебя насчет этого, Джаэль. Он настраивает иерархию против меня, не так ли?

— Именно так! Это самый блестящий спектакль на свете! Как Секретарь по иностранным делам он поддерживает обвинение согласно межзвездному праву. Как великий жрец и Примас церкви он поднимает фанатические орды…

— Ладно, оставим. Помнишь изречение Хардина, о котором ты говорил мне месяц назад? Мы покажем им, что атомный бластер можно направить в обе стороны.

Члены совета поднялись в знак уважения к направившемуся на свое место мэру.

Мэллоу прошептал:

— Сегодня мой черед. Сядь здесь и следи за потехой.

Дневные слушания были открыты. Пятнадцатью минутами позже Гобер Мэллоу прошел сквозь враждебный шепот к свободному месту перед скамьей мэра. На него упал одинокий луч света, и на общественных визорах города, равно как и на мириадах личных визоров почти в каждом доме на планетах Установления появилась одинокая, вызывающе огромная человеческая фигура. Мэллоу начал просто и спокойно:

— Чтобы не тратить время, я признаю истинность всех пунктов, выдвинутых против меня обвинением. История насчет жреца и толпы в их изложении абсолютно точна — во всех подробностях.

В палате оживились, с галерей послышался торжествующий рев. Мэллоу терпеливо ожидал тишины.

— Однако представленная ими картина далека от законченности. Я прошу о разрешении дополнить ее в моем собственном стиле. Мой рассказ может сперва показаться не относящимся к делу. За это я прошу у вас извинения.

Мэллоу даже не заглядывал в лежащие перед ним бумаги с заметками.

— Я начну оттуда же, откуда и обвинение: со дня моих встреч с Джорейном Саттом и Джеймом

Твером. Что происходило на этих встречах, вы знаете. Наши разговоры были изложены, и к этим изложениям мне добавить нечего: разве что мои собственные размышления в тот день.

Они носили характер подозрений, ибо события того дня выглядели странно. Обратите внимание на то, что два человека одновременно, двое моих случайных знакомых, делают мне неестественные и невероятные предложения. Один, секретарь мэра, просит меня сыграть роль правительственного агента разведки в весьма конфиденциальном деле, смысл и важность которого вам уже были разъяснены. Второй, самозваный лидер политической партии, просит меня вступить в борьбу за место в совете.

Естественно, я стал искать скрытые мотивы. Мотивы Сатта казались очевидными. Он не доверял мне. Возможно, он думал, что это я продаю атомную энергию и замышляю мятеж. И, возможно, он подталкивал ход событий — или думал, что это делает. В таком случае ему понадобился бы свой человек в роли шпиона при моей персоне на время предлагаемой миссии. Эта последняя мысль, однако, не приходила мне в голову, пока на сцене не появился Твер.

Теперь обратите внимание: Твер выдает себя за

купца, переключившегося на политику, однако мне неизвестны подробности его купеческой карьеры, а познания мои в этой области огромны. И далее, хотя Твер и хвастался юридическим образованием, он никогда не слышал о Селдоновском кризисе.

…Гобер Мэллоу выждал, пока аудитория впитает смысл его слов, и был вознагражден впервые наступившей тишиной. Галерея переводила дух. Это относилось, правда, к жителям самого Терминуса. До населения внешних планет дойдет лишь подчищенная цензурой версия, удовлетворяющая требованиям религии. Они ничего не услышат о Селдоновских кризисах. Но о следующих ударах узнают и они.

Мэллоу продолжал:

— Кто здесь смог бы заявить, что человек с юридическим образованием может не иметь представления о смысле Селдоновского кризиса? В Установлении имеется только один вид образования, исключающий любые упоминания о планируемой истории Хари Селдона и упоминающий только о самом этом человеке как о полумифическом мудреце…

В этот миг я понял, что Джейм Твер никогда не был купцом. Я понял, что он был лицом ду-

ховным — возможно, полноправным жрецом. За эти три года, пока он изображал, будто возглавляет политическую партию купцов, он на деле являлся, без сомнения, человеком, продавшимся Джорейну Сатту.

В то время мне пришлось бить наугад. Я не знал замыслов Сатта насчет меня самого, но поскольку он, видимо, широким жестом подкидывал мне леску с крючками, я решил добавить к ней несколько метров своей собственной. Я сознавал, что Твер должен сопровождать меня в путешествии как неофициальный страж на службе Джорейна Сатта. Что ж, если бы он потерпел неудачу, для меня придумали бы другие уловки — и я мог не обнаружить их вовремя. Уже знакомый враг относительно безопаснее. Я предложил Тверу отправиться со мной. Он согласился.

Это, господа советники, объясняет две вещи: во-первых, что Твер не есть мой друг, свидетельствующий против меня неохотно, по велению совести — как в том пытается уверить вас обвинение. Он шпион, выполняющий оплачиваемую работу. Во-вторых, сказанное объясняет некоторые мои действия при первом появлении жреца, в убийстве которого меня обвиняют — об этих действиях не упоминалось, поскольку о них и не

было известно.

…В палате совета послышалось беспокойное перешептывание. Мэллоу театрально откашлялся и продолжал:

— Мне крайне неприятно описывать мои ощущения в тот момент, когда я впервые услышал, что у нас на борту объявился миссионер-беженец. Мне крайне неприятно даже вспоминать о них. Основным моим чувством была дикая неуверенность. В миг, когда событие это обрушилось на меня, я воспринял его как ход со стороны Сатта, недоступный моему стратегическому мышлению и пониманию. Я оказался в полнейшей растерянности.

Я мог сделать одно. Я на пять минут избавился от Твера, послав его за моими офицерами. В его отсутствие я установил видеорекордер. Таким образом, что бы ни произошло, все можно было бы сохранить для последующего анализа. Это было сделано в надежде — отчаянной, но решительной, — что при повторном просмотре смущающие меня моменты станут понятнее.

С тех пор я раз пятьдесят просматривал эту видеозапись. Сейчас она со мной, и прямо сейчас, в вашем присутствии, мы просмотрим ее в пятьдесят первый раз.

...Мэр монотонно стучал по столу, призывая к порядку. Члены палаты утратили спокойствие, галерея ревела. В пяти миллионах домов на Терминусе возбужденные зрители тесно обступили свои визоры; на скамье обвинения Джорейн Сатт холодно покачивал головой, обращаясь к нервничавшему верховному жрецу, — а сверкающий взгляд его был прикован к лицу Мэллоу.

В центре палаты расчистили место; свет померк. Анкор Джаэль, сидя на своей скамье слева, настроил аппарат, и после предваряющего щелчка возникла голографическая картина: в цвете, объеме, со всеми атрибутами жизни, кроме самой жизни.

Появился миссионер, смятенный и изможденный, стоявший между лейтенантом и сержантом. Изображение Мэллоу молча выжидало, затем пришли остальные, Твер позади всех.

Начался разговор, повторенный слово в слово. Сержант был призван к дисциплине, миссионер допрошен. Появилась толпа — был слышен ее рев; преподобный Джорд Парма начал свои отчаянные призывы. Мэллоу обнажил оружие, и миссионер, которого увлекали прочь, простер руки в последнем безумном проклятии; мелькнула мгновенная вспышка света.

Сцена окончилась. Офицеры застыли в ужасе, Твер зажимал уши трясущимися ладонями, а Мэллоу спокойно откладывал в сторону оружие.

Свет снова включили; пустое пространство пола в центре более не было заполнено призраками. Мэллоу — настоящий Мэллоу — снова принял на себя обязанности повествователя:

— Как вы видели, инцидент был в точности представлен обвинением — но лишь внешне. Я это кратко поясню. Кстати, эмоции Джейма Твера на протяжении всей сцены отчетливо выдают его жреческое образование.

В тот же день я указал Тверу на определенные несуразности. Я спросил у него: откуда мог появиться миссионер посредине той пустоши, где мы находились в то время. Я спросил далее, откуда могла появиться гигантская толпа, если ближайший город с достаточным населением находился в ста милях. Обвинение не обратило внимания на эти моменты.

И другие подробности: к примеру, странный, бросающийся в глаза облик Джорда Пармы. Миссионер на Корелле, рискующий своей жизнью в нарушение законов и Корелла, и Установления, разгуливает в новеньком, ярко выделяющемся жреческом одеянии. Что-то тут было не то. Тогда

я полагал, что миссионер явился невольным орудием в руках Коммдора, который использовал его в попытке принудить нас к акту незаконной, отчаянной агрессии, и тем самым юридически обосновать уничтожение нашего корабля и нас самих.

Обвинение предвидело мои попытки подобным образом оправдать свои действия. Они ожидали от меня объяснений, будто ставкой была безопасность моего корабля, моего экипажа, самой миссии, и всем этим нельзя было пожертвовать ради одного человека, который в любом случае будет уничтожен — один или вместе с нами. Они отвечали болтовней о "чести" Установления и необходимости высоко держать наше "достоинство" для сохранения нашего влияния.

По какой-то непонятной причине, однако, обвинение позабыло о самом Джорде Парме как о личности. Оно не сообщило о нем никаких подробностей: ни его места рождения, ни образования, ни фактов из его предшествующей жизни. Объяснение этого обстоятельства разъяснит также и те несообразности, на которые я указал в только что просмотренной вами видеозаписи. То и другое взаимосвязано.

Обвинение не представило никаких подробно-

стей о Джорде Парме, поскольку не могло этого сделать. Сцена, виденная нами в видеозаписи, выглядит несуразной, поскольку несуразицей является сам Джорд Парма. Джорда Пармы никогда не было. Весь этот суд — колоссальный фарс, закрученный вокруг событий, которые никогда не имели места.

...Вновь Мэллоу должен был выждать, пока замрет шум в зале. Медленно выговаривая слова, он произнес:

— Я собираюсь показать вам один кадр видеозаписи в увеличенном виде. Он говорит сам за себя. Пожалуйста, Джаэль, снова уберите свет.

В палате стемнело, и воздух вновь заполнился застывшими фигурами призрачного, воскового вида. Офицеры "Дальней Звезды" замерли в напряженных, неестественных позах. Выпрямленная рука Мэллоу сжимала бластер. Слева от него преподобный Джорд Парма, застигнутый в момент крика, простирал вверх растопыренные пальцы. Далеко отвисли его ниспадающие рукава.

От руки миссионера исходило слабое свечение, которое при предыдущем показе вспыхнуло лишь на миг. Теперь оно сияло непрерывно.

— Все смотрите на этот свет у него на ру-

ке, — объявил Мэллоу из темноты. — Джаэль, увеличивайте этот кадр!

Картина быстро расплылась. Наружные части исчезли, миссионер сместился к центру и превратился в гиганта. Потом осталась только рука с ладонью и, наконец, только огромная туманная ладонь, заполнившая все и зависшая в напряжении.

Свечение превратилось в набор расплывчатых, сияющих букв: К С П.

— Это, — раздался голос Мэллоу, — разновидность татуировки, господа. При обычном освещении она невидима, но отчетливо выделяется в ультрафиолетовом свете, которым я осветил помещение во время этой видеозаписи. Я согласен, что подобный метод тайной идентификации наивен, но на Корелле, где ультрафиолетовое освещение встречается не на каждом углу, он действует. Даже мы, на своем корабле, обнаружили эту метку случайно. Возможно, кое-кто из вас уже догадался, что означает КСП. Джорд Парма хорошо знал жреческую тарабарщину и потрясающе сделал свое дело. Где он все это изучил и как, я сказать не могу, но КСП означает "Кореллианская Секретная Полиция".

Мэллоу кричал, перекрывая шум:

— У меня есть и параллельные доказательства в виде документов, доставленных с Корелла, которые, если потребуется, я могу представить совету. И где же теперь находится обвинение? Они уже сделали и многократно повторили чудовищное предположение: будто я должен был защитить миссионера в нарушение законов и пожертвовать моей миссией, моим кораблем и самим собою ради "чести" Установления. Но делать это ради самозванца? Значит, я должен был это сделать ради кореллианского секретного агента, выкидывающего трюки с облачением и словесной гимнастикой, позаимствованные, вероятно, у какого-нибудь анакреонского изгнанника? Надо было, чтобы Джорейн Сатт и Публис Манлио загнали меня в глупую, гнусную ловушку?..

Его охрипший голос затерялся в неразборчивом шуме ревущей толпы. Его подняли на плечи и понесли к скамье мэра. Сквозь окна он успел увидеть поток обезумевших людей. Толпы вваливались на площадь, чтобы присоединиться к уже находившимся там тысячам человек.

Мэллоу искал взглядом Анкора Джаэля, но во всей этой мешанине невозможно было кого-либо разглядеть. Он, наконец, уловил ритмичные,

повторяющиеся возгласы, которые постепенно выросли до безумного рева:

— Да здравствует Мэллоу… да здравствует Мэллоу… да здравствует Мэллоу!..

15.

Анкор Джаэль с осунувшимся от бессонницы лицом, щурясь, смотрел на Мэллоу. Эти последние двое суток были просто сумасшедшими.

— Мэллоу, ты устроил роскошное зрелище, поэтому не порть его, запрыгивая слишком высоко. Ты не можешь серьезно думать о посте мэра. Энтузиазм толпы — вещь могучая, но переменчивая.

— Вот именно! — мрачно сказал Мэллоу, — так что мы должны его всячески культивировать, и лучший способ сделать это — продолжить спектакль.

— И что же будет теперь?

— Ты должен добиться ареста Публиса Манлио и Джорейна Сатта…

— Что?!

— То что слышишь. Заставь мэра арестовать их! Неважно, какие угрозы ты будешь при этом использовать. Я управляю толпой — по крайней мере сегодня. Он не осмелится противостоять народу.

— Но по какому обвинению, дружище?

— По очевидному. Они подстрекали жречество внешних планет к участию во фракционной борьбе Установления. Это противозаконно, клянусь Селдоном. Обвините их в "угрозе государству". Я не забочусь об их осуждении, так же, как они не заботились о моем. Просто убери их подальше, пока я не стану мэром.

— До выборов еще полгода.

— Не так много! — Мэллоу вскочил на ноги и внезапно крепко сжал руку Джаэля. — Послушай, если понадобится, я захвачу власть в государстве силой — как это сделал Сальвор Хардин сто лет назад. Этот Селдоновский кризис нам все еще предстоит, и когда он настанет, я должен быть мэром и верховным жрецом. Сразу!

Джаэль насупился. Он тихо спросил:

— А что должно случиться? Все-таки Корелл?

Мэллоу кивнул.

— Конечно. Они так или иначе объявят нам войну, хотя готов держать пари, что пару лет они еще повременят.

— С атомными кораблями?

— А что ты думаешь? Те три торговых корабля, которые мы потеряли в их пространственном секторе, не были подбиты из духовых пистолетов. Джаэль, они получают корабли от самой

Империи. Не разевай рот как дурак. Я сказал: от Империи! Она все еще существует там, понимаешь. Она, может быть, и ушла отсюда, с Периферии, но в центре Галактики она еще очень даже живехонька. И один только ложный ход может привести к тому, что она сама вцепится нам в загривок. Вот почему я должен быть мэром и верховным жрецом. Я — единственный человек, знающий, как бороться с кризисом.

Джаэль сделал глотательное движение.

— Ну и как же? Что ты собираешься делать?

— Ничего.

Джаэль неуверенно улыбнулся.

— В самом деле? И только-то!

Но ответ Мэллоу прозвучал уверенно:

— Когда я стану хозяином этого Установления, я намереваюсь не делать ничего. Стопроцентное "ничего" — в этом и заключается секрет данного кризиса.

16.

Аспер Арго Возлюбленный, Коммдор Кореллианской Республики, приветствовал появление жены, презрительно опустив свои скудные брови. Эпитет, принятый им самим, для нее ничего не значил. Даже он знал об этом.

Ее голос был так же нежен, как ее волосы, и

столь же холоден, как ее взор:

— Мой милостивый господин, насколько я понимаю, наконец пришел к решению относительно судеб выскочек из Установления?

— Да ну? — кисло поинтересовался Коммдор. — И далеко еще простирается ваша многосторонняя осведомленность?

— Далеко, о мой весьма блистательный супруг. Я знаю, вы снова консультировались со своими бездарными советниками. Прекрасные советчики! Стадо парализованных, тупых идиотов, прижимающих к впалым грудям свои никчемные прибыли, несмотря на все неудовольствие моего отца, — добавила она с бесконечным презрением.

— Кто же, моя дорогая, — последовал мягкий ответ, — является столь превосходным источником, из которого ваша осведомленность осведомляется обо всем этом?

Коммдора коротко рассмеялась.

— Если я скажу тебе, то мой источник станет скорее покойником, нежели источником.

— Ну что ж, у тебя, как всегда, свои пути, — Коммдор пожал плечами и отвернулся. — А что до неудовольствия твоего отца, то я очень боюсь, что оно выражается в скаредном отказе предо-

ставить новые корабли.

— Новые корабли! — она яростно вспыхнула. — Разве их у тебя уже не пять штук? И не смей этого отрицать. Я знаю, что их у тебя пять, и шестой уже обещан.

— Обещан с прошлого года.

— Но ведь один корабль — только один! — может разнести это Установление в вонючий щебень. Только один! Одного хватит, чтобы вымести из космоса их пигмейские суденышки.

— Их планету я не могу атаковать даже с дюжиной кораблей.

— А как долго продержится их планета, когда рухнет вся торговля, а груды игрушек и безделушек будут уничтожены?

— Эти игрушки и безделушки означают деньги, — он вздохнул. — И немалые деньги.

— Но если ты захватишь само Установление, то разве не получишь ты все, что оно содержит? А если ты приобретешь уважение и благодарность моего отца, то разве это не превзойдет всего, что может дать тебе Установление? С тех пор, как этот варвар явился сюда со своим магическим спектаклем, прошло уже три года — даже больше. Время немалое.

— Дорогая моя! — Коммдор снова обернулся к

ней. — Я старею. Я устал. У меня не хватает выносливости противостоять твоей трескотне. Ты говоришь, что знаешь о моем решении. Что ж, я в самом деле его принял. Все кончено, и между Кореллом и Установлением начинается война.

— Хорошо! — фигура Коммдоры распрямилась, глаза сверкнули. — Ты наконец набрался ума, несмотря на свой маразм. А теперь, когда ты станешь господином этого захолустья, ты сможешь приобрести достаточно уважения, чтобы иметь вес и значение в Империи. И мы тогда сможем покинуть этот варварский мир и прибыть ко двору вице-короля. Да, да, сможем!

С улыбкой, подбоченившись, она выскользнула. Блеснули в полосе света ее волосы. Коммдор выждал и сказал захлопнувшейся двери со злорадством и ненавистью:

— А когда я буду хозяином того, что ты именуешь захолустьем, я смогу приобрести достаточно уважения, чтобы обойтись без надменного папаши и языкастой дочери. Да, да, смогу!

17.

Старший лейтенант "Темной Туманности" в ужасе уставился на экран.

— Великие Скачущие Галактики! — этот вопль прозвучал как шепот. — Что это?

То был корабль, но по сравнению с "Темной Туманностью" он выглядел как кит рядом с рыбешкой; и на боку его сверкал знак Звездолета-и-Солнца Империи. Все сигналы тревоги на борту истерично завизжали.

Последовал приказ, и "Темная Туманность" приготовилась бежать, если сможет, или драться, если будет нужно. Между тем из рубки связи через гиперпространство помчалась весть Установлению.

И снова, и снова! Частью — просьба о помощи, но главным образом — предупреждение об опасности.

18.

Гобер Мэллоу устало елозил ногами по полу, перелистывая отчеты. Два года в должности мэра сделали его чуть более вежливым, чуть более мягким, чуть более терпеливым — но они не смогли заставить его полюбить правительственные отчеты с их умопомрачительный официозным слогом.

— Сколько кораблей они захватили? — спросил Джаэль.

— Четыре захвачено на стоянке. Два пропали без вести. Все остальные на учете и в безопасности, — проворчал Мэллоу. — Могло быть и

получше, хотя и это для нас всего лишь царапина.

Ответа не последовало, и Мэллоу перевел взгляд на собеседника.

— Тебя что-то беспокоит?

— Я хотел бы, чтобы Сатт попал сюда, — реплика была ни к селу, ни к городу.

— Ага, сейчас мы выслушаем еще одну лекцию о домашнем фронте.

— Нет, лекции не будет, — огрызнулся Джаэль, — но ты упрям, Мэллоу. Ты можешь проработать внешнюю ситуацию до мельчайших деталей, но совершенно не беспокоишься о том, что происходит здесь, на родной планете.

— Но ведь это твое дело, не так ли? Ради чего я сделал тебя министром образования и пропаганды?

— Если судить по оказываемой тобой поддержке — для того, чтобы побыстрее загнать меня в могилу. Весь последний год я беспрестанно толкую тебе о растущей опасности со стороны Сатта и его религионистов. Какая польза от твоих планов, если Сатт добьется досрочных выборов и скинет тебя?

— Согласен, никакой.

— А твоя речь в тот вечер была равноценна

провалу на выборах в пользу Сатта, да еще с улыбками и похлопыванием по плечу. К чему тебе подобная откровенность?

— Чтобы похитить у Сатта его громы и молнии, видимо.

— Нет, — сказал Джаэль яростно, — ты это сделал неправильно. Ты утверждаешь, что предвидел все, и не объясняешь, почему ты три года вел торговлю с Кореллом к их исключительной выгоде. Единственный твой план битвы — отступать без битвы. Ты забросил всю торговлю в секторах пространства, граничащих с Кореллом. Ты открыто провозглашаешь патовую ситуацию. Ты не обещаешь наступательных действий даже в будущем. Ради Галактики, Мэллоу, что я могу сделать с подобной кашей?

— В ней нет вкуса?

— В ней нет необходимой для чувств толпы привлекательности.

— Одно и то же.

— Мэллоу, проснись. У тебя есть две возможности. Либо ты представишь народу динамичную внешнюю политику, каковы бы ни были при этом твои личные планы, либо ты пойдешь на какой-нибудь компромисс с Саттом.

Мэллоу сказал:

— Прекрасно. Раз уж я провалил первую возможность, попробуем вторую. Сатт только что прибыл.

Сатт и Мэллоу лично не встречались уже два года, со дня суда. Никто из них не заметил перемен в другом, если не считать отдельных нюансов, позволявших уверенно заключить: роли правителя и человека, бросающего ему вызов, сменились.

Рукопожатия не было. После того, как Сатт занял свое место, Мэллоу предложил ему сигару и сказал:

— Не возражаете, если Джаэль останется? Он искренне желает компромисса. Если страсти разгорятся, он может сыграть примиряющую роль.

Сатт пожал плечами.

— Компромисс будет для вас хорошим исходом. В свое время я, при других обстоятельствах, просил вас назвать свои условия. Я полагаю, что положение теперь обратное.

— Вы полагаете правильно.

— Мои условия таковы. Вы должны, бросив вашу дурацкую политику экономического подкупа и торговли всякой дребеденью, вернуться к испытанной внешней политике наших отцов.

— Вы имеете в виду завоевание путем миссионерства?

— Вот именно.

— И никаких компромиссов помимо этого?

— Никаких.

— Н-да… — Мэллоу медленно разжег сигару и затянулся так, что ее кончик ярко вспыхнул. — Во времена Хардина, когда завоевание путем миссионерства было делом новым и радикальным, подобные вам люди противились ему. Теперь оно испытано, проверено, освящено — и поэтому Джорейн Сатт находит его хорошим. Но скажите-ка мне, как бы вы вытащили нас из нашей теперешней заварухи?

— Вашей теперешней заварухи. Я к ней не имею отношения.

— Считайте вопрос соответственно измененным.

— Явно необходимо мощное наступление. Патовая ситуация, которой вы вроде бы удовлетворены, фатальна. Она является признанием в слабости для всех миров Периферии, где больше всего ценится внешнее проявление силы, и немало стервятников оттуда присоединится к натиску, чтобы урвать свою долю от трупа. Вы обязаны это понимать. Вы же родом со Смирно, разве нет?

Мэллоу пропустил мимо ушей смысл этого

замечания. Он сказал:

— Ну а если вы и побьете Корелл, как насчет Империи? Вот настоящий враг.

Тонкая улыбка Сатта подтянула уголки его рта.

— О нет, ваши записки о визите на Сивенну содержали всю полноту информации. Да, вице-король Норманнского Сектора заинтересован в разжигании раздоров на Периферии к своей личной выгоде, но только косвенно. Он не собирается всем рисковать, организовав экспедицию на край Галактики, имея пятьдесят враждебных соседей и Императора, против которого можно бунтовать. Я излагаю ваши собственные слова.

— Он очень даже может это сделать, Сатт, если решит, что мы достаточно сильны, чтобы стать опасными. А он может так решить, если мы уничтожим Корелл лобовой атакой. Мы должны действовать значительно более тонко.

— Например?

Мэллоу откинулся назад.

— Сатт, я даю вам шанс. Я в вас не нуждаюсь, но я могу вас использовать. Поэтому я расскажу вам, ради чего все это делается, а затем вы можете либо присоединиться ко мне и получить место в коалиционном кабинете, либо играть роль мученика и гнить в каталажке.

— Вы уже как-то раз пробовали этот последний трюк.

— Но не всерьез, Сатт. Нужное время настало только сейчас. Теперь слушайте, — глаза Мэллоу прищурились. — Когда я в тот раз высадился на Корелле, — начал он, — я подкупил Коммдора всякими безделушками и штучками, составляющими обычный набор купца. Вначале это предназначалось лишь для того, чтобы проникнуть на сталелитейный завод. Дальнейших планов у меня не было, но в этом-то я преуспел. Я добился, чего хотел. Но лишь после моего визита в Империю я впервые осознал, в какое оружие я могу превратить торговлю. Мы встретились с Селдоновским кризисом, Сатт, а Селдоновские кризисы разрешаются не личностями, а историческими силами. Когда Хари Селдон планировал наш будущий исторический путь, он рассчитывал не на блестящих героев, а на широкие шаги экономики и социологии. Поэтому разрешение разнообразных кризисов должно достигаться теми силами, которые окажутся доступными нам в надлежащее время. В данном случае это — торговля!

Сатт скептически приподнял бровь и, воспользовавшись паузой, заявил:

— Я надеюсь, что интеллект мой не ниже нормального, но дело в том, что ваша лекция расплывчата и не очень-то понятна.

— Сейчас вы все поймете, — заметил Мэллоу. — Учтите, что до сих пор мощь торговли недооценивалась. Считалось, что она ставит под наш контроль жречество и только благодаря этому становится мощным оружием. Это не так, и говоря подобным образом, я вношу свой вклад в Галактическую ситуацию. Торговля без жрецов! Только торговля! Она сама по себе достаточно сильна. Посмотрим проще и конкретнее. Корелл сейчас воюет с нами. Следовательно, наша торговля с ним прекратилась. Но, — обратите внимание, я дополнительно упрощаю эту проблему — за истекшие три года они развивали экономику, все более и более опираясь на ту атомную технику, которую поставляли им мы, и которую лишь мы можем продолжать поставлять. Что же, по-вашему, произойдет, как только начнут истощаться крошечные атомные генераторы, и все эти штучки одна за другой станут выходить из строя? Сперва поломаются маленькие принадлежности домашнего хозяйства. Когда столь ненавистный вам пат продлится полгода, у домохозяек перестанут работать атомные ножи. Испортятся печки.

Откажут стиральные машины. Контроль температуры и влажности в домах выключится как раз в жаркий летний день. Что произойдет?

Он остановился, ожидая ответа, и Сатт мягко сказал:

— Ничего. Во время войны люди выносят и не такое.

— Верно, выносят. Они в бессчетных количествах посылают своих сыновей погибать ужасной смертью на разбитых звездолетах. Они выдерживают вражеские бомбардировки, а это означает, что им приходится жить на заплесневелом хлебе и дрянной воде в пещерах глубиной в полмили. Но очень трудно переносить всякие мелочи, когда отсутствует патриотический подъем и грозящая опасность. Поэтому этот пат необходим. Не будет жертв, не будет бомбардировок, не будет сражений. Просто будут ножи, которые не режут, печи, которые не пекут, дома, замерзающие в зиму. Это будет раздражать, и люди начнут роптать.

Сатт произнес медленно, с изумлением:

— И вы, мой милый, на этом основываете ваши надежды? Чего вы ожидаете? Мятежа домохозяек? Крестьянской войны? Внезапного восстания мясников и бакалейщиков, которые, размахивая топорами и хлебными ножами, будут кричать:

"Верните нам наши Автоматические Супер-Чистые Атомные Стиральные Машины"?

— Нет, сударь, — нетерпеливо воскликнул Мэллоу. — Отнюдь. Я ожидаю, однако, появления общего фона ропота и неудовольствия, который позднее будет использован более важными фигурами.

— Кто же эти более важные фигуры?

— Фабриканты, владельцы заводов, промышленники Корелла. По истечении двух лет пата одна за другой начнут отказывать машины на фабриках. Те виды индустрии, которые мы оснастили до последнего винтика нашими новыми атомными устройствами, совершенно неожиданно окажутся разрушенными. Владельцы тяжелой индустрии обнаружат, что они в полном составе и в один миг превратились во владельцев неработающего лома.

— Фабрики неплохо работали и до того, как вы туда заявились, Мэллоу.

— Да, Сатт, это было так — но на уровне одной двадцатой нынешних доходов, даже если не учитывать стоимость переоборудования фабрик в их первичное, доатомное состояние. Когда все промышленники, финансисты и обыватели будут против, долго ли продержится Коммдор?

— Сколько ему будет угодно — как только он сообразит заказать новые атомные генераторы в Империи.

И тут Мэллоу весело расхохотался.

— Вы ошиблись, Сатт, ошиблись так же серьезно, как и сам Коммдор. Вы все упустили из виду и ничего не поняли. Империя ничего не может возместить. Империя всегда была миром колоссальных ресурсов. Она мыслила в масштабах планет, звездных систем, целых секторов Галактики. Их генераторы — гигантские, под стать их масштабам.

Но мы — мы, наше маленькое Установление, наш единственный мир, почти без запаса металлов — вынуждены были трудиться при строжайшей экономии. Наши генераторы должны были быть размером с палец, поскольку мы могли выделять для них только такое количество металла. Мы должны были разработать новую технику и новые методы — ту технику и те методы, которым Империя следовать не в состоянии, потому что она выродилась до такой степени, что уже не способна проводить какие-либо, даже жизненно важные научные разработки.

Со всеми своими атомными щитами, достаточно большими, чтобы прикрыть корабль, город,

целую планету, они никогда не смогли построить такой защиты, чтобы она могла прикрыть одного человека. Чтобы обеспечить город светом и теплом, они устанавливают моторы высотой в шесть этажей — я их видел — а наш мотор поместится в этой комнате. А когда я сказал одному из их специалистов-атомщиков, что свинцовый контейнер размером с грецкий орех содержит атомный генератор, он едва не задохнулся от негодования прямо на месте.

Да что там, даже их собственные махины стали для них чужими. Техника работает автоматически из поколения в поколение, а ремонтники являются наследственной кастой и станут бесполезными, если во всей этой огромной структуре полетит хотя бы одна D-лампа.

Вся война является поединком между двумя системами: Империей и Установлением, большим и маленьким. Чтобы захватить контроль над планетой, они подкупают ее огромными кораблями, которыми можно воевать, но которые не имеют никакого экономического значения. Мы же, с другой стороны, подкупаем их маленькими вещицами, для войны бесполезными, но жизненно важными для процветания и дохода.

Король или Коммдор возьмет корабли и даже

устроит войну. Капризные правители в истории не раз меняли благосостояние своих подданных на то, что они сами считали честью, славой и завоеваниями. Но в жизни по-настоящему важны маленькие вещицы — и Аспер Арго не устоит против экономической депрессии, которая за два-три года охватит весь Корелл.

…Сатт стоял возле окна, спиной к Мэллоу и Джаэлю. Наступал вечер, и несколько звезд, едва протиснувшихся сюда, на край Галактики, мигали на фоне туманной, волокнистой Линзы, включавшей в себя остатки той, все еще обширной Империи, что ныне вела против них борьбу.

— Нет. Вы не тот человек, — сказал Сатт.

— Вы мне не верите?

— Я хочу сказать, что я вам не доверяю. У вас хорошо подвешен язык. Вы здорово меня одурачили, когда я думал, что должным образом контролирую вас во время путешествия на Корелл. Мне казалось, что я загнал вас в угол на суде, но вы выскользнули и с помощью демагогии проползли в кресло мэра. В вас нет ничего прямого: ни одного мотива, за которым не крылось бы двойное дно; ни одного утверждения без тройного смысла. А почему бы не предположить, что вы предатель. Что ваш визит в Империю при-

нес вам должные субсидии и обещание власти. Ваши действия в подобном случае не отличались бы от нынешних. Вы бы накликали войну, предварительно усилив врага. Вы бы принудили Установление к бездействию. И вы бы подготовили правдоподобное объяснение, настолько правдоподобное, что оно убедило бы всех.

— Вы хотите сказать, что компромисса не будет? — вежливо осведомился Мэллоу.

— Я хочу сказать, что вы должны убраться — по своей воле или насильно.

— Я вас предупреждал о единственной альтернативе сотрудничеству.

От внезапно нахлынувших эмоций лицо Джорейна Сатта налилось кровью.

— А я предупреждаю вас, Гобер Мэллоу со Смирно, что если вы меня арестуете, пощады не будет. Мои люди ни перед чем не остановятся, распространяя правду о вас, и простой народ Установления объединится против чужеземного правителя. Он обладает сознанием своей судьбы, которую никогда не поймет смирниец — и это сознание вас уничтожит.

Гобер Мэллоу спокойно сказал двум охранникам, вошедшим в помещение:

— Заберите его. Он арестован.

— Это ваш последний шанс, — произнес Сатт.

Не поднимая глаз, Мэллоу расплющил свою сигару.

Пятью минутами позже Джаэль пошевелился и устало сказал:

— Ну, теперь, когда ты создал мученика за идею, что дальше?

Мэллоу перестал играть с пепельницей и посмотрел на него.

— Это не тот Сатт, которого я знал. Это бык с налитыми кровью глазами. Клянусь Галактикой, он ненавидит меня.

— Он тем более опасен.

— Опасен? Чушь! Он потерял всякую способность рассуждать.

Джаэль мрачно произнес:

— Ты слишком уверен в себе, Мэллоу. Ты игнорируешь возможность народного восстания.

Мэллоу взглянул на него не менее мрачно.

— Раз и навсегда запомни, Джаэль: возможности народного восстания не существует.

— Ты уверен?

— Я уверен в Селдоновских кризисах и исторических закономерностях их разрешения, и внешних и внутренних. Есть вещи, которых я не сказал сейчас Сатту. Он пытался управлять

самим Установлением при помощи религиозных сил так же, как он контролировал внешние миры — и потерпел неудачу. Это вернейший признак того, что в схеме Селдона религия свою роль отыграла.

Экономический контроль действует по-иному. И, перефразируя упомянутое тобой знаменитое изречение Хардина, — плох тот атомный бластер, который не стреляет в обе стороны. Если Корелл процветал от торговли с нами, то же было верно и для нас. Если фабрики Корелла разорятся без нашей торговли, и если процветание внешних миров исчезает при коммерческой изоляции, точно так же разорятся наши фабрики и исчезнет наше процветание.

И не найдется такой фабрики, торгового центра, транспортной линии, которая не была бы под моим контролем, которую я не смог бы задавить, если Сатт попытается начать там революционную пропаганду. Там, где пропаганда преуспеет, или хотя бы будет иметь шансы на успех, я позабочусь, чтобы процветанию настал конец. А там, где она провалится, процветание сохранится, поскольку мои фабрики останутся с полным штатом.

Так что аргументация, приносящая мне уверен-

ность в том, что кореллианцы восстанут в защиту процветания, позволяет мне быть уверенным также и в том, что мы не восстанем против процветания. Игра будет доиграна до конца.

— Так значит, — сказал Джаэль, — ты основываешь плутократию. Ты превращаешь нас в страну купцов и торговых королей. Что же ждет нас в будущем?

Мэллоу поднял свое недовольное лицо и с яростью воскликнул:

— Какое мне дело до будущего? Без сомнения, Селдон его предвидел и подготовил. Будут другие кризисы — в те времена, когда власть денег станет такой же мертвой, как мертва сейчас сила религии. Пусть мои преемники разрешают эти проблемы, как я только что разрешил нынешнюю.

КОРЕЛЛ — … И, таким образом, после трех лет войны, которая, без сомнения, была самой невоинственной войной из известных, Республика Корелл безоговорочно капитулировала, и Гобер Мэллоу вслед за Хари Селдоном и Сальвором Хардином занял свое место в сердцах людей Установления.

ENCYCLOPEDIA GALACTICA

Конец книги первой

Несколько комментариев переводчика

За последние годы книги азимовской эпопеи уже издавались в разных переводах. Не берусь судить обо всех, но те из них, которые довелось встретить, не вызвали у меня никакого энтузиазма. Некоторые из них, изданные в период ранней перестройки, вообще ниже всякой критики и полны невероятной отсебятины. Другие написаны несколько лучшим языком, но тоже содержали немало ошибок в смысле научной терминологии, логики и, с моей точки зрения, концептуально тоже неточны. Кое-где переводчик просто не понял смысла английского текста. В любом случае, я убежден, что если Азимов и не Джойс, то все же, по крайней мере, классик, и к его произведениям следует относиться с должным почтением.

О художественных достоинствах этого перевода судить, конечно, читателям; я же готов ручаться головой за абсолютно точное соответствие оригиналу в смысле содержания. Соблюдены все намеки и отсылки из книги в книгу; подобраны эквиваленты всем встретившимся случаям игры слов. Вот также некоторые концепции, которых я старался придерживаться в данной работе.

1. О названии. По-английски слово "Foundation" имеет куда более широкий спектр значений, чем "Основание". Ясно, что Азимов неспроста назвал книгу столь заковыристо. Мне представляется, что вполне адекватным было бы "Учреждение", но увы, данное слово в русском языке слишком испорчено бюрократическим новоязом. "Установление" не является моим изобретением, но кажется все же наиболее подходящим из возможных приближений (Слово это переводилось и как "Основание" и "Фонд", а также "Академия", "Фундамент", "Организация"...)

2. Об именах. При чтении по порядку всех книг азимовской эпопеи становится очевидным, что автор, описывая развитие человечества от наших дней до отдаленного на двадцать-тридцать тысяч лет будущего, довольно последовательно проводит единый принцип при выборе имен своих персонажей. Азимов и сам говорит об этом в одной из статей, опубликованных в посмертно изданном сборнике “Золото”. А именно, сначала имена вполне соответствуют современным, через несколько веков они все еще соответствуют современным по смыслу, но правописание их изменяется (как пример — Daneel вместо Daniel, Clorisa вместо Clarissa), и, наконец, в период Галак-

тической Империи они, за редким исключением, становятся неопределенными, лишь отдаленно напоминая современные имена разных народов. Этого принципа я и старался придерживаться при транскрибировании азимовских имен на русский, стараясь избежать излишнего сходства с употребляемыми в настоящее время.

3. О титулах. Азимов вводит в свои книги довольно много титулов, должностей и званий, часто выдуманных или же звучащих в данном контексте странно и юмористически. Представляется, что замена их на более привычные испортила бы это впечатление. Поэтому я старался всюду придерживаться возможно ближе к оригиналу.

4. О "языке". Другим, также очень существенным, на мой взгляд, моментом, является вопрос "языка", на котором общаются между собой персонажи. Совершенно очевидно, что через двадцать тысяч лет этот "язык" (“Галактический стандарт”) не может быть английским (хотя, судя по отдельным моментам, какие-то заимствования из английского в нем содержатся). Тому, кстати, есть прямое указание у самого автора: в романе "Камешек в небе" герой, американец, чудесным образом перенесясь из нашего времени в эру рас-

цвета Галактической Империи и оставаясь при этом на Земле, не понимает вначале ни единого слова. Поэтому разговорный язык персонажей должен иметь нейтральный характер. Следовательно, все явные англицизмы из текста должны быть убраны, а обращения типа "сэр", "мистер", "миледи" и т. п. (но не "лорд", поскольку это титул, так же, как "герцог", "пэр", “патриций” и так далее) подлежат замене русскими эквивалентами. Здесь же возникает вопрос о мерах длины, веса и прочего. Поскольку сам Азимов смешивает мили, фунты и, скажем, сантиметры, и поскольку героями книги являются потомки людей с Земли, которые могли бы сохранить эти названия, я не переводил все эти единицы в метрические, имеющие более нейтральный характер, хотя в других произведениях такое и может быть оправдано. Наконец, следует заметить, что люди времен Галактической Империи почти не упоминают в разговоре Бога и черта, употребляя вместо этого восклицания типа “О Космос!”, “Ради Галактики!” и тому подобные. Равным образом и ругательные выражения также претерпевают изменения, так что “son-of-a-spacer” означает что-то вроде “космический ублюдок”, а вовсе не “сын космонавта”, как переводят сплошь и рядом.

5. В ходе работы над переводом я обнаружил несколько несообразностей и противоречий, которые, видимо, были не замечены автором (вспомним, что книга была составлена из отдельных повестей, издававшихся в журнальном варианте и лишь впоследствии доработана). Я позволил себе прокомментировать в примечаниях некоторые, наиболее существенные из них.